


Русская Старина




Ежемѣсячный
Историческій Журналъ
АПРѢЛЪ
1883 г.











**Отъ Редакціи.**—Въ дальнѣйшихъ книжкахъ „Кіевской Старины“ сего года будутъ помѣщены заказываемые въ Дрезденѣ снимки съ рѣдкихъ старинныхъ портретовъ знаменитаго защитника православія князя Константина Острожскаго и ближайшихъ виновниковъ уніи: Ипатія Поцея, епископа владимірскаго, и Кирилла Терлецкаго, епископа луцкаго.

# СОДЕРЖАНІЕ.

**Апрѣль, 1883 г.**



---

# КІЕВСКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

## ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

---

**ГОДЪ ВТОРОЙ.**

**ТОМЪ V.**

**АПРѢЛЬ.**

1883 г.

---

**КІЕВЪ.**

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловск. ул., собств. домъ.

Дозволено цензурою. Кіевъ, 27-го марта 1883 года.

# ПЕЧЕРСКІЕ АНТИКИ.

**(Отрывки изъ юношескихъ воспоминаній).**

*(Окончаніе).* *)

## XXXV.

Теперь еще хочется упомянуть объ одномъ кіевскомъ событіи, которое прекрасно и трогательно само по себѣ и въ которомъ вырисовалась одна странная личность съ очень сложнымъ характеромъ. Я хочу сказать о священникѣ Евфиміѣ Ботвиновскомъ, котораго всѣ въ Кіевѣ знали просто подъ именемъ „попа Ефима", или даже „Юхвима".

Усопшій епископъ рижскій Филаретъ Филаретовъ, въ бытность его ректоромъ духовной академіи въ Кіевѣ, 28 декабря 1873 года писалъ мнѣ: „спрашиваете о Евфимѣ. Евфимъ, другъ нашъ, умре 19 сентября. Оставилъ семейство изъ шести душъ, трехъ женскихъ и трехъ мужескихъ. Но, видно, Евфимъ при слабостяхъ своихъ имѣлъ въ себѣ много добраго. При его погребеніи было большое остеченіе народа, провожавшаго его *съ большимъ плачемъ.* Дѣти остались на чужомъ дворѣ, безъ гроша и безъ куска хлѣба; но добрыми людьми они обезпечены теперь такъ, что едва-ли-бы и при отцѣ могли имѣть то, что устроила для нихъ попечительность людская".

Съ тѣхъ поръ, когда мнѣ довелось быть въ Кіевѣ, я никогда и ни отъ кого не могъ получить никакихъ извѣстій о дѣтяхъ отца Евфима; но, что всего страннѣе, и объ немъ самомъ память какъ будто совершенно исчезла, а если начнешь усиленно будить ее, то

*) См. март. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 493—527.

услышишь развѣ только что-то о его „слабостяхъ". Въ письмѣ своемъ пр. Филаретъ говоритъ: „не дивитеся сему—банковое направленіе все заѣло. Въ Кіевѣ ничѣмъ не интересуются, кромѣ *картъ* и *денегъ*".

Не знаю, совершенно-ли это такъ, но думается, что довольно близко къ истинѣ.

Что-бы не вызывать недомолвками пустыхъ толкованій, лучше сказать, что „слабости" о. Ефима составляли просто *кутежи*, которые тогда были въ большой модѣ въ Кіевѣ. Отецъ Евфимъ оказался большимъ консерваторомъ и переносилъ эту моду немножко дальше, чѣмъ было можно. Отецъ Евфимъ любилъ хорошее винцо, природу и охоту. Онъ былъ лучшій билліардный игрокъ *послѣ Курдюмова* и отлично стрѣлялъ; при томъ онъ, по слабости своего характера, не могъ воздержаться отъ удовольствія поохотиться, когда попадалъ въ кругъ друзей изъ дворянъ. Тутъ о. Евфимъ переодѣвался въ егерскій костюмъ, хорошо приспособленный къ тому, что-бы спрятать его „гриву", и „полювалъ" по преимуществу съ гончими. Нрава Юхвимъ былъ веселаго, даже дѣтски шаловливаго и увлекающагося до крайностей, иногда непозволительныхъ; но это былъ такой человѣкъ, какихъ родится немного и которыхъ грѣшно и стыдно забывать въ одно десятилѣтіе.

Каковъ Юхвимъ былъ, какъ священникъ,—этого я разбирать не стану, да и думаю, что это извѣстно одному Богу, которому служилъ онъ, какъ могъ и какъ умѣлъ. Внѣшнимъ образомъ въ священнодѣйствіи Юхвимъ былъ мастеръ и знатокъ, но лѣноватъ, и потому служилъ рѣдко—больше содержалъ у себя для служенія какихъ-то „приблудныхъ батюшокъ", которые всегда проживали у него-же въ домѣ. Отецъ Юхвимъ прекрасно читалъ и иногда, читая великопостные каноны, неудержимо плакалъ, а потомъ самъ надъ собою шутилъ, говоря:

— Стілько я, ледачій піпъ, нагрішивъ, що Богъ вже змиловався надо мною и давъ мені слезы, що-бъ плакати ділъ моихъ горько. Не можу служить, не плачучи.

Разберите и разсудите хоть по этому, что это былъ за человѣкъ *по отношенію къ вѣрѣ?* По моему мнѣнію, онъ былъ человѣкъ богопочтительный, но его кипучая, художественная, артистическая натура, при умѣ живомъ, но крайне легкомъ и не серьез-

номъ, постоянно увлекала его то туда, то сюда, такъ что онъ могъ бы и совершенно извертѣться, если-бы не было одного магнита, который направлялъ его блужданія къ опредѣленной точкѣ. Магнитомъ этимъ, дѣйствовавшимъ на Юхвима съ страшною, всеодолѣвающею *органическою* силою была его громадная, прирожденная *любовь къ добру* и *сострадание*.

Когда я зазналъ отца Евфима, онъ былъ очень юнымъ священникомъ маленькой деревянной церковки Іоанна Златоуста противъ нынѣшней старокіевской части. Приходъ у него былъ самый бѣднѣйшій, и отцу Евфиму совершенно не чѣмъ-бы было питаться, если-бы семьѣ его Господь не послалъ „врана".

Этотъ „питающій вранъ" былъ *разучившійся грамотѣ* дьячекъ Константинъ, или Котинъ, длинный, худой, съ сломанымъ и согнутымъ на сторону носомъ, за что и прозывался „Ломоносовымъ".

Онъ самъ о себѣ говаривалъ:

— Я вже часто не здужаю, бо ставъ старый; але що маю подіяти, якъ робити треба.

„Треба" была—вотъ почему, что Ломоносовъ считалъ „на своемъ воспитаніи" молодую, но быстро нароставшую семью своего молодаго и совершенно беззаботнаго священника.

Дьячекъ Котинъ служилъ при его отцѣ, Георгіѣ Ботвиновскомъ, зналъ Евфима дитятею и студентомъ академіи, и теперь, видя его крайнюю безпечность обо всѣхъ домашнихъ нуждахъ, принялъ домъ священника „на свое воспитаніе".

Трудъ Ломоносова состоялъ въ томъ, что все лѣтнее время, пока Кіевъ посѣщается „богомулами", онъ вставалъ до зари, садился у церковной оградочки съ деревяннымъ ящичкомъ, съ прорѣзкою въ крышкѣ, и „стерегъ богомуловъ".

Дѣло это очень заботное и требовало не малой сообразительности и остроты разума, а также смѣлости и такта, ибо, собственно говоря, Ломоносовъ „воспитывалъ семейство" на счетъ другихъ приходовъ и преимущественно на счетъ духовенства церквей Десятинной, Андреевской и всѣхъ вкупѣ святынь Подола.

Константинъ отпиралъ церковь, зажигалъ лампадочку и садился у дверей на маленькой скамеечкѣ;—передъ собою онъ ставилъ мѣдную чашку съ водою и кропило, рядомъ ящичекъ или „карнавку",

а въ руки бралъ шерстяной пагленокъ, который вязалъ вѣчно и безъ окончанія.

— Бо духовному лицу треба бути въ трудѣхъ бденныхъ.

Какъ большинство обстоятельныхъ и сильно озабоченныхъ людей, Котинъ былъ порядочный резонеръ и уважалъ декорумъ и благопристойность.

„Богомулъ“ (въ собирательномъ смыслѣ) идетъ по Кіеву опредѣленнымъ путемъ, какъ сельдь у береговъ Шотландіи, такъ что прежде „напоклоняется усімъ святымъ печерскимъ, потімъ того до Варвары, а потімъ Макарію софійскому, а потімъ вже геть просто *мимо Ивана* до Андрея и Десятинного и на Подолъ“.

Маршрутъ этотъ освященъ вѣками и до такой степени традиціоненъ, что его никто и не думалъ-бы измѣнять. Церковь Іоанна Златоуста, или, въ просторѣчіи, кратко „*Иванъ*“, была все равно что пунктъ водораздѣла, откуда „богомулъ“ принимаетъ наклонное направленіе, „*мимо Ивана*“.

Къ „Ивану“ заходить было не принято, потому что Иванъ самъ по себѣ ничѣмъ не блестѣлъ, хотя и отворялъ радушно свои двери съ самыхъ спозаранокъ. Но нужда, изощряющая таланты, сдѣлала умъ Котина столь острымъ, что онъ изъ этого мимоходнаго положенія своего храма извлекалъ сугубую выгоду. Онъ сидѣлъ здѣсь на водораздѣлѣ теченія и „переловливалъ богомуловъ“, такъ что они не могли попадать къ святынямъ Десятинной и Подола, пока Котинъ ихъ „трохи не вытруситъ“. Дѣлалъ онъ это съ превеликою простотою, тактомъ и съ такою отвагою, которою даже самъ хвалился:

— Тиі богомулы, що у лавру до святыхъ поприходили,—говорилъ онъ,—тихъ я до себе затягти не можу, не про те, що мій храмъ такій малесенькій, а про те, що лавра на такімъ пути, що іі скрізь видно. Одъ нихъ вже нехай лаврикові торгують. А що до подольскихъ, або до Десятинного, то сіи вже нехай собі пальци поссуть якъ я имъ дамъ що уторгувати и необібранихъ богомулівъ спущу имъ.

Онъ „обиралъ“ богомуловъ вотъ какимъ образомъ: имѣя подлѣ себя „карнавку“, Котинъ, чуть завидитъ или заслышитъ двигающихся тяжелыми ногами „богомуловъ“, начиналъ „трясти грошъ“ въ ящичкѣ, приговаривая:

— Богомули! богомули! Куды це вы? Жертвуйте, жертвуйте до церковці Ивана Золотоустого!

И чуть мужики пріостанавливались, чтобы достать и положить по грошу, Котинъ вдругъ опутывалъ ихъ ласкою. То онъ спрашивалъ: „звіткиля се вы?", то „якъ у васъ сей годъ житечко зародило?", то предложитъ иному „ужить табáки" изъ его тавлинки, а затѣмъ и прямо звалъ въ церковь.

— Идить-же, идить до храму святого... усходьте... я вамъ одну таку святыню покажу, що ніде ii не побачите.

Мужички просились:

— Мы, выбачайте, на Подолъ йдемо, та до князя Владиміра.

Но Котинъ уже не выпускалъ „богомула".

— Ну, та що тамъ таке у святого Владиміра?—начиналъ онъ съ неодолимою смѣлостію ученаго критика.—Богъ зна, чи що тамъ есть, чи чого нема. Вінъ собі бувъ ничого, добрый князь; але, якъ усі чоловіки, мавъ жінку, да ще не единую. Заходьте до мене, я вамъ свячену штучку покажу, що святивъ той митрополитъ Евгеній, що підъ софійскимъ підъ поломъ лежить... Евгеній, то, бачите, бувъ еній (Котинъ почему-то не говорилъ *геній*).

А во время такого убѣдительнаго разговора онъ уже волокъ мужика или бабу, которая ему казалась вліятельнѣе прочихъ въ группѣ, за руку и вводилъ всѣхъ въ церковь и подводилъ ихъ къ столу, гдѣ опять была другая чаша съ водой, крестъ, кропило и блюдо, а самъ шелъ въ олтарь и выносилъ оттуда старенькій парчевый воздухъ и начиналъ всѣхъ обильно кропить водою и отирать этимъ перепачканнымъ воздухомъ, приговаривая:

— Боже благослови, Боже благослови!.. Умыхся еси, отерся еси; умыхся, отерся... То нашъ еній Евгеній сей воздухъ святивъ... цілуйте его, христіяне, собі на здоровье... души во спасеніе... во очищеніе очесъ... костей укріпленіе... И потомъ вдругъ приглашалъ прилечь отдохнуть на травкѣ около церкви, или-же идти „впростъ— до батюшки, до господы", т. е. на дворъ къ отцу Евфиму, который былъ тутъ-же рядомъ.

Котину почти ежедневно удавалось заманить нѣсколькихъ „богомуловъ" на батюшкинъ дворъ, гдѣ имъ давали огурцовъ, квасу и хлѣба и мѣсто подъ сараемъ, а они „жертвовали" кто что можетъ.

Выходило это такъ, что и „богомуламъ“ было безъобидно, и „дома“ хозяину выгодно. Каждый день былъ „свѣжій грошъ“, а на другое утро „богомулы шли опустошени“, и Котинъ ихъ самъ напутствовалъ:

— Идіть теперички, христіяне, куди собі хочете,—хоть и до святого Владиміра.

Перехожая пошлина съ нихъ у Ивана была уже взята.

Таковъ былъ простодушный, но усердный печальникъ о семьѣ безпечальнаго отца Евфима въ первое время; но потомъ, когда Евфима перевели на мѣсто усопшаго брата его Петра, въ троицкую церковь, его начали знать болѣе видные люди и стали доброхотствовать его семьѣ, о которой самъ Евфимъ всегда заботился мало.

— Нашъ батюшка, говорилъ Котинъ, завжди въ росході, бо ёго люде дуже люблять.

Это была и правда. Ни семейная радость, ни горе не обходилось безъ „Юхвима“. Ему давали „за руки“ спорныя деньги, его выбирали душеприказчикомъ, и онъ всѣ *чужія дѣла* исполнялъ превосходно. Но о своихъ не заботился нимало и довелъ это до того, что „самъ себя изнищилъ“.

Вотъ событіе, которымъ онъ одно время удивилъ Кіевъ и далъ многимъ хорошій поводъ оклеветать его за добро самыми черными клеветами.

## XXXVI.

Былъ въ Кіевѣ уѣздный казначей Осипъ Семеновичъ Т—ій, котораго привезъ съ собою изъ Житоміра предсѣдатель казенной палаты Ключаревъ. Мы этого чиновника знали мало, а отецъ Евфимъ *нисколько*. Вдругъ при одной повѣркѣ казначейства новымъ предсѣдателемъ Кобылинымъ оказался прочетъ въ казенныхъ суммахъ, кажется, около 20,000 рублей, а можетъ быть и нѣсколько меньше. Казначей былъ извѣстенъ своею честностію и аккуратностію. Какъ образовался этотъ прочетъ,—я думаю никто навѣрно не знаетъ, потому что дѣло было замято и потушено; но семьѣ казначея угрожала погибель. Объ этомъ много говорили и очень сожалѣли маленькихъ дѣтей казначея.

Дошло это дѣло до Евфима и ужасно его тронуло. Онъ задумался, потомъ вдругъ заплакалъ и воскликнулъ:

— Тутъ надо помочь!

— Какъ-же помочь? надо заплатить деньги.

— Да, конечно, надо заплатить.

— А кто ихъ заплатитъ?

— А вотъ попробуемъ.

Отецъ Евфимъ велѣлъ „запречь игумена" (такъ называлъ онъ своего карого коня, купленнаго у какого-то игумена) и поѣхалъ къ Кобылину съ просьбою подержать дѣло въ секретѣ два, три дня, пока онъ „попробуетъ".

Предсѣдателю такое предложеніе, разумѣется, было во всѣхъ отношеніяхъ выгодно, и онъ согласился ожидать, а Евфимъ пошелъ гонять своего „игумена". Объѣздилъ онъ всѣхъ друзей и пріятелей и у всѣхъ, у кого только могъ, просилъ пособить—„спасти семейство". Собралъ онъ не мало, помнится, будто тысячъ около четырехъ, что-то далъ и Кобылинъ; но недоставало все-таки много. Не помню теперь, сколько именно, но много что-то недоставало, кажется, тысячъ двѣнадцать, или даже болѣе.

У насъ были совѣты и рѣшено было „собранное сберечь для семьи", а казначея предоставить его участи. Но предобрѣйшему Евфиму это не нравилось.

— Что тамъ за участь дѣтямъ безъ отца! проговорилъ онъ и на другой-же день *взнесъ всѣ деньги,* сколько ихъ слѣдовало.

Откуда-же онъ ихъ взялъ?

Онъ *раззорилъ свое собственное семейство:* онъ заложилъ домъ свой и домъ тещи своей, вдовы протоіерея Лободовскаго, надавалъ векселей и сколотилъ сумму, что-бы выручить человѣка, котораго, опять повторяю, *онъ не зналъ,* а зналъ только о бѣдствіи, его постигшемъ...

Разсудительнымъ или безразсуднымъ кому покажется этотъ поступокъ, но во всякомъ случаѣ онъ столь великодушенъ, что о немъ стоитъ вспомнить, и если слова еп. Филарета справедливы, что дѣти Ботвиновскаго призрѣны, то поневолѣ приходится повторить съ псалмопѣвцемъ: „не видѣхъ праведника оставлена, ниже сѣмени его просяща хлѣба".

Другаго такого поступка, совершеннаго съ полнѣйшею простотою сверхъ силъ и по одному порыву великодушія, я не видалъ ни отъ кого, и когда при мнѣ говорятъ о пресловутой „поповской жадности", я всегда вспоминаю, что самый, до безразсудности, безкорыстный человѣкъ, какого я видѣлъ,—это *былъ попъ*.

Поступокъ Евфима не только не былъ оцѣненъ, но даже былъ осмѣянъ и послужилъ поводомъ къ разнообразнымъ клеветамъ, имѣвшимъ дурное вліяніе на его расположеніе и положеніе.

Съ этихъ поръ онъ началъ снова захудѣвать, и все въ его дѣлахъ пошло въ разстройство: домъ его былъ проданъ, долгъ тещѣ его тяготилъ и мучилъ; онъ переѣхалъ къ своей, перенесенной на Новое Строеніе троицкой церкви и, вдобавокъ, овдовѣлъ, а во вдовствѣ такой человѣкъ, какъ Евфимъ, былъ совершенно не возможенъ.

Жена его была прекрасная и даже очень миленькая женщина, веселаго и добраго нрава, терпѣливая, прощающая и тоже беззаботная. Лучшей пары отцу Евфиму и на заказъ нельзя было подобрать, но когда въ дѣлахъ ихъ пошелъ упадокъ, и она стала прихварывать, ей стало скучно, что мужа никогда почти нѣтъ дома. Она умерла какъ-то особенно тихо и грустно, и это обстоятельство вызвало въ отцѣ Евфимѣ еще одинъ необыкновенный порывъ въ свойственномъ ему малоразсудительномъ, но весьма оригинальномъ родѣ. Мало удосуживаясь видѣть жену свою при ея жизни, онъ *не могъ* разстаться съ нею съ мертвою, и это побудило его рѣшиться на одинъ крайне рискованый поступокъ, еще разъ говорящій о его причудливой натурѣ.

## XXXVII.

Троицкая церковь, къ которой перешелъ о. Евфимъ послѣ смерти своего брата, находилась на Старомъ Кіевѣ, противъ зданія присутственныхъ мѣстъ, гдѣ нынѣ начинается скверъ отъ стороны софійскаго собора. Церковь эта была маленькая, деревянная и вдобавокъ ветхая, какъ и церковь Іоанна Златоуста, находившаяся по другую сторону присутственныхъ мѣстъ, и съ постройкою этихъ послѣднихъ ее рѣшено было перенести на Новое Строеніе, гдѣ, конечно, надо было строить церковь вновь, сохранивши названіе прежней. Отецъ Евфимъ самъ распоряжался постройкою церкви и осуществилъ при этомъ нѣкоторыя свои фантазіи. Такъ, наприм.,

въ бытность его въ Петербургѣ, онъ мнѣ разсказывалъ, что устроилъ гдѣ-то въ боковой части олтаря маленькую „комору подъ землею",—что-бы тамъ лѣтомъ, въ жары, хорошо было отдыхать.

Я не видѣлъ этой „коморы" и не знаю, какъ она была устроена, но знаю несомнѣнно, что она есть, и что въ ней скрывается теперь ни для кого уже не проницаемая тайна.

— Гдѣ схоронена покойная Елена Семеновна? спросилъ я отца Евфима, разсказывавшаго мнѣ тяжесть своего вдоваго положенія.

— А у меня подъ церковью, отвѣчалъ онъ.

Я удивился.

— Какъ, говорю, подъ церковью? Какъ-же вы это могли выхлопотать? Кто вамъ разрѣшилъ?

— Ну вотъ, говоритъ,—„разрѣшилъ"! Что я за дуракъ, чтобы сталъ объ этомъ кого-нибудь спрашивать? Разумѣется, никто-бы мнѣ этого не разрѣшилъ. А я такъ, чтобы она, моя голубонька, со мною не разставалась,—я *самъ ее закопалъ подъ поломъ въ коморѣ,* и хожу туда и плачу надъ нею.

Это мнѣ казалось невѣроятнымъ и я безъ стѣсненія сказалъ отцу Евфиму, что ему не вѣрю, но онъ забожился и разсказалъ исторію погребенія покойницы подъ церковью въ подробностяхъ и съ такою обстоятельностію, что основаніе къ недовѣрію исчезло.

По словамъ отца Евфима, какъ только Елена Семеновна скончалась, онъ и два преданные ему друга (а у него ихъ было много) разобрали въ нижней „коморѣ" полъ и сейчасъ-же стали *своими руками* копать могилу. Къ отпѣванію покойной въ церкви—могила была готова. Приготовлялась-ли тоже, какъ слѣдовало, могила на кладбищѣ,—я не спросилъ. Затѣмъ покойную отпѣли въ большомъ собраніи духовенства и, кажется, въ предстояніи преосвящ. Филарета Филаретова, который тогда былъ еще архимандритомъ и ректоромъ кіевской академіи. По отпѣваніи и запечатлѣніи гроба *выносъ былъ отложенъ* до завтра, будто за неготовностью могильнаго склепа. Затѣмъ, когда отпѣвавшее духовенство удалилось, отецъ Евфимъ съ преданными ему двумя друзьями (которыхъ онъ называлъ) пришли ночью въ церковь и *похоронили покойницу въ могилѣ, выкопанной въ коморѣ подъ олтаремъ.* Потомъ полъ

опять заслали и слѣдъ погребенія исчезъ навсегда, „до радостнаго утра“ *).

Покойный еп. Филаретъ Филаретовъ, кажется, зналъ объ этомъ. По крайней мѣрѣ, когда я его спрашивалъ: *гдѣ* погребена Елена Семеновна? онъ, улыбаясь, махалъ рукою и отвѣчалъ: „Богъ его знаетъ, гдѣ онъ ее похоронилъ“.

## XXXVIII.

Какъ-же относились къ такому священнику люди?

Моралисты и фарисеи его порицали, но простецы и „мытари“ любили „предобраго Евфима“ и, какъ писалъ мнѣ преосв. Филаретъ, „провожали его съ большимъ плачемъ“.

Не каждаго такъ проводятъ даже и изъ тѣхъ, коя „посягли всѣ книги кожаны“ и соблюли всѣ посты и „субботы“.

И какъ было не плакать о такомъ простякѣ, который являлъ собою живое воплощеніе добра! Конечно, онъ не то, что пасторъ Оберлинъ; но онъ нашъ, простой русскій попъ, человѣкъ, можетъ, и безолаберный, и грѣшный, но всепрощающій и безкорыстнѣйшій. А много-ли такихъ на свѣтѣ?

А что думало о немъ начальство?

Кажется, не одинаково. От. Евфимъ служилъ при трехъ митрополитахъ. Выс.-преосв. Исидоръ Никольскій былъ мало въ Кіевѣ и едва-ли успѣлъ кого узнать. Преемникъ его Арсеній Москвинъ *не* благоволилъ къ Ботвиновскому, но покойный Филаретъ Амфитеатровъ, надо полагать, его любилъ. Разъ онъ призывалъ Евфима по какой-то жалобѣ или какому-то слуху, о существѣ коего впрочемъ на митрополичьемъ разбирательствѣ ничего обстоятельно не выяснилось.

О разбирательствѣ этомъ разсказывали слѣдующее: когда Филарету наговорили что-то о „необстоятельности“ Ботвиновскаго,

---

*) Собранныя нами теперь по поводу предложеннаго разсказа свѣдѣнія способны только подтвердить его достовѣрность: никто изъ тѣхъ, кого мы разспрашивали, не помнитъ, даже со словъ другихъ, факта провода на кладбище тѣла умершей жены о. Ефима, а помнятъ только фактъ совершеннаго надъ нею торжественнаго отпѣванія и предложенной затѣмъ поминальной трапезы.—Ред.

митрополитъ о немъ разспросилъ и, должно быть, составилъ мнѣніе въ „смягчающемъ" тонѣ. А самый судъ произвелъ такъ:

— Ты *Ба*твин*е*вск*ой*? спросилъ онъ обвиняемаго.

— *Бо*твиновск*ій*, отвѣчалъ от. Евфимъ.

— Что-о-о?

— Я *Бо*твиновск*ій*.

Владыка сердито стукнулъ по столу ладонью и крикнулъ:

— Врешь!.. *Ба*твин*е*вск*ой*!

Евфимъ молчалъ.

— Что-о-о? спросилъ владыка.—Чего молчишь?

Тотъ подумалъ—что ему отвѣчать? и благопокорно произнесъ:

— Я *Ба*твин*е*вской.

Митрополитъ успокоился и съ добраго лица его радостно исчезла непривычная тѣнь напускной строгости и онъ протянулъ своимъ беззвучнымъ баскомъ:

— То-то и есть... *Ба*твин*е*вск*ой*!.. Покорился!.. Ну, теперь иди къ своему мѣсту.

А „прогнавъ" такимъ образомъ „*Ба*твин*е*вскаго", онъ говорилъ намѣстнику лавры (тогда еще благочинному) отцу Варлааму.

— Добрый мужиченко этотъ *Ба*твин*е*вской,—очень добрый... И покорился... Только зачѣмъ онъ трубку изъ длиннаго чубука палитъ?

Инокъ отвѣчалъ, что онъ этого не знаетъ, а добрый владыка разворковался:

— Это его Крамаревъ обучилъ... Скажи ему, чтобы не курилъ изъ длиннаго чубука.

Очевидно, что шло что-то о куреніи. Отецъ Евфимъ и въ этомъ *покорился*,—курилъ папиросы.

Къ сему развѣ остается добавить, что Ботвиновскій былъ очень видный собою мужчина и, по мнѣнію знатоковъ, въ молодости превосходно танцовалъ мазурку, и... искусства этого никогда не утаивалъ.

Мнѣ думается, что такой непосредственный человѣкъ непремѣнно долженъ имѣть мѣсто среди кіевскихъ *антиковъ*, и даже можетъ быть воспоминаніе о немъ окажется самымъ симпатичнымъ для кіевлянъ, между коими вѣроятно еще не мало тѣхъ, что „шли плача за его гробомъ".

Какъ-бы хорошо было, если-бы при этомъ кто нибудь вспомнилъ и поискалъ: гдѣ теперь дѣти этого достойнаго памяти добряка?

## XXXIX.

О *кіевскихъ богатыряхъ* я знаю мало. Видоизмѣняясь отъ облика Ильи и Чурилы до фигуры Остапа Бульбы, къ моему времени въ Кіевѣ они являлись въ лицахъ того-же приснопамятнаго Аскоченскаго, студента Кол--ва и торговаго человѣка (прикащика купца Козловскаго) Ивана Филипповича Касселя (чистаго, безпримѣснаго хохла, наказаннаго за какой-то первородный грѣхъ иноземною кличкою).

О силѣ Аскоченскаго говорили много, приводя примѣры, что будто ее иногда по неволѣ принимали въ соображеніе бывшій въ его время ректоромъ „русскій Златоустъ“ Иннокентій Борисовъ и инспекторъ Іеремія. Достовѣрнаго въ этомъ кажется то, что когда инспекторъ отобралъ разъ у студентовъ чубуки и снесъ ихъ къ Иннокентію, то Аскоченскій, съ его „непобѣдимою дерзостію“, явился къ Иннокентію „требовать *свою собственность*“. А когда Иннокентій назвалъ это нахальствомъ и приказалъ наглецу „выйдти вонъ“, то Аскоченскій взялъ „весь пукъ чубуковъ“ и сразу всѣ ихъ переломилъ на колѣнѣ.

Все остальное, что касается его легендарной силы, выражалось въ такомъ родѣ: онъ все „ломалъ“. Болѣе всего онъ ломалъ или, лучше сказать, гнулъ за столами металлическіе ножи, ложки, вилки, а иногда подсвѣчники. Дѣлалъ онъ это всегда сюрпризомъ для хозяевъ, но не всегда ихъ тѣмъ радовалъ.

О „непобѣдимыхъ его дерзостяхъ“ разсказывалось тоже много, но надо всѣмъ предоминировало сообщеніе о „стычкѣ его съ профессоромъ Серафимомъ“ на лекціи церковной исторіи.

Дѣло было такъ, что профессоръ послѣ безпристрастнаго изложенія фактовъ, пришелъ научнымъ путемъ къ достовѣрному выводу, который изложилъ въ слѣдующихъ словахъ:

— И такъ, мы ясно видѣли, что мать наша святая православная церковь въ Россіи, принявъ богоучрежденныя постановленія отъ апостоловъ, нынѣ управляется *самимъ Духомъ святымъ*.

— Въ генеральскомъ мундирѣ!—отозвался съ своей парты Аскоченскій.

Профессоръ смутился и, какъ-бы желая затушевать неумѣстное вмѣшательство студента, повторилъ:

— Самимъ Духомъ святымъ.

Но Аскоченскій снова не выдержалъ и еще громче произнесъ:

— Да, въ генеральскомъ мундирѣ!

— Что ты разумѣешь, несчастный?—спросилъ его Серафимъ.

— Не *что,* а *нѣчто,* отвѣчалъ Аскоченскій, и пояснилъ, что онъ разумѣетъ военнаго оберъ-прокурора синода, Н. Ал. Протасова.

Серафимъ побѣжалъ жаловаться къ Иннокентію, но тотъ какъ-то спустилъ это мягко.

Послѣдній фактъ „непобѣдимой дерзости" Аскоченскаго былъ не въ его пользу. Это случилось тогда, когда въ одно время сошлись на службѣ въ Каменцѣ Аскоченскій, занимавшій тамъ мѣсто совѣстнаго судьи, и бывшій его начальникъ по воронежской семинаріи Елпидифоръ, на эту пору архіепископъ подольскій.

Пр. Елпидифоръ былъ изрядно нетерпѣливъ и вспыльчивъ, въ свою очередь онъ зналъ продерзостную натуру Аскоченскаго, когда тотъ учился въ воронежской семинаріи. Однажды Елпидифоръ служилъ обѣдню въ соборѣ, а Аскоченскій стоялъ въ олтарѣ (любимое дѣло ханжей нарушать церковное правило и стѣснять собою служащее духовенство).

Во время литургіи какой-то діаконъ или иподіаконъ что-то напуталъ, а вспыльчивый владыка сказалъ ему за это „дурака".

Тѣмъ дѣло и кончилось-бы, но послѣ обѣдни у преосвященнаго былъ пирогъ, и къ пирогу явился Аскоченскій, а во время одной паузы онъ ядовито предложилъ такой вопросъ:

— Владыко святый! что долженъ пѣть клиръ, когда архіерей возглашаетъ „дуракъ"?

— „Совѣстный судья", отвѣчалъ спокойно преосвященный.

— А я думалъ: „и духови твоему", отвѣчалъ „непобѣдимый въ дерзости", но вскорѣ потерялъ мѣсто совѣстнаго судьи и навсегда лишился службы.

Другой *богатырь* Кол—въ дѣйствительно обладалъ силою феноменальною и ночами ходилъ „переворачивать камни у Владиміра". Идеалъ его былъ „снять крѣпостныя вороты и отнести ихъ на себѣ на Лысую гору", которой тогда еще не угрожалъ переходъ въ собственность многополезнаго для Россіи рода бояръ Анненковыхъ. Тогда тамъ слетались простыя кіевскія вѣдьмы. Но воротъ Кол—въ не снялъ, а погибъ инымъ образомъ.

Третій, самый веселый богатырь моего времени былъ Иванъ Филипповичъ Кассель, имѣющій даже двойную извѣстность въ русской арміи. Во первыхъ, торгуя военными вещами, онъ обмундировалъ чуть-ли не всѣхъ офицеровъ, переходившихъ въ Крымъ черезъ Кіевъ, а во вторыхъ онъ положилъ конецъ большой войнѣ, не значащейся ни въ какихъ хроникахъ, но тѣмъ не менѣе продолжительной и упорной.

Не знаю, съ какого именно повода въ Кіевѣ установилась вражда не вражда, а традиціонное преданіе о необходимости боевыхъ отношеній между студентами и вообще штатскою молодежью съ одной стороны и юнкерами съ другой. Особенно считалось необходимымъ „бить саперовъ", т. е. юнкеровъ сапернаго училища. Шло это съ замѣчательнымъ постоянствомъ и заманчивостью, которая увлекала даже такихъ умныхъ и прекрасныхъ людей, какъ Андрей Ивановичъ Друкартъ, бывшій въ то время уже чиновникомъ особыхъ порученій при губернаторѣ Фундуклеѣ.

Съ утра бывало сговариваются приходить въ трактиръ къ Кругу или къ Бурхарду, гдѣ поджидались саперные юнкера, и тамъ „ихъ бить".

Ни за что, ни про что, а такъ просто „бить".

Но иногда для этого выѣзжали на дубу, или пѣшкомъ отправлялись „за мостъ" къ Рязанову или на Подолъ, къ Коткову и тамъ „бились".

Порою съ обѣихъ сторонъ были жертвы, т. е. не убитые, но довольно сильно побитые, а война все упорствовала, не уставала и грозила быть такою-же хронической, какъ война кавказская. Но случилось, что въ одной стычкѣ юнкеровъ (сдѣлавшихъ вылазку изъ урочища Кожемяки) съ статскою партіею (спускавшеюся отъ церкви св. Андрея) находился Кассель. Будучи призванъ къ участію въ битвѣ, Иванъ Филипычъ одинъ положилъ на землю всѣхъ непріятелей, а потомъ за одно и всѣхъ своихъ союзниковъ. Въ пылу битвы онъ не могъ успокоиться, пока не увидалъ вокругъ себя *всѣхъ* „полегшими". Это было такъ не по сердцу для обѣихъ воюющихъ сторонъ, что съ этимъ разомъ битвы прекратились.

Богатырей прославленныхъ силою болѣе ихъ уже не было. Эти, кажется, были послѣдніе.

## XXXX.

О *кладахъ* мнѣ только извѣстно въ смыслѣ литературномъ. Гдѣ-то и у кого-то въ Кіевѣ долженъ храниться одинъ не особенно богатый, но интересный кладъ,—это одно дѣйствительно мѣткое и остроумное сочиненіе В. И. Аскоченскаго, написанное въ формѣ рѣчи, произносимой кандидатомъ епископства при нареченіи его въ архіереи. Рѣчь новонарекаемаго епископа, сочиненная Аскоченскимъ, не только ни мало не похожа на тѣ рѣчи, какія обыкновенно при этихъ важныхъ случаяхъ произносятся, но она имъ діаметрально противуположна по направленію и духу, хотя сводится къ тѣмъ-же результатамъ. Въ заправдошныхъ рѣчахъ кандидаты обыкновенно говорятъ о своихъ слабостяхъ и недостоинствахъ,—вообще какъ-бы отнѣкиваются отъ епископства, боясь, что не пронесутъ обязанностей этого сана, какъ слѣдуетъ. Обыкновенно только къ концу, и то полагаясь на всемогущую благодать Божію и на воспособляющую силу молитвъ предсѣдящихъ святителей, они „пріемлятъ и ни что-же вопреки глаголятъ". Но рѣчь Аскоченскаго идетъ изъ иного настроенія: его кандидатъ епископства, человѣкъ смѣлаго ума и откровенной прямой натуры, напоминающей впрочемъ „Племянника г-на Рамо". Онъ смотритъ на жизнь весело и не видитъ никакой надобности возводить на себя самообвиненія въ тяжкихъ недостоинствахъ. Напротивъ, нарекаемый епископъ Аскоченскаго признается, что санъ епископскій ему издавна весьма нравился и очень, очень пріятенъ. Онъ разсказываетъ даже, какія мѣры и усилія онъ употребилъ для достиженія своей цѣли—быть епископомъ. Потомъ говоритъ и о своихъ „недостоинствахъ", но опять по своему: онъ не ограничивается общимъ поверхностнымъ упоминаніемъ, что у него есть „недостоинства", а откровенно припоминаетъ ихъ, какъ добрый христіанинъ добраго времени, стоящій на открытой, всенародной исповѣди. Кандидатъ доводитъ свою откровенность до того, что „недостоинства" его въ самомъ дѣлѣ какъ будто заставляютъ опасаться за его годность къ епископскому служенію и за него становится и жалко, и больно... Но вдругъ живая душа исповѣдника дѣлаетъ быстрый взмахъ надъ міромъ и зритъ оттуда съ высотъ, что и другіе, пріявшіе уже яремъ епископства, были не только не достойнѣе его, но даже и послѣ

таковыми-же остались. А онъ клянется, что когда ему на епископствѣ станетъ жить хорошо, то онъ, какъ умный человѣкъ, ни за что не станетъ искать никакихъ пустяковъ, не имѣющихъ прямой цѣны для счастія, и „потому пріемлетъ и ни что-же вопреки глаголетъ".

Аскоченскій мнѣ самъ читалъ эту рѣчь, замѣчательную какъ въ литературномъ, такъ и въ историческомъ отношеніи, и читалъ онъ ее многимъ другимъ, пока объ этомъ не узналъ покойный митрополитъ московскій Иннокентій Веніаминовъ. Онъ *запретилъ* Аскоченскому читать эту рѣчь и давать ее списывать, и Викторъ Ипатьичъ, часто прибѣгая къ Иннокентію по дѣламъ своего изнемогавшаго изданія и другимъ личнымъ нуждамъ, далъ слово митрополиту запретъ этотъ исполнить. Въ „Дневникѣ" Аскоченскаго, который я по редакціонной обязанности *весь прочелъ*, прежде пріобрѣтенія его редакціею „Историческаго Вѣстника", *нѣтъ этой рѣчи*. Это тѣмъ болѣе удивительно, что въ „Дневникѣ" записано множество выходокъ гораздо менѣе удачныхъ и литературныхъ шалостей несравненно болѣе непристойныхъ и дерзкихъ, по отношенію къ предстоятелямъ церкви. Можетъ быть Аскоченскій вырвалъ эти листы, въ угоду митрополиту, который, по словамъ Виктора Ипатьича, „просто позволялъ ему *обыскивать свой бумажникъ*". Во всякомъ случаѣ этотъ литературный кіевскій кладъ *) очень ин-

---

*) Мы знаемъ другой кладъ, оставленный В. И. Аскоченскимъ въ Кіевѣ и находящійся, вѣроятно, и теперь у кого-либо изъ его кіевскихъ знакомыхъ. Это обширное его изслѣдованіе о тогдашнемъ состояніи русскихъ университетовъ, озаглавленное, сколько помнимъ, такъ: «Наши университеты». Въ свое время мы читали эту толстую, листовъ въ 70, рукопись, написанную, если не ошибаемся, въ 1854 или 1855 г. Въ ней онъ съ безпощадною рѣзкостію осуждаетъ весь строй университетскій и раскрываетъ недуги этихъ дорогихъ для всякаго учрежденій, оказываясь однако безсильнымъ предложить дѣйствительныя средства къ ихъ исцѣленію. Рукопись наполнена массою самыхъ непріглядныхъ фактовъ, обличавшихъ пустоту университетскихъ чтеній, грошовое либеральничество профессоровъ, распущенность студентовъ и пр. и пр. Рукопись шибко ходила по рукамъ и произвела въ ученомъ и административномъ мірѣ бурю, кончившуюся тѣмъ, что безшабашнаго автора, какъ не служащаго дворянина, посадили недѣли на двѣ на гауптвахту при кіевскомъ ордонансъ-гаузѣ.

Разсказывали въ ту пору, что когда Аскоченскій былъ «приличнымъ образомъ» доставленъ къ тогдашнему кіевскому генералъ-губернатору, кн. Васильчикову,

тересенъ какъ для характеристики самаго Аскоченскаго, такъ и въ смыслѣ опредѣленія прозорливости тѣхъ, которые чаяли видѣть въ Викторѣ Ипатьевичѣ защитника падающаго авторитета своего сана, съ дозволеніемъ иногда „*обыскивать* ихъ бумажники“.

## XXXXI.

Затѣмъ еще „послѣднее сказаніе“,—тоже касающееся кіевскихъ преданій и литературы.

Когда въ „*Русскомъ Вѣстникѣ*“ М. Н. Каткова былъ напечатанъ мой разсказъ „*Запечатлѣнный Ангелъ*“, то въ нѣкоторыхъ періодическихъ изданіяхъ, при снисходительныхъ похвалахъ моему маленькому литературному произведенію, было сказано, что „въ немъ передано событіе, случившееся при постройкѣ кіевскаго моста“ (разумѣется, *стараго*). Въ разсказѣ идетъ дѣло объ иконѣ, которую чиновники „запечатлѣли“ и отобрали въ монастырь, а старовѣры, которымъ та икона принадлежала, подмѣнили ее копіею во время служенія пасхальной заутрени. Для этого одинъ изъ старовѣровъ *прошелъ съ одного берега рѣки на другой при бурномъ ледоходѣ по цѣпямъ*.

Всѣмъ показалось, что мною въ этомъ разсказѣ описана кіевская мѣстность и „событіе случившееся тоже въ Кіевѣ“. Такъ это и остается до сей поры.

Позволю себѣ нынѣ замѣтить, что первое совершенно справедливо, а второе нѣтъ. Мѣстность въ „Запечатлѣнномъ Ангелѣ“, какъ и во многихъ иныхъ моихъ разсказахъ, дѣйствительно похожа на Кіевъ,—что объясняется моими привычками къ кіевскимъ картинамъ, но *такого произшествія*, какое передано въ разсказѣ, *въ Кіевѣ никогда не происходило*, т. е. никакой иконы старовѣръ не кралъ и по цѣпямъ черезъ Днѣпръ не переносилъ. А было дѣйствительно только слѣдующее: однажды, когда цѣпи были уже натянуты, одинъ калужскій каменьщикъ, по уполномочію отъ това-

---

послѣдній далъ Аскоченскому прочесть ту статью изъ Свода законовъ, которая грозила ему чѣмъ-то въ родѣ высылки «въ мѣста отдаленныя». Аскоченскій прочелъ и улыбнулся.— Васъ, стало, это забавляетъ?» — проговорилъ добродушный князь. — «Не думаю, отвѣчалъ Аскоченскій, что бы кого-нибудь забавляла возможность прогуляться въ Сибирь».— Ред.

рищей, сходилъ во время пасхальной заутрени съ кіевскаго берега на черниговскій *по цѣпямъ*, но не за иконою, а *за водкою*, которая на той сторонѣ Днѣпра продавалась тогда много дешевле. Наливъ боченокъ водки, отважный ходокъ повѣсилъ его себѣ на шею и имѣя въ рукахъ шестъ, который служилъ ему балансомъ, благополучно возвратился на кіевскій берегъ съ своею корчемною ношею, которая и была здѣсь распита во славу св. Пасхи.

Отважный переходъ по цѣпямъ дѣйствительно послужилъ мнѣ *темою* для изображенія отчаянной русской удали, но цѣль дѣйствія и вообще вся исторія „Запечатлѣннаго Ангела", конечно, иная, и она мною просто вымышлена.

**Николай Лѣсковъ.**

20 декабря 1882 г.
С.-Петербургъ.

---

# Шпитали въ Малороссіи*).

Въ древній періодъ русской исторіи дѣло общественнаго призрѣнія сосредоточивалось въ рукахъ церкви. При церквяхъ устраивались богадѣльни, убогіе дома, гостинницы для пріема странниковъ и другія учрежденія этого рода. Уже уставы о церковныхъ судахъ Владиміра Святаго, Ярослава Мудраго и Всеволода Мстиславича отдаютъ всѣ эти учрежденія и лицъ, пользовавшихся ими, подъ покровъ церкви. Въ уставахъ этихъ слѣпцы, хромцы и вообще калѣки, также вдовицы называются «людьми богадѣльными и церковными», подлежащими суду митрополита или епископа, какъ по уголовнымъ, такъ и по гражданскимъ дѣламъ; самыя больницы, страннопріимницы и другія заведенія считаются подъ главнымъ завѣдываніемъ епископовъ или митрополита [1]).

Въ первый разъ мы встрѣчаемъ извѣстіе о подобнаго рода учрежденіяхъ въ житіи преподобнаго Ѳеодосія, игумена кіево-печерскаго монастыря. Тамъ сказано, что этотъ игуменъ близъ монастыря «дворъ сотвори на пріятіе нищимъ» [2]). Само собою разумѣется, что число богадѣленъ, странноріимныхъ домовъ, какъ отдѣльныхъ учрежденій, въ древній періодъ было весьма ограниченное и при томъ этого рода учрежденія сосредоточивались лишь въ самыхъ значительныхъ городахъ. Но, кажется, съ древняго времени были у насъ и такого рода учрежденія общественнаго призрѣнія, которыя не нуждались въ самостоятель-

---

*) Читано 10 ноября 1882 г. въ засѣданіи историко-филологическаго общества, состоящаго при харьковскомъ университетѣ.

[1]) Собраніе важнѣйшихъ памятниковъ по исторіи древн. русск. права. Спб. 1859 г., стр. 395, 397, 409.

[2]) Житіе препод. Ѳеодосія по списку XII вѣка, въ Чтен. моск. общ. ист. и древн. рос. 1858 г., кн. 3, стр. 30.

ныхъ помѣщеніяхъ. По крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ ученыхъ полагаютъ, что убогіе и дряхлые находили себѣ повсемѣстно пріютъ и пристанище въ церковныхъ притворахъ, подобно тому, какъ нѣкогда въ притворѣ храма Соломонова помѣщались убогіе и недужные [1]).

Высказанное предположеніе о замѣнѣ богадѣленъ церковными притворами подтверждается тѣмъ, что на глубокомъ сѣверѣ до XVII столѣтія сохранился обычай давать пріютъ нищимъ въ церковныхъ трапезахъ. При теперешнемъ устройствѣ церквей трудно понять, какимъ образомъ церковные притворы могли служить помѣщеніемъ для людей. Но этому легко повѣрить, если принять, что въ древности церкви устраивались такимъ образомъ, какъ онѣ нынѣ устраиваются на крайнемъ сѣверѣ. Въ архангельской губерніи въ старинныхъ городскихъ и сельскихъ церквяхъ притворъ, или по мѣстному трапеза, отдѣляется капитальной стѣной отъ средней части храма, въ которую ведетъ лишь небольшая дверь изъ трапезы, такъ что, если эта дверь закрыта, трапеза представляется обширной комнатой. Въ этой комнатѣ обыкновенно помѣщается печь, а вокругъ стѣнъ лавки, въ болѣе-же старыхъ церквяхъ сохранились деревянные или даже каменные столы; иконъ въ трапезѣ бываетъ не болѣе одной, двухъ.

При такомъ устройствѣ притворовъ, они могли служить и дѣйствительно служили, во 1-хъ, помѣщеніемъ для нищихъ, во 2-хъ, мѣстомъ, куда собирались прихожане во время храмовыхъ и другихъ праздниковъ для устройства общественныхъ пировъ (отсюда названіе трапезы) и, въ 3-хъ, мѣстомъ для сходокъ крестьянъ по общественнымъ дѣламъ. Въ подтвержденіе указаннаго назначенія притворовъ въ двинской области, приведемъ нѣсколько словъ изъ имѣющагося у насъ рукописнаго документа 1649 г.: «въ трапезахъ живутъ многіе нищіе всякіе люди, днемъ и ночью безпрестанно они всѣ съ женами и дѣтьми въ трапезѣ спятъ и въ трапезныхъ печахъ пекутъ и варятъ и мясную, и рыбную и всякое ядивное, и въ дверь изъ трапезъ и изъ церквей ходятъ на сторону мужескаго и женскаго полу и около церкви и трапезъ близко мочатся и костятъ, и отъ того въ церквяхъ бываетъ

---

[1]) Литератур. вечеръ (Сборникъ). М. 1844 г., ст. «Справки о началѣ богадѣленъ и о бытѣ нищихъ въ Москвѣ до XVIII вѣка».

великій смрадъ; а робята малые также въ церквяхъ и въ трапезахъ играютъ, а иные бьютца кулаки и бранятся матерно, и всякое неподобное браютъ; да въ трапезѣ-же приходятъ и продаютъ колачники колачи, и хлѣбники хлѣбъ, и пирожники пироги, и ягоды всякія и орѣхи, да по тѣмъ трапезамъ послѣ пѣнья, послѣ заутрени до обѣдни, до вечерни и послѣ вечерни многіе люди и робяти ночи просиживаютъ, и въ дверяхъ, въ притворныхъ церковныхъ всякія игры, шахардою и чрезъ кладули скачутъ, а иные бѣсовскіе сказки, небылицы сказываютъ; да тѣ-же посадскіе люди на посадѣхъ и въ уѣздѣхъ волостные крестьяне приходятъ къ церкви во время пѣнія и послѣ пѣнія въ трапезахъ кричатъ и вопятъ о всякихъ земскихъ своихъ дѣлѣхъ»...[1]).

Подобно описанному, т. е. съ трапезами, церкви устраивались также въ новгородскихъ пятинахъ, какъ въ этомъ можно убѣдиться изъ новгородскихъ писцовыхъ книгъ. Тамъ даже въ XVI-мъ столѣтіи трапезы служили для жителей погоста мѣстомъ собраній не только по церковнымъ, но и по гражданскимъ дѣламъ[2]). Но служили-ли церковныя трапезы въ указанное время пріютомъ для нищихъ и для странниковъ въ новгородскихъ пятинахъ, этого изъ писцовыхъ книгъ не видно. Очень можетъ быть, что московское правительство отмѣнило тамъ этотъ обычай давать пріютъ нищимъ въ трапезахъ, какъ позднѣе оно уничтожило его въ Двинской области. Изъ указа 1649 г., отрывокъ изъ котораго мы привели выше, можно убѣдиться, что указанный обычай въ XVII столѣтіи сохранился лишь въ двинскомъ уѣздѣ и что центральная власть, узнавъ о существованіи такого поразившаго ее обыкновенія, послала нарочно пристава, чтобы тотъ прекратилъ этотъ обычай, какъ нарушавшій церковное благочиніе. Въ половинѣ XVII-го столѣтія центральной московской администраціей было издано много актовъ для возстановленія церковнаго благочинія въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ государства, но ни въ одномъ изъ нихъ не упоминается о томъ, чтобы въ трапезахъ жили нищіе и вообще чтобы въ нихъ происходили такіе-же безпорядки, какъ на далекомъ сѣверѣ[3]). Если-бы то-же самое

[1]) Указъ и память приставу Савкѣ Звягину, 1649 г.

[2]) Неволина. «О пятинахъ и погостахъ новгор. въ XVI вѣкѣ». Спб. 1853 г., стр. 105.

[3]) Акты археографич. экспедиціи, т. IV, стр. 145, 160, 241, 495.

повторялось въ другихъ мѣстахъ, то администрація не преминула-бы обратить на это вниманіе духовенства.

Кромѣ церковныхъ трапезъ, пріютомъ для нищихъ, по крайней мѣрѣ въ новгородской области, служили иногда особыя избушки, или кельи при церквяхъ; новгородскія и двинскія писцовыя книги XVI и XVII столѣтій показываютъ, что на погостѣ, близь церкви, на церковной землѣ, помѣщались всегда дворы священника, діакона, причетника, просвирницы и *трапезника*, т. е. церковнаго сторожа, здѣсь-же обыкновенно ютились кельи нищихъ и вдовицъ и домишки бобылей, словомъ сказать, здѣсь помѣщались всѣ лица, находившіяся подъ покровомъ церкви и въ вѣдѣніи духовной власти. Всѣ перечисленные дворы и помѣщенія составляли всегда отдѣльную погосскую деревню. По всей вѣроятности, каждый нищій жилъ въ особой избушкѣ, такъ какъ число келій, въ которыхъ помѣщались они, иногда доходило до 20 [1]). Пропитывались нищіе на счетъ церкви, а иногда и на счетъ прихода. Въ писцовыхъ книгахъ всегда пишется число келій нищихъ и чѣмъ они существуютъ: „...да 6 келій, а въ нихъ живутъ нищіи, питаютца милостынею о церкви Божіи" [2]) или: ...столько-то келій „а въ нихъ живутъ нищіе бѣлцы старцы и старицы, а питаютца милостынею о церкви Божіи и о приходѣ" [3]).

Кромѣ того въ новгородской области нищіе помѣщались иногда въ монастыряхъ. Но такихъ монастырей было немного, какъ показываютъ тѣ-же писцовыя книги, и при томъ это были монастыри незначительные, построенные крестьянами, иногда прямо съ цѣлью дать пріютъ своимъ бѣднякамъ. Вотъ, напримѣръ, монастырь на р. Мологѣ, въ никольскомъ погостѣ. Онъ состоитъ изъ 2-хъ келій, въ которыхъ живутъ два старца, далѣе въ немъ помѣщаются дворы—попа, дьяка, пономаря, проскурницы да 4 кельи, а въ нихъ живутъ нищіе и питаютца о церкви Божіей [4]). Николаевскій чухченемскій монастырь, холмогорскаго уѣзда, былъ построенъ въ концѣ XV-го столѣтія міромъ нѣсколькихъ сосѣднихъ волостей, которые дали ему для содержанія нѣсколько дере-

---

[1]) Неволина. «О пятинахъ новгородскихъ», стр. 151, 153, 352 и т. д.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Тамъ-же, стр. 335, 345.

вень земли, и это было сдѣлано, какъ позднѣе объясняли крестьяне, „для царскаго богомолія и душевнаго своего спасенія и на поминокъ родителей своихъ и для постриганія безвкладныхъ нищихъ, нуждныхъ людей, которые ходя по міру скитаютца“ [1]). Впослѣдствіи, съ усиленіемъ государственной централизаціи, подобные мелкіе монастыри были или закрыты, или поглощены большими монастырями (подъ именемъ приписныхъ), разумѣется, при содѣйствіи московскаго правительства.

Въ эпоху полнаго развитія московскаго государства, въ центрѣ этого государства, главнымъ мѣстомъ для пріюта нищихъ считались монастыри, за ними уже слѣдовали церкви. Судебникъ Іоанна Васильевича 1550 года прямо предписываетъ: „а на монастырѣхъ житя нищимъ, которые питаютца милостынею отъ церкви Божія“. Тамъ-же есть мѣсто, показывающее, что отъ церкви Божіей питались также бѣдныя вдовицы и что онѣ были подсудны святителю или его судьямъ (§ 91).

Въ большихъ городахъ, какъ напримѣръ въ Москвѣ, при царяхъ московскихъ существовали особыя богадѣльни, которыя состояли подъ покровомъ церкви, хотя нѣкоторыя изъ нихъ и пользовались ругой отъ правительства. Богадѣльни частныхъ лицъ, какъ напримѣръ богадѣльня кн. Пожарскаго, составляли крайне рѣдкое и исключительное явленіе [2]). Московскія богадѣльни, въ которыхъ при Алексѣѣ Михайловичѣ призрѣвалось до 412 нищихъ и старицъ на счетъ правительства, съ 1678 г. переданы по повелѣнію Ѳеодора Алексѣевича на попеченіе патріаршаго дома. Чтобы прокормить такую массу нищихъ, патріархъ потребовалъ вспоможенія отъ церквей всѣхъ епархій, по гривнѣ съ каждой и въ каждый годъ [3]). Въ XVIII столѣтіи мы находимъ указанія, что богадѣльни и вообще помѣщенія для нищихъ, кромѣ монастырей, устраивались также при архіерейскихъ домахъ; эти богадѣльни содержались какъ на счетъ архіерейской казны, такъ и на счетъ опредѣленныхъ сборовъ съ каждой церкви своей епархіи. Позднѣе (при Екатеринѣ II-й),

---

[1]) Арханг. Губ. Вѣд. 1870 г., № 87. Моя статья: «Матеріалы для исторіи поземельн. владѣнія въ арханг. губерніи».

[2]) Литератур. вечеръ, ст. «Справки о началѣ богадѣленъ въ Москвѣ».

[3]) Акты археограф. экспед., IV, стр. 314, 414.

какъ извѣстно, дѣло общественнаго призрѣнія было изъято изъ рукъ церкви и передано особымъ приказамъ.

Указавъ въ общихъ чертахъ на судьбу общественнаго призрѣнія въ сѣверной и центральной Россіи, остановимся на судьбѣ южно-русскихъ богадѣленъ, усвоившихъ себѣ западное названіе *шпиталей* (латин. hospitale, польск. szpital). Мацѣевскій, авторъ исторіи славянскихъ законодательствъ, видитъ существенное различіе московскихъ богадѣленъ отъ польскихъ и другихъ славянскихъ въ томъ, что въ московскомъ государствѣ богадѣльнями завѣдывало и о нихъ заботилось почти исключительно духовенство, по крайней мѣрѣ въ XVII столѣтіи. Относительно западно-славянскихъ, въ томъ числѣ и южно-русскихъ, шпиталей онъ пишетъ: „настоящіе бѣдные и даже такіе, которые стыдились просить милостыню, далѣе калѣки, больные, а особливо старые воины, находили себѣ пріютъ въ шпиталяхъ. Шпитали имѣли свои собственные фундуши, составлявшіеся изъ имѣній земскихъ и городскихъ, также изъ записанныхъ на нихъ капиталовъ. Въ особенности чешскіе законы, также моравскіе и польскіе, брали ихъ подъ особенное покровительство. Свѣтскіе правители и духовенство наблюдали за ихъ цѣлостью; безъ ихъ вѣдома ничто изъ указанныхъ фундушей не могло быть отчуждено" [1]). Вѣрность приведеннаго заключенія Мацѣевскаго подтверждается историческими фактами. Но все таки настоящее обобщеніе нужно признать одностороннимъ, такъ какъ авторъ забылъ сказать о широкомъ распространеніи шпиталей въ западной и южной Руси и о томъ живомъ участіи, какое въ судьбѣ ихъ принималъ народъ.

Разсматривая отдѣльные факты изъ исторіи западно и южно-русскихъ шпиталей, мы прежде всего замѣчаемъ, что на православные шпитали обращаютъ вниманіе польскіе короли. Такъ, король Сигизмундъ-Августъ, узнавъ въ 1565 году, что шпиталь находившійся въ королевскомъ городѣ Гроднѣ, при каменной церкви Пречистыя Богородицы, передъ замкомъ, не имѣетъ средствъ, изъ которыхъ могли-бы содержаться бѣдные и нищіе въ немъ живущіе, назначилъ на ихъ содержаніе по 10 копъ литовскихъ грошей. Эти деньги должны были ежегодно выдаваться городненскимъ городничимъ изъ сборовъ съ королевскихъ имѣ-

[1]) Historya prawod. słowianst., wyd. dr., t. IV, 479.

ній [1]). Въ 1601 году королевскимъ привилеемъ отдается мостовое троицкому виленскому шпиталю, который принималъ къ себѣ каждаго безъ различія состояній. Этотъ шпиталь и ранѣе имѣлъ найбольшій доходъ съ каменнаго моста, но терпѣлъ крайнюю нужду за неотдачей ему мостоваго [2]). Въ томъ-же году королевской грамотой обѣщано отдать городъ Трехтемировъ на шпиталь, въ которомъ находили пріютъ раненые и больные козаки [3]), частныя лица также устраивали шпитали въ своихъ имѣніяхъ. Наприм. брацлавскій кастелянъ Василій Загоровскій въ 1577 г. пожелалъ построить въ одномъ изъ своихъ имѣній шпиталь при существовавшей уже церкви, въ другомъ выстроить и церковь, и шпиталь [4]). Въ 1596 г. Елена Горноставская, выкупивъ изъ подъ залога монастырь пересопницкій, который со всѣми имѣніями былъ пожалованъ королемъ Александромъ фамиліи князей Чарторыйскихъ, а затѣмъ былъ заложенъ однимъ изъ лицъ этой фамиліи, возстановила этотъ монастырь; для чего назначила монастырю село Пересопницу со всѣми доходами [5]). При возстановленіи монастыря, она обязала монаховъ, чтобы тѣ устроили при монастырѣ шпиталь для бѣдныхъ и больныхъ. Иногда жители той или другой мѣстности устраивали монастыри, имѣя въ виду филантропическія цѣли. Такъ очень древній монастырь св. Онуфрія подъ г. Львовымъ, находившійся въ завѣдываніи своихъ основателей, мѣщанъ львовскихъ, и подъ вѣдомствомъ кіевскаго митрополита, какъ видно изъ митрополичьей грамоты отъ 1590 года издревле (т. е. гораздо ранѣе этого года) служилъ дѣлу милосердія: тамъ львовскіе мѣщане питали своихъ престарѣлыхъ отцевъ и немощныхъ братій, принимали странниковъ духовныхъ и иноковъ [6]). Сами духовныя лица основывали шпитали или на личныя средства, или на счетъ духовныхъ имѣній. Въ 1588 г. епископъ владимірскій Ѳеодосій Лазовскій, съ согласія соборнаго духовенства, выдѣливъ изъ церковныхъ имѣній 1 мѣстечко и 11 селеній, назначилъ до-

[1]) Акты виленской коммис. Вильна. 1865 г., т. I, стр. 14.

[2]) Volumina legum, изд. 2-е подъ 1601 годомъ.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Архивъ юго-зап. Руси, ч. 1, т. 1-й, стр. 67, 490.

[5]) Тамъ-же.

[6]) Памятн. изд. кіевск. археогр. коммис., III, 47.

ходы этихъ имѣній на благоустройство соборной церкви г. Владиміра и на учрежденіе при ней школы и богадѣльни. Собственно подъ шпиталь была обращена старая школа: „при той-же церкви, подъ замочкомъ епископскимъ, поступили и надали есмо домокъ, у которомъ теперъ дѣти учивано, на шпиталь, у которомъ хорыхъ и уломныхъ людей уставичне ховати маємъ". На содержаніе шпиталя предназначено 1 село. Для выполненія всего выбрано два справца изъ духовныхъ и два шафаря изъ мѣщанъ, а главными дозорцами пановъ подстаросту и войта [1]). Знаменитый поборникъ православія, митрополитъ Петръ Могила на собственныя средства устроилъ на Печерскѣ, возлѣ церкви св. Ѳеодосія, шпиталь и обезпечилъ дальнѣйшее его существованіе 1500 злотыхъ [2]). Но самое живое участіе въ устройствѣ шпиталей и больницъ принимали западно и южно-русскія братства, повсемѣстно распространявшіяся, въ особенности большія изъ нихъ, какими были кіевское, львовское, виленское, луцкое и др. Укажемъ на заботы нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ братствъ въ настоящемъ дѣлѣ. Львовское братство церкви Успенія Богородицы, принявъ въ 1591 году въ свое завѣдываніе монастырь св. Онуфрія, о которомъ сказано выше, и возобновивъ его, устроило при немъ гостинницу для странниковъ, больницу и богадѣльни мужескую и женскую для призрѣніи старыхъ людей, инокинь, старицъ, дѣвицъ, странниковъ и слугъ церковныхъ, и вообще для пристанища и покоя братскимъ нищимъ, престарѣлымъ, осиротѣвшимъ, вдовамъ и всякимъ сиротамъ [3]). Въ Кіевѣ на грунтѣ, подаренномъ Анной Гулевичевой, основано было братство милосердія, которое, какъ видно изъ королевскаго привилея 1629 г., заложило церковь и при ней устроило шпиталь для людей убогихъ, старыхъ и уломныхъ, какъ духовныхъ, такъ и свѣтскихъ и, какъ сказано въ привилеѣ, „людей рыцерскихъ, на послугахъ нашихъ и Рѣчи Посполитой отъ непріятелей нашихъ въ разныхъ битвахъ покалѣченыхъ" [4]). Больше нежели о кіевскомъ братствѣ, мы можемъ сказать о дѣятельности луцкаго братства милосердія. Это братство возникло въ Луцкѣ въ 1617 году послѣ того, какъ ста-

[1]) Архивъ юго-зап. Рос., ч. I, т. I, стр. 237.

[2]) Памятн. изд. кіев. археогр. ком., т. II, стр. 149.

[3]) Тамъ-же, т. I, 44, 147, 160; II, 92; III, 47, 70.

[4]) Тамъ-же.

ринная русская тамошняя богадѣльня сгорѣла до основанія и не могла быть возобновлена, такъ какъ не имѣла собственныхъ средствъ. Поэтому основалось братство для построенія вновь богадѣльни съ церковью и школой. По уставу братства, денежныя суммы его должны быть обращаемы, между прочимъ, „на милостыню людямъ въ разныхъ случаяхъ, а особенно находящихся въ братствѣ, и на призрѣніе убогихъ, и на содержаніе сиротъ, и на погребеніе странныхъ и убогихъ" [1]). Разныя лица, принадлежавшія къ членамъ братства, жертвовали братству имѣнія или деньги на ту или другую благотворительную цѣль. Такъ кн. Николай Черторыйскій, опредѣливъ извѣстную сумму постоянныхъ доходовъ на разныя учрежденія, между прочимъ, назначилъ на вѣчныя времена въ кружку братскую нищенскую 50 злотыхъ польскихъ да на одѣяніе 10 душъ мужескаго и 10 женскаго пола богадѣльныхъ слѣпыхъ и хромыхъ, т. е. на сермяги, рубахи, исподнее платье, шапки, чепцы, башлыки и сапоги, по 150 злотыхъ [2]). Анна Мельницкая опредѣлила въ 1638 году для ежегодной выдачи 10 злотыхъ на шпиталь, 6 злотыхъ шпитальнымъ въ раздѣлъ, а 4 злотыхъ стороннимъ нищимъ [3]). Дворянинъ Александръ Мозени въ 1645 г. далъ средства братству на перенесеніе и устройство богадѣльни на новомъ мѣстѣ [4]). Небольшія церковныя братства и даже нѣкоторые ремесленные цехи заводили шпитали на свои средства. Напримѣръ въ г. Ковлѣ цехъ портныхъ между прочимъ ставилъ себѣ цѣлью, по мѣрѣ средствъ, устроить себѣ шпиталь, какъ это видно изъ королевскаго привилея, даннаго цеху въ 1618 году [5]).

Относительно внутренняго устройства шпиталей въ польско-литовскій періодъ мы знаемъ не много, и при томъ эти свѣдѣнія весьма отрывочны. Извѣстно, что въ шпиталяхъ помѣщались нищіе, бѣдняки и неизлѣчимо больные, иногда въ шпиталяхъ находили пріютъ бѣдные ученики братскихъ и другихъ школъ; иногда даже обѣднѣвшіе и лишившіеся здоровья дворяне. Такъ въ богадѣльни луцкаго братства

---

[1]) Памятн. издан. кіевск. коммис., I, 44, 147, 160; II, 92; III, 47, 70.

[2]) Тамъ-же.

[3]) Тамъ-же.

[4]) Тамъ-же.

[5]) Жизнь кн. Курбскаго въ Литвѣ и на Волыни, I, 321.

въ 1624 году, между прочимъ, доживалъ свой вѣкъ Лука Крицкій, „дворянинъ хорошаго происхожденія, который получилъ увѣчье отъ враговъ св. креста въ разныхъ экспедиціяхъ и войнахъ и, потерявъ свое имущество, не имѣлъ ни откуда пособій". Вдовы иногда проживали при шпиталяхъ отдѣльно, своимъ домомъ. Въ большихъ шпиталяхъ нищимъ и больнымъ давалось полное содержаніе: одежда, обувь, пища, постели и т. д. Для завѣдыванія шпиталями назначались такъ называемые шпитальные старшіе; главное-же наблюденіе надъ шпиталями поручалось старшимъ братьямъ въ братствахъ, игуменамъ при монастыряхъ и священникамъ при церквяхъ, совмѣстно съ ктиторами или патронами церковными [1]). Самое подробное указаніе на счетъ устройства шпиталей заключается въ завѣщаніи брацлавскаго кастеляна Василія Загоровскаго, написанномъ въ 1577 году. Въ своей духовной Загоровскій обязываетъ своихъ душеприкащиковъ и наслѣдниковъ устроить два шпиталя: одинъ въ г. Владимірѣ при существовавшей церкви, другой, вмѣстѣ съ церковью, въ имѣніи Суходолѣ. Шпиталь въ Суходолѣ долженъ былъ заключать въ себѣ избу бѣлую, трехъ сажень, такихъ-же размѣровъ сѣни, а чрезъ сѣни, напротивъ, черную избу въ три-же сажени; сѣни предполагалось „въ бокъ на полторы сажня поперекъ перепертыˮ, т. е. загородить, чтобы образовалось двѣ коморки, или чулана, одна для бѣлой, другая для черной избы; въ сѣняхъ кирпичный очагъ для варенья пищи; двери изъ сѣней однѣ на улицу, а другія въ бокъ, въ садъ, для выхода къ церкви. Во Владимірѣ при церкви св. Ильи домъ долженъ быть поставленъ такой-же, какъ и въ Суходолахъ, съ той разницей, что тамъ предлагалось пристроить къ шпиталю домикъ для дьякона въ одну стѣну и подъ одной крышей съ шпиталемъ. Какъ въ Владимірѣ, такъ и въ Суходолахъ шпиталь предназначался для 12 особъ „убогихъ, а здоровья неспособнагоˮ. На содержанія шпиталя въ Владимірѣ должно было ежегодно отпускаться „муки ржаной 24 мацы, пшеничной 2 мацы, крупъ или пшена 1 маца, гороха 1 маца, маку четверть мацы, а деньгали на одежду и проч. убогимъ 12 копъ литовскихъ. Для содержанія убогихъ въ Суходолахъ назначено такое-же количество муки и другихъ припасовъ. На это

[1]) Памятн. кіев. ком., I, стр. 212, 213. Акты вилен. ком., т. 1-й, стр. 14.

опредѣлена третья мѣрка съ мельницы суходольской да третья мѣрка дегтевской мельницы и мыто, гребельное (мостовое), которое Загоровскому дозволилъ собирать король Сигизмундъ-Августъ, отъ купеческаго воза по четыре пенязи. Кромѣ того предназначено дать изъ дворца на каждый шпиталь по двѣ коровы и отпускать въ годъ по три полти свинаго мяса въ каждый годъ. Исполнительница завѣщанія обязана была въ каждое воскресенье и въ большіе праздники устраивать въ шпиталяхъ торжественые обѣды, по силѣ возможности, для убогихъ, одну недѣлю въ Суходолахъ, а другую въ Владимірѣ; при этомъ убогіе должны были получать по полбарилка пива. Относительно ближайшаго наблюденія надъ богадѣльней опредѣлено: „при шпиталяхъ старшими абы цнотливые люди вставлены были, которые-бы того пилне догледали, жебы порадокъ пристойный, а не лотровство якое въ шпиталяхъ было". Относительно участія священниковъ и церковниковъ въ надзорѣ за шпиталями ничего не сказано, хотя нѣкоторой доли вліянія ихъ, конечно, нельзя отрицать[1]).

Вообще власть духовенства надъ шпиталями и надъ нищими въ южной Руси врядъ-ли была особенно сильна. Могло-ли мѣстное духовенство играть независимую роль, когда церкви и монастыри находились подъ патронатомъ помѣщиковъ, а иногда и прихожанъ, когда монастыри со всѣми ихъ селами жаловались королями частнымъ лицамъ, а тѣ могли отдавать ихъ въ залогъ. Власть духовенства надъ шпиталями и нищими не могла быть особенно значительна, если самихъ духовныхъ судили и часто стѣсняли старосты и владѣльцы. Даже въ кіевскомъ воеводствѣ, при воеводѣ Константинѣ Острожскомъ, паны старосты нарушали всякимъ способомъ права духовенства, такъ что этотъ воевода, по жалобѣ епископа луцкаго и острожскаго, принужденъ былъ напомнить имъ о предѣлахъ ихъ власти по отношенію къ духовенству и о правахъ духовенства по стариннымъ церковнымъ уставамъ: „протопопы, презвитери всѣ, архимандритове и игуменове, діакони, калугери, слуги церковные всѣ, проскурници, слѣпые, хромые, недугучіе и все убозство во всякихъ справахъ и въ роспустахъ вѣнчальныхъ, до тыхъ всѣхъ абысте ніякого дѣла не мѣли, ихъ не судили, не рядили,

[1]) Архивъ юго-зап. Руси, т. I, ч. I, стр. 67 и сл.

и ничимъ ся не вступовали, бо то все суть справы епископомъ належачіе, а не вамъ свѣтскимъ" [1]).

Изъ фактовъ, подобныхъ приведенному, мы заключаемъ, что въ польско-литовскій періодъ, хотя въ южной Руси шпитали всегда помѣщались при церквяхъ и монастыряхъ, но вліяніе на нихъ духовенства было болѣе ограниченно, чѣмъ наприм. въ московскомъ государствѣ, гдѣ власть приходскаго духовенства не встрѣчала себѣ такихъ сильныхъ соперниковъ, какъ южно и западно-русское дворянство. Это, однако-же, ни мало не мѣшало значительному развитію изслѣдуемыхъ учрежденій, такъ какъ въ судьбѣ ихъ принимало живое участіе само общество, т. е. не только дворянство, но и народъ.

Мы не можемъ ничего сообщить ни о числѣ собственно мелкихъ, приходскихъ шпиталей, въ болѣе древній періодъ, ни о способахъ ихъ содержанія, хотя думаемъ, что число ихъ было значительно, при развитіи и распространеніи церковныхъ братствъ въ тѣ времена. Но мы располагаемъ большимъ количествомъ свѣдѣній, хотя все-таки отрывочныхъ, о шпиталяхъ второй эпохи ихъ существованія, т. е. московскаго періода. Свѣдѣнія эти касаются тѣхъ шпиталей, которые распространены были на лѣвой сторонѣ Днѣпра.

Въ переписныя книги прошлаго столѣтія вносились, въ числѣ прочихъ зданій, и шпитали, такъ что по нимъ мы можемъ составить себѣ понятіе о степени распространенности этихъ учрежденій въ указанное время. По свѣдѣніямъ, имѣвшимся у меня подъ рукой, въ одномъ черниговскомъ полку въ 1732 г. находилось 118 шпиталей. По даннымъ, извлеченнымъ А. М. Лазаревскимъ изъ ревизскихъ книгъ 1740—1747 г., въ семи полкахъ лѣвобережной Украйны (о трехъ полкахъ свѣдѣній не найдено) оказалось 589 шпиталей; изъ того-же числа болѣе половины (306) въ черниговскомъ и нѣжинскомъ полкахъ. Впрочемъ, надобно предполагать, что большинство этихъ шпиталей было небольшихъ размѣровъ, такъ что въ нихъ помѣщалось среднимъ числомъ по 5 душъ [2]).

---

[1]) Архивъ юго-зап. Руси, ч. I, т. I, стр. 269.

[2]) Основа. 1862 г., май, ст. А. М. Лазаревскаго: «Статистич. свѣдѣнія объ украин. народн. школахъ и госпиталяхъ въ XVIII вѣкѣ».

Кажется, всѣ шпитали, какъ и школы, считались состоящими при той или другой церкви; по крайней мѣрѣ въ ревизскихъ книгахъ въ каждомъ отдѣльномъ селеніи число шпиталей соотвѣтствуетъ числу церквей, иногда менѣе, но никогда не болѣе числа церквей. Помѣщались же шпитали иногда вдали отъ церквей, иногда на землѣ, не принадлежавшей церкви; напр. въ г. Нѣжинѣ общественный шпиталь находился на выѣздѣ изъ города, по московскому тракту [1],—въ с. Сѣнномъ, богодуховскаго уѣзда, шпиталь былъ выстроенъ на землѣ, принадлежавшей священнику [2]).

Большинство шпиталей состояло, кажется, на попеченіи церковныхъ братствъ и цеховъ. Были, впрочемъ, шпитали, которые содержались отъ подаянія мірскаго, наприм. въ г. Нѣжинѣ [3]). Въ черниговской городской богадѣльнѣ, находившейся на кладбищѣ, бѣдные (7 душъ муж. пола и 6 женскаго) содержались на городскомъ подаяніи; выстроена-же была эта богадѣльна иждивеніемъ гражданъ, въ особенности на крупныя пожертвованія двухъ фамилій [4]). Были, наконецъ, и такіе шпитали, которые какъ строились, такъ и содержались на средства частныхъ лицъ [5]).

Для постройки и содержанія приходскихъ шпиталей отдѣльныя лица нерѣдко жертвовали какимъ-нибудь недвижимымъ имуществомъ. Наприм. въ 1725 г. въ с. Обложкахъ, глуховскаго уѣзда, товарищество козаковъ, владѣльцевъ одного лѣса, отдало на церковь свой лѣсъ хмызнякъ, для построенія и на поправленіе школы и шпиталя [6]); иногда имъ были жертвуемы мельницы [7]). Для поддержанія шпиталей устраивались даже шинки: въ д. Березномъ, черниговскаго полка, былъ старецкій шинкъ, построенный въ 1682 г. ктиторами церковными; это,

---

[1]) Топограф. описаніе черниг. намѣстнич., Шафонскаго, II, стр. 463.

[2]) Историко-статист. опис. харьк. епархіи, Филарета, III, 210.

[3]) Шафонскій, II, 463, 285.

[4]) Тамъ-же.

[5]) Историко-стат. опис. черниг. епархіи Филарета, т. 5, стр. 344; т. 6, стр. 252; т. 7, стр. 37, 250, 281, 299, 321. Опис. харьк. епархіи, его же, II, 419.

[6]) Тамъ-же.

[7]) Тамъ-же.

по замѣчанію архіепископа Филарета, нѣчто похожее на нынѣшніе танцы и театры въ пользу бѣдныхъ [1]).

Обитателями шпиталей, по крайней мѣрѣ, мелкихъ, сельскихъ, были главнымъ образомъ нищіе и увѣчные старики, преимущественно слѣпые; въ 1767 году въ с. Тополи, новозыбковскаго у., мы встрѣчаемъ въ шпиталѣ 5 слѣпцовъ съ поводаремъ [2]). Часто эти обитатели шпиталей составляли особое старечее братство или цехъ. Старечье братство складывалось изъ всѣхъ старцевъ, жившихъ въ шпиталяхъ одного города или селенія, оно имѣло во главѣ особаго старосту. Иногда, подобно братствамъ и цехамъ, старцы имѣли свой братскій домъ и свое погребальное сукно [3]). У старечихъ братствъ часто была своя кружка для сбора подаяній; ею распоряжалась вся община [4]). Иногда братство нищихъ располагало на столько средствами, что могло дѣлать небольшія пожертвованія въ мѣстную церковь. Въ разныхъ церквяхъ до сихъ поръ сохраняются евангеліе и разныя церковныя принадлежности, пожертванные старостою и братіей шпиталя [5]), иногда шпитальные пользовались даже правомъ отчуждать имущество, принадлежавшее шпиталю: въ одномъ случаѣ четыре представителя товарищества убогихъ калѣкъ разныхъ шпиталей с. Носовки продали на сторону издавна завѣщанный на нищихъ млинъ, „не будучи въ состояніи его поддерживать" (актъ XVII столѣтія) [6]).

Какъ извѣстно, приходскіе шпитали въ настоящее время представляютъ лишь достояніе исторіи. Но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ особенности въ городахъ, до сихъ поръ сохранились или слѣды ихъ существованія, или живыя преданія о нихъ. Представляемъ здѣсь то, что намъ удалось узнать о шпиталяхъ въ городахъ черниговской губерніи: Острѣ, Борзнѣ и Конотопѣ.

---

[1]) Историко-стат. опис. чернигов. епархіи Филарета, т. 5, стр. 344; т. 6, стр. 252; т. 7, стр. 37, 250, 281, 299, 321. Опис. харьк. епархіи, его-же, II, 419.

[2]) Опис. черниг. епархія, т. 7, 250.

[3]) Топогр. опис. черниròв. намѣстничества Шафонскаго, II, 386, 483.

[4]) Описаніе черниг. епархіи, 5, 344.

[5]) Описаніе черниг. епархія, 7, 37, 415. Описаніе харьк. епархія, II, 419.

[6]) Тамъ-же.

Въ г. Острѣ былъ шпиталь до 1863 года; онъ помѣщался на городской землѣ, близъ кладбища, и принадлежалъ городу. Въ немъ жили нищіе, которые питались милостыней: выходили за подаяніемъ на базаръ; отъ того и кормились. Въ г. Борзнѣ изъ числа пяти шпиталей, находившихся при пяти приходскихъ церквяхъ, въ послѣдніе годы сохранился одинъ шпиталь, построенный на усадебномъ мѣстѣ, принадлежащемъ церкви Благовѣщенія. Это старый домъ, построенный лѣтъ сто тому назадъ, въ которомъ двѣ хаты черезъ сѣни; въ немъ прежде помѣщалось отъ 10 до 12 душъ нищихъ и безпріютныхъ стариковъ. Завѣдывалъ шпиталемъ старикъ, выбранный самими-же шпитальными. Харчъ имъ подавали жители, а если никто не приносилъ, то сами ходили собирать кусочки. Если у кого изъ жителей былъ поминальный обѣдъ, то никогда не забывали шпитальныхъ старцевъ: „отошлемъ припасы въ шпиталь, пускай они тамъ себѣ состроютъ обѣдъ“—такъ говорили въ домѣ, гдѣ справлялся обѣдъ. Цеховыя братства также помогали. Во время цеховаго праздника, въ шпиталь обыкновенно посылалось ½ пуда печенаго хлѣба, ½ пуда баранины, пшена 5 фунт., соли 1 ф., восковая свѣча въ 5 коп., ¼ фун. ладану и кварта водки. Старцы, принявъ припасы, изготовляли себѣ обѣдъ, зажигали свѣчку и поминали предковъ цеховыхъ. Съ учрежденіемъ земства, шпиталь перешелъ въ завѣдываніе земской управы, изъ которой отпускаются деньги на одежду шпитальнымъ и кромѣ того на содержаніе каждаго по 1½ руб. въ мѣсяцъ. Этихъ средствъ, конечно, не хватаетъ; поэтому они также просятъ подаянія. Милостыню между шпитальными распредѣляетъ староста. Пищу готовитъ каждый себѣ отдѣльно; только во время поминокъ бываютъ общіе горшки. Дрова и солому сами покупаютъ, сами-же нанимаютъ прачку и мазальщицу (обмазывать избу), для чего ежемѣсячно складываются по 5—15 коп. Въ г. Конотопѣ шпиталь уничтожился лѣтъ 15 тому назадъ; онъ помѣщался возлѣ кладбища, на кладбищенской землѣ. Это была постройка также на двѣ половины; въ ней помѣщалось отъ 5 до 20 душъ мужескаго и женскаго пола увѣчныхъ и нищихъ. Надъ ними и изъ нихъ-же самыхъ былъ староста, богобоязливый и болѣе крѣпкій старикъ. Случалось, впрочемъ, что въ шпиталь попадали и бродяги, такъ что въ немъ приходилось находить покраденныя вещи, и тогда стали строго при-

смотривать за шпитальными. Питались старцы милостыней, которую испрашивали болѣе здоровые изъ нихъ; послѣдніе садились на крыльцѣ и кричали. Въ праздники и по субботамъ зажиточные люди посылали въ шпиталь съѣстное. На Пасху и Рождество Христово цехи присылали пасхи, яйца, мясо. Ремесленная управа и волостное правленіе оказывали помощь: давали топливо, постное масло для освѣщенія, посылали мѣлъ, глину и женщинъ для бѣленья хаты.

Институтъ шпиталей началъ разлагаться въ Малороссіи еще въ концѣ прошлаго столѣтія, когда братства пришли въ упадокъ, прихожане лишились прежняго вліянія на дѣла церкви и когда вообще была парализирована самодѣятельность южно-русскаго общества. Но кромѣ этого, говорятъ, была и другая, болѣе близкая причина, подсѣкшая въ корнѣ наши шпитали. Намъ передавалъ г. Ѳ. Уманецъ, земскій дѣятель въ черниговской губ. и отчасти мѣстный изслѣдователь, что шпитали были отмѣнены по распоряженію правительства, вслѣдствіе какихъ-то злоупотребленій, открытыхъ въ нихъ, кажется, вслѣдствіе того, что въ шпитали иногда попадали подозрительныя личности. Дѣйствительно, такого и подобнаго рода злоупотребленія открывались въ шпиталяхъ издавна, и не у однихъ насъ. Въ московскомъ государствѣ въ богадѣльни вторгались подъ видомъ больныхъ и нищихъ люди здоровые, не желавшіе работать. Это обстоятельство вызвало слѣдующее постановленіе московскаго собора въ 1561 году: „Милосердіе христіанское устроило во многихъ мѣстахъ богадѣльни для недужныхъ и старыхъ, а злоупотребленіе ввело въ нихъ молодыхъ и здоровыхъ тунеядцевъ. Посему и опредѣлено было: изгнать послѣднихъ и на мѣсто ихъ ввести первыхъ, поручивъ смотрѣніе за богадѣльнями добрымъ священникамъ, людямъ градскимъ и цѣловальникамъ, а къ недужнымъ приставить здравыхъ строевъ и бабъ стряпчихъ" [1]). У насъ, на югѣ, въ прошломъ столѣтіи замѣчено было другого рода, но подходящее злоупотребленіе. Въ 1734 г. открыто было, что лица разныхъ состояній укрывались подъ разными предлогами отъ участія въ общихъ земскихъ повинностяхъ, въ особенности въ отбываніи постойной повинности, въ томъ числѣ и нѣкоторые изъ шпитальныхъ, имѣвшихъ свои

---

[1]) Исторія государ. рос. Карамзина, изд. Эйнерменга, IX, 271.

грунты: нѣкоторые старцы, у которыхъ были грунты, вписывались въ шпитали, чтобы избѣжать отбыванія повинностей. Поэтому велѣно было всѣхъ шпитальныхъ старцевъ, имѣвшихъ свои грунты и дворы, привлекать къ отбыванію повинностей, на равнѣ съ прочими лицами [1]). Очень легко могло быть, что въ болѣе позднее время въ нѣкоторыхъ мѣстахъ въ шпитали попадали личности подозрительнаго свойства, какъ объ этомъ сообщали намъ въ г. Конотопѣ. Но, тогда какъ въ прежнее время принимали лишь мѣры къ устраненію недостатковъ въ такомъ благомъ учрежденіи, какъ шпитали и богадѣльни, въ болѣе позднее время у насъ прибѣгли къ болѣе радикальной мѣрѣ, уничтоживъ самые шпитали. Это было сдѣлано въ началѣ нынѣшняго столѣтія, но въ которомъ именно году, намъ неизвѣстно.

Вотъ выводы, которые можно сдѣлать на основаніи приведенныхъ выше фактовъ. Введеніе христіанства можно принять за исходный пунктъ въ исторіи нашей благотворительности; съ нимъ появляются и достовѣрныя попытки организовать дѣло благотворительности; нищіе, калѣки, вдовицы, согласно требованію апостольскихъ правилъ, отдаются подъ покровъ и въ завѣдываніе церкви. Сколько можно судить по немногимъ дошедшимъ до насъ отрывочнымъ свѣдѣніямъ, въ этотъ древній періодъ русской жизни, который примыкаетъ къ эпохѣ введенія христіанства и заканчивается развитіемъ Москвы, организація благотворительности была въ главныхъ чертахъ всюду одинакова: нищіе содержались преимущественно приходами, при церковныхъ притворахъ и въ особыхъ кельяхъ при церквяхъ, отчасти при монастыряхъ, которые иногда и предназначались для этого (наприм., нѣкоторые монастыри въ новгородской области и монастырь св. Онуфрія въ Львовѣ). Въ дѣлѣ благотворенія равное участіе принимали, какъ церковь, такъ и прихожане, такъ какъ въ то время было значительное единство между церковью и приходомъ, не нарушаемое вмѣшательствомъ постороннихъ вліяній. Нарожденіе московскаго царства, съ его объединяющими стремленіями, должно быть сочтено за поворотный пунктъ въ исторіи благотворительности. Вмѣшательство власти въ дѣло благотворительности, сокращеніе общественной самодѣятельности въ этомъ отношеніи—вотъ тѣ признаки, все усиливаю-

---

[1]) Дневныя записки Якова Маркевича, I, 507.

щіеся, которые характеризуютъ этотъ новый періодъ. Центральная власть опредѣляетъ (въ сборникѣ Іоанна Васильевича) мѣстомъ для жительства нищихъ монастыри, которые дѣлаются все крупнѣе и крупнѣе, между прочимъ, черезъ поглощеніе мелкихъ крестьянскихъ монастырей. Старое обыкновеніе содержать нищихъ въ приходахъ при церквяхъ постепенно уничтожается, удерживаясь долѣе на отдаленномъ сѣверѣ, но и тамъ оно, наконецъ, исчезаетъ подъ давленіемъ центральной власти. Параллельно съ этимъ явленіемъ замѣчаемъ возникновеніе обширныхъ богадѣленъ въ большихъ городахъ, преимущественно въ Москвѣ. Но и на нихъ обнаруживается сила централизованной власти и подчиненная роль церкви: одинъ царь даетъ средства богадѣльнямъ изъ приказа большаго дворца, другой отнимаетъ содержаніе и велитъ патріарху содержать ихъ на средства патріаршей казны, а послѣдній дѣлаетъ сборъ съ церквей всѣхъ епархій. Позднѣе свѣтская власть предписываетъ завести богадѣльни при архіерейскихъ домахъ, для чего облагаются сборомъ всѣ церкви епархіи, а еще позднѣе отбираетъ это дѣло отъ духовенства и передаетъ казеннымъ приказамъ общественнаго призрѣнія. При такой системѣ благотворительности для самодѣятельности прихода не было мѣста; нищенство-же, не находя дома организованной благотворительности, принуждено было бросать свои приходы и скитаться или сосредоточиваться въ большихъ центрахъ, гдѣ заводились богадѣльни.

По другому пути двинулось было развитіе благотворительности въ южной Руси. Здѣсь благотворительная роль монастырей слабѣетъ, а въ замѣнъ того усиливается значеніе церкви. Церковь-же на югѣ, какъ извѣстно, выработалась въ оригинальное и сложное учрежденіе, которое заключало въ себѣ, такъ сказать, три дирекціи: религіозную, образовательную и благотворительную (собственно церковь, школа и шпиталь), тѣсная, органическая связь ея съ приходомъ поддерживалась путемъ братствъ, церковныхъ и иныхъ, которые принимали сами дѣятельное участіе въ основаніи и поддержкѣ шпиталей. Такія учрежденія, какъ шпитали, помимо общественной благотворительности, находили себѣ поддержку и въ частной: многіе частные люди основывали шпитали на свои собственныя средства. Вообще духъ благотворительности въ южно-русскомъ народѣ проявлялся интенсивнѣе, чѣмъ гдѣ либо, съ одной стороны,

вслѣдствіе подъема религіознаго чувства, постоянно обострявшагося борьбой за свободу вѣры, съ другой, вслѣдствіе такого соціальнаго строя того времени, который не подавлялъ, а напротивъ развивалъ личный починъ и общественную самодѣятельность. Но вотъ все ближе и ближе, тѣснѣе и тѣснѣе надвигается духъ всенивеллирующаго центра съ его механическимъ бюрократизмомъ, желающимъ всѣ жизненныя формы выкроить по одному, придуманному въ приказѣ или въ канцеляріи, шаблону. Подъ гнетомъ предписаній и запрещеній живой духъ творческой благотворительности замираетъ. Тамъ, гдѣ еще недавно дѣйствовала обхватывавшая весь край сѣть мелкихъ народно-благотворительныхъ учрежденій, водворилось запустѣніе: центръ замѣнилъ ихъ губернскими приказами общественнаго призрѣнія. Выигралъ или проигралъ край отъ этой замѣны?

П. Ефименко.

---

# ЗАДУНАЙСКАЯ СѢЧЬ

*(по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ).*

(ОКОНЧАНІЕ)*).

## II.

Прослѣдивши по возможности весь ходъ событій въ исторіи задунайской Сѣчи, обратимся теперь къ внутренней организаціи и жизни этой козацкой общины, на сколько это возможно возстановить по воспоминаніямъ Коломийца и другимъ слышаннымъ нами разсказамъ.

Задунайская Сѣчь, подобно своей приднѣпровской метрополіи, до самого конца своего существованія, сохранила тотъ строго-военный, полумонашескій характеръ, въ силу котораго женщины не могли входить въ составъ козацкой общины и вообще жить въ Сѣчи. Мы упоминали уже о томъ, что Кошевымъ даже не могъ быть вообще женатый человѣкъ, хотя-бы семья его и была очень далеко. Но такъ-же точно, какъ вокругъ приднѣпровской Сѣчи группировались поселки и слободы, населенныя семьями женатыхъ запорожцевъ,—при Сѣчи въ Дунавцѣ было нѣсколько слободъ, въ которыхъ жили семейные люди. Всѣ эти слободы, или, лучше сказать, ихъ жители были извѣстны подъ общимъ собирательнымъ именемъ *Райи*, которымъ у турокъ вообще обозначалось христіанское населеніе деревень, находившееся въ извѣстныхъ вассальныхъ отношеніяхъ къ спагіямъ, игравшимъ прежде въ оттоманской имперіи роль европейскаго феодальнаго дворянства. Понятно, что райя запорожская носила только это имя, безъ всякаго подчиненія кому-бы

*) См. февр. кн. «Кіевской Старины», за 1883 г., стр. 269—300.

то ни было въ указанномъ нами смыслѣ и только съ подчиненіемъ исключительно административнымъ Кошевому Сѣчи. Райя занимала слободы: поселокъ возлѣ самой Сѣчи, возлѣ лимана Муругіля и озерца Круглика, заключавшій въ себѣ около 80—100 хатъ и носившій имя *Райи* по преимуществу; *Муругіль*, небольшой поселокъ, на лиманѣ того-же имени, дальше по направленію къ Бешъ-Тепé; *Карагарманъ*, или правильнѣе Кара-Орманъ (Черный лѣсъ), заключавшій въ себѣ хатъ около 40 внутри острова, образуемаго сулинскимъ и георгіевскимъ гирлами. Кромѣ того запорожскія поселенія и рыбачьи стоянки были въ *Катирлезъ, Ивонгъ, Горговъ, Вилковъ, Лети* и проч. и вообще по рыболовнымъ заводамъ и плавнямъ. Сѣчь состояла также, какъ и приднѣпровская, изъ 38 куреней, титарви и паланки, т. е. куреня, въ которомъ жилъ Кошовый и помѣщалась войсковая канцелярія. Изъ 35 названій куреней, которыя въ состояніи былъ припомнить намъ Коломиецъ, мы видимъ, что почти всѣ они носили тѣ-же названія, какъ и курени днѣпровской Новой Сѣчи, за исключеніемъ *джирліівського* и *пластуніоського*, которыхъ въ днѣпровской Сѣчи не было. Къ сожалѣнію, отсутствіе названій трехъ куреней не позволяетъ намъ провести это сравненіе до конца. Какъ въ названіяхъ куреней, такъ и во всемъ административномъ устройствѣ задунайской Сѣчи, составляющемъ по возможности копію днѣпровской, мы видимъ полное желаніе удержать въ возможной чистотѣ прежнюю сѣчевую традицію. Между прочимъ и Коломиецъ говоритъ, что число куреней никогда не превышало 40-ка (включая паланку и титарню) и что намѣреніе кого-то устроить на свой счетъ новый курень, который-бы назывался по имени основателя, было отклонено именно потому, что это шло-бы въ разрѣзъ съ исторической традиціей: „нехай, якъ тамъ було сорокъ, нехай и тутъ буде"! Составъ войсковой старшины былъ тотъже почти, что и на Днѣпрѣ: Кошовый, писарь, асаулъ—со включеніемъ еще „товмача" или „драгомана"—переводчика. Эти лица избирались ежегодно 1-го октября „на Покрову", которая была патрономъ и задунайской Сѣчи, и вмѣстѣ съ прислугою—„хлопцемъ", „конюхомъ" и проч. составляли населеніе паланки—особаго огороженнаго домика, составлявшаго центральный пунктъ Сѣчи. Курени избирали каждый своего куренного отамана, бывшаго какъ административнымъ представителемъ и начальникомъ своего куреня,

такъ и хозяиномъ его въ смыслѣ чисто экономическомъ. Избраніе старшины и вообще празднованіе „Покрова" сопровождалось такой-же торжественностью, какъ и въ приднѣпровской Сѣчи. Къ этому дню собирались на Сѣчь по возможности всѣ козаки, „де-бъ хто не бувъ", такъ какъ на Сѣчи обыкновенно жили только старшина и только самое небольшое количество козаковъ, преимущественно старыхъ, не бывшихъ уже въ состояніи вести охотничью и рыбальскую жизнь, все-же остальное почти круглый годъ проводило на рыболовныхъ заводахъ, въ плавняхъ, на охотѣ и т. п. Послѣ обѣдни на площадку передъ паланкой выносили столъ, клали на немъ крестъ, евангеліе и хлѣбъ и всѣ войсковыя регаліи, или „військові причандали", какъ называетъ ихъ Коломиецъ, хранившіяся обыкновенно въ церкви на престолѣ. Сѣчевыя регаліи составляли: *грамоты,* полученныя запорожцами „одъ німця и одъ турчина и одъ поляка (?), *бунчукъ, перначъ* и *топузъ",* послѣдній—родъ ножа мѣднаго, „четверти три довжины, за поясомъ носили",—вѣроятно какое-нибудь парадное оружіе, данное кѣмъ-нибудь изъ султановъ. Въ числѣ войсковыхъ регалій Коломиецъ упоминаетъ еще и о какихъ-то „головкахъ", имѣвшихъ видъ человѣческихъ головъ, „тільки маленькихъ", но что это были за головки, этого изъ его разсказа, не смотря на всѣ наши разспросы, невозможно было понять. Когда передъ паланкою все было готово, то „ото выйде Кошовый, поцілуе евангелію й хрестъ, а далі поцілуе хлібъ и каже: „спасибі вамъ, панове отаманы, и вамъ, панове воинство, за хлібъ, за сіль и за панство... Я теперъ вамъ не буду паномъ... выбирайте собі кого хочте!"... тоді козаки, якъ согласни, щобъ вінъ зновъ бувъ, то уговорюють, а якъ не хочуть, то часомъ и скажуть: „хочъ-бы й хотівъ, то не будешь, пора вже другому бути"! Десять, пъятьнадцять чоловіка кричать: „того!", а зъ другои купы—„того!" Инший и самъ не хоче, а другий хотівъ-бы, та збоку!... Оттакъ и стоить галасъ, поки вже кого не выберуть... Ну, а тамъ вже обідъ, гуляньня!"...

Таковъ былъ обыкновенный обрядъ избранія Кошеваго на „Покрову", но, какъ мы упоминали уже, далеко не каждый Кошевый благополучно оканчивалъ даже и свой годичный срокъ. Констатированный нами общій упадокъ прежней политической организаціи дошелъ, какъ мы видѣли, до постоянныхъ смѣнъ Кошевыхъ, очень

часто въ угоду только самой безшабашной части сѣчеваго товарищества, съ другой-же стороны—до немыслимаго прежде расширенія власти Кошевыхъ, какъ это было напримѣръ при Гладкомъ, который находилъ возможность вмѣшиваться даже въ выборы куренныхъ атамановъ. Оставляя въ сторонѣ все то, что могло быть явленіемъ случайнымъ и временнымъ, мы не можемъ не признать того, что въ извѣстной намъ исторіи задунайской Сѣчи замѣтно явное ослабленіе самыхъ принциповъ запорожскаго политическаго строя. Рядомъ съ этимъ въ еще большей степени замѣтенъ явный упадокъ и чисто военной организаціи. Въ военномъ отношеніи дунавецкая Сѣчь далеко не представляла собой того, чѣмъ была днѣпровская; „якъ утікали за Дунай", говоритъ цитированная нами выше народная пѣсня, „то усе забирали, и изъ церковъ иконы, тільки покидали золотую збрую та ворони кони"! Дѣйствительно, судя по разсказамъ Коломийца, мы видимъ въ задунайской Сѣчи полное отсутствіе артиллеріи и кавалеріи, отсутствіе постоянной аванпостной службы, которая у прежнихъ запорожцевъ замѣняла собой военное обученіе и маневры, замѣтно отсутствіе наконецъ или упадокъ вообще военнаго духа. Мы не знаемъ, къ сожалѣнію, условій, на которыхъ приняло къ себѣ запорожцевъ турецкое правительство; очень можетъ быть, что нѣкоторые изъ этихъ недостатковъ военной организаціи происходили именно вслѣдствіе этихъ условій, но въ очень значительной степени констатируемое нами явленіе должно было происходить и вслѣдствіе измѣненій самой жизненной обстановки, связанныхъ съ перемѣною мѣстности, и кромѣ того, разумѣется, и отъ условій чисто соціальныхъ и экономическихъ. На нашъ вопросъ о лошадяхъ, Коломиецъ отвѣчалъ намъ съ оттѣнкомъ даже нѣкоторой досады: „де тамъ у ихъ тиі кони!?... и штанівъ не було й сорочки!... воля, хочъ голый ходи!"... Далѣе мы приведемъ нѣсколько фактовъ, касающихся дѣйствительно болѣе, чѣмъ незатѣйливой обмундировки задунайскихъ сѣчевиковъ, приводившей въ недоумѣніе даже турокъ. Войсковаго знамени дунайскіе запорожцы тоже не имѣли, и оно замѣнялось у нихъ турецкимъ бунчукомъ, по всей вѣроятности вслѣдствіе несоотвѣтствія христіанскихъ эмблемъ прежняго запорожскаго знамени съ тогдашнимъ положеніемъ войска, считавшагося во всякомъ случаѣ турецкимъ. Впрочемъ каждый курень имѣлъ свой *байракъ* — родъ значка изъ

краснаго сукна съ бѣлымъ полумѣсяцемъ и шестью звѣздами. Въ случаѣ смерти кого-нибудь изъ козаковъ, передъ куренемъ выставлялся этотъ байракъ въ видѣ военной почести умершему. Въ случаяхъ походовъ военная организація задунайцевъ разумѣется нѣсколько подтягивалась и все принимало болѣе или менѣе настоящій военный характеръ. Высылаемыми изъ Сѣчи отрядами предводительствовали *наказные отаманы*, выбиравшіеся всегда самими отправлявшимися въ походъ козаками [1]). Само собою разумѣется, что при выборѣ наказнаго отамана имѣлась въ виду прежде всего военная опытность избираемаго, знаніе имъ дорогъ, мѣстностей и т. п., но независимо отъ этого обращалось также большое вниманіе и на его хозяйственныя способности и жизненную честность: „оцей козакъ, говорили запорожцы, старый, хороший, не запиваеться,—нехай намъ буде за пана: вінъ и у таіні и у жалуваньні ни шматочка хліба не попустить". Впереди отряда обыкновенно шли „кухари или хорульники", т. е. хлѣбопеки; они должны были выбирать удобныя для стоянокъ мѣста и печь хлѣбъ для продовольствія войска. Все это дѣлалось, разумѣется, по мѣрѣ возможности и смотря по условіямъ похода; чаще всего разумѣется козакамъ въ походѣ приходилось додольствоваться сухарями, размоченными въ водѣ, саламахою съ саломъ, а не то и просто съ водою и т. п. Въ далекіе походы обыкновенно брали съ собой походную церковь и священника.

Въ отбываніи козаками военной повинности также замѣчаются очень характерныя черты упадка какъ военнаго духа, такъ и вообще соціальной организаціи. За Дунаемъ уже входитъ въ обычай *откупаться* отъ участія въ походѣ, ставя за себя наемнаго козака, и само собой разумѣется, что обычай этотъ устанавливается въ пользу людей болѣе состоятельныхъ и преданныхъ болѣе мирнымъ и выгоднымъ занятіямъ. До нѣкоторой степени это регулировалось правиломъ, по которому ставить за себя наймита могъ только козакъ уже бывавшій въ походѣ и такимъ образомъ пріобрѣвшій уже себѣ нѣкоторое право на отдыхъ. Но изъ словъ Коломийца мы видимъ, что правило это далеко не всегда соблюдалось и что въ крайнемъ

---

[1]) Названіе наказнаго пана или отамана давалось также и козакамъ, которыхъ Кошевый посылалъ куда-нибудь съ порученіемъ вмѣсто себя, давая имъ широкія полномочія дѣйствовать въ размѣрахъ своей собственной власти и компетенціи.

случаѣ практиковалось и дезертирство: „а якъ було вже не выкрутишься, то—поздоровъ, Боже, ноги!—на човенъ да й у плавню... шукай тамъ, коли хочъ!“... Понятно, что это явленіе находится въ глубокой связи съ экономической организаціей и бытомъ запорожской общины, и поэтому мы будемъ имѣть еще случай вернуться къ нему, говоря объ этой сторонѣ жизни задунайской Сѣчи.

Военная дисциплина и вообще гражданскій порядокъ на Сѣчи поддерживались очень строго по принципу, но далеко не всегда успѣшно на практикѣ. Мелкія дѣла разрѣшались въ куреняхъ авторитетомъ отамана, болѣе-же серьезныя нарушенія сѣчевыхъ порядковъ восходили до Кошеваго, собранія отамановъ, а въ особенно важныхъ случаяхъ и всего товариства. Обыкновеннымъ наказаніемъ въ сколько нибудь серьезныхъ случаяхъ были „бичи“,—средней толщины кизилевые пруты, въ важныхъ-же случаяхъ, въ родѣ убійствъ и т. п., и смертная казнь на висѣлицѣ. Этотъ послѣдній родъ наказанія подъ конецъ былъ, какъ кажется, изъятъ изъ сферы юрисдикціи Кошеваго и вообще самой Сѣчи, и особенно важные уголовные преступники были отправляемы для суда и наказанія къ пашѣ въ Браилу или Галацъ. Наказаніе бичами могло быть присуждаемо даже за такіе сравнительно маловажные проступки, какъ неснятіе шапки кѣмъ нибудь изъ молодыхъ при встрѣчѣ съ старикомъ, или при проходѣ мимо паланки. Изъ разсказовъ Коломийца о разныхъ случаяхъ примѣненія этого наказанія, мы видимъ, что оно имѣло иногда добродушно-родительскій характеръ (эпизодъ напр. въ его воспоминаніяхъ о Смыкѣ), иногда-же гораздо болѣе серьезный характеръ, какъ напр. въ томъ случаѣ, когда какой-то хлопець-молдаванчукъ завелъ слѣпаго старика въ болото и оставилъ его просидѣть тамъ цѣлую ночь; иногда-же, наконецъ, оно являлось просто предлогомъ для товариства или, лучше сказать, для сѣчевыхъ гулякъ „голоколінчиківъ“, какъ называетъ ихъ Коломиецъ, показать свою власть и воспользоваться случаемъ, чтобы взыскать съ провинившагося штрафъ („выдерти *джереме*“) водкою или виномъ. Разсказъ Коломийца о козакѣ *Кінська-Шерсть* интересенъ, кромѣ того, еще въ томъ отношеніи, что козакъ этотъ обвинялся повидимому въ такомъ преступленіи, за которое никакая политически свободная община не считала-бы себя въ правѣ карать своего сочлена, и которое даже въ глазахъ куренныхъ отамановъ вовсе не

казалось чѣмъ нибудь очень серьезнымъ. Этотъ козакъ оставилъ Сѣчь и приписался, вѣроятно, подъ покровительство австрійскаго консула; его поймали на Дунаѣ, привели въ Сѣчь и начали судить. Отаманы кажуть: „подаруймо ёму!" а безштаньки збоку стоять та кричать: „бийте ёго, щобъ не робивъ того!"... „То якъ отиі голоколінчики схотіли", такъ и выйшло! прибавляетъ Коломиецъ. Въ этихъ послѣднихъ словахъ старика обращаютъ на себя вниманіе выраженія: „безштаньки" и „голоколінчики"; они указываютъ, по видимому, на то, что обвинявшійся козакъ принадлежалъ къ числу запорожскихъ „дуківъ-сріблениківъ", т. е. людей болѣе состоятельныхъ, представлявшихъ собою нѣчто въ родѣ сѣчевой денежной аристократіи, пользовавшейся потому снисходительностью начальства, но за то, понятно, и не особенно долюбливаемой голотою-безштаньками, составлявшими, конечно, большинство. Отъ этого запорожскаго плебса доставалось не разъ и самимъ Кошевымъ, если они, подобно Олексѣ Рясному, ловились на такихъ крайне предосудительныхъ въ ихъ званіи поступкахъ, какъ посѣщеніе молодицъ въ Райѣ, подъ часъ-же и тогда, когда Кошевой оказывался черезчуръ строгимъ и придирчивымъ и совершалъ, по мнѣнію товариства, явныя несправедливости. „Трёхъ, чи чотырёхъ оттакъ наказували, говоритъ Коломиецъ, бичами попобъють и *джереме* візьмуть". Выше мы упоминали о примѣрахъ того, какъ, при извѣстной степени распущенности, это право товариства карать своего Кошеваго достигало до рѣшительныхъ злоупотребленій и полной разнузданности толпы, которая рѣшительно не хотѣла терпѣть стѣсненій со стороны ею-же выбраннаго начальника, если онъ покушался водворить хоть какой нибудь порядокъ и прекратить разбойничество, грозившее, между прочимъ, и серьезнымъ вмѣшательствомъ со стороны турецкаго правительства. Дальше мы увидимъ случаи, показывающіе, до чего доводила въ концѣ концовъ вынужденная подобными нравами уступчивость со стороны Кошевыхъ.

Составъ Сѣчи пополнялся и поддерживался, какъ мы знаемъ, почти исключительно народомъ приходившимъ изъ Украйны. Въ этомъ отношеніи задунайская Сѣчь вполнѣ являлась преемницей своей приднѣпровской метрополіи, одною изъ историческихъ задачъ которой было давать пріютъ и возможность работать всѣмъ искавшимъ политической и личной свободы, бѣглецамъ отъ притѣсненій

пановъ на Украйнѣ, отъ административнаго самоуправства въ гетманщинѣ и т. п. Въ соціальныхъ и политическихъ мотивахъ, которые-бы давали поводъ уходить за Дунай, разумѣется, не было недостатка и во все время существованія задунайской Сѣчи, если только не было ихъ еще больше, чѣмъ въ прежнія времена. Достаточно вспомнить, что это было время полнаго уничтоженія украинскаго козачества со всѣми его политическими и аграрными „вольностями“, формальнаго учрежденія крѣпостнаго права на лѣвомъ берегу Днѣпра и полнаго разцвѣта его въ правобережной Украйнѣ, время обезземеленія и отдачи помѣщикамъ цѣлой массы свободнаго до тѣхъ поръ населенія, время начала рекрутчины и военныхъ поселеній на Украйнѣ и наконецъ большихъ стѣсненій для всякаго безпаспортнаго люда, укрывавшагося въ степяхъ Новороссіи и Бессарабіи. Понятно, что подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ причинъ появлялось очень много людей, для которыхъ не было никакого другаго исхода, кромѣ дороги за Дунай, на Запорожье. Лучше насъ можетъ это разсказать одна изъ записанныхъ нами въ Добруджѣ историческихъ пѣсенъ, которую и приводимъ здѣсь.

*Ходивъ, блудивъ молодый козакъ по річці по Дону,*
*Пришатався, примотався и къ самому Дунаю:*
*Ой, вы, хлопци-перевозци, перевезіть мене на той бікъ Дунаю,*
*А я вамъ сімсотъ рублівъ заплатю,*
*А що мало—небагато, до тысячи доложу!*
*Оглянеться добрый молодецъ, ажъ немае—нітъ ничого:.*
*„Що мені робити?—чи обнявши свою головоньку*
*Та йти у військо служити?“...*

„Пішовъ-бы я до отця-до матки“, разсуждаетъ козакъ,—„отецъ-мати померли, пішовъ-бы я до роду, до плоду, а рідъ-племя не прийма, пішовъ бы я до жінки молодои, жинка молода та заміжъ пішла!“ Куда-же идти?

*Ой у полі криничченька, тамъ дівчина воду брала,*
*Мені молодому шляхи розказала:*
*—„Ото-жъ тобі, ты добрый молодецъ,*
*А ни плакать, ни тужить—*

*Ото-жъ тобі, та добрый молодець,*
*Ажъ три дороги лежать:*
*Одна на Дінъ, а другая у Крымъ,*
*А третяя на Запорожье!"*

(Зап. отъ Маріи Михайлихи въ Тульчѣ).

И шли дѣйствительно на Запорожье, какъ это ни было трудно и связано съ цѣлой массой всевозможныхъ препятствій. Разсказывая біографію Коломийца, мы упоминали о томъ, что ему пришлось странствовать около 9 лѣтъ прежде, чѣмъ удалось попасть въ Сѣчь. Перейдя границу около Аккермана, онъ и его товарищи, въ качествѣ бѣглецовъ, не знавшихъ ни страны, въ которую они попали, ни мѣстнаго языка, и имѣвшихъ основаніе ежеминутно опасаться выдачи, очутились въ полной зависимости отъ перваго-же встрѣчнаго, который захотѣлъ воспользоваться ихъ положеніемъ. Такимъ дѣйствительно оказался какой-то турокъ, забравшій ихъ къ себѣ на багу (виноградникъ) и продержавшій ихъ у себя тамъ въ теченіи пяти лѣтъ, пока наконецъ держать долѣе не было никакой возможности, вслѣдствіе приближенія русскихъ войскъ. Затѣмъ они ушли въ Молдавію и тамъ бурлаковали въ теченіи 4-хъ лѣтъ, переходя отъ хозяина къ хозяину, пока наконецъ не подхватила ихъ провѣрка населенія, благодаря которой они увидали конецъ своимъ странствованіямъ. Конечно, исторія Коломийца фактъ можетъ быть и исключительный, но во всякомъ случаѣ она показываетъ, какъ не легка была дорога на Запорожье. Это обстоятельство, разумѣется, не могло не приниматься во вниманіе и запорожцами и вслѣдствіе этого, а также вѣроятно и вслѣдствіе того, что для возбужденія рѣшимости уйти за Дунай требовался все таки нѣкоторый стимулъ извнѣ, въ видѣ пропаганды козацкой свободной жизни на Сѣчи, задунайскіе запорожцы не предоставляли эмиграцію къ себѣ разнымъ случайностямъ, а старались правильно организовать ее, высылая отъ времени до времени, а иногда и ежегодно особыхъ эмиссаровъ—*„вожаівъ"*, задачею которыхъ было подбирать на Украйнѣ людей годныхъ въ козаки, уговаривать ихъ бѣжать на Сѣчь и затѣмъ проводить ихъ извѣстными и заранѣе устроенными запорожцами путями. Коломиецъ указываетъ намъ и имя одного изъ такихъ „вожаівъ"; то былъ *„Андрій Вертибало"*,

сергѣевскій куренный; „той було, разсказываетъ Коломиецъ, що году ходивъ по Малороссіи и Украині, чоловіка 15 було збере такихъ, що може назватись козакъ, та й веде!“ О такихъ-же вожаяхъ и вообще объ организованной эмиграціи изъ Украйны говорить и слѣдующая, записанная нами въ Тульчѣ народная пѣсня, указывающая также и на тѣ препятствія, которыя нужно было обойти прежде, чѣмъ попасть въ Сѣчь, и на тѣ соціальныя условія, которыя заставляли уходить туда:

*...Ой да Дунай річка та широка.*
*Та на перевозі усе глибока.*
*Да луги изъ лугами,*
*А береги зъ берегами...*
*Ой тамъ запорожци проїзжали*
*И молодихъ бурлакъ провожали...*
*А теперъ не проходять*
*И бурлакъ не проводять—*
*За превражими панами!*
*Ой да наши паны усе поляки.*
*А пишуть письма про бурлаки:*
*„Да коли-бъ намъ ихъ піймати.*
*Да кого-бъ намъ оддати*
*Да у ти нещастниї салдати“!*

(Зап. отъ Остапа Данчука).

Прибывшихъ въ Сѣчь принимали очень просто: „прийде чоловікъ у паланку, роспитають ёго, звідки й якъ...— „Будешъ козакувать?“ „Буду, пане!“—„А у якій курінь хочешъ?“—„Та самъ не знаю!“... А тутъ обізветься который куріпный: „нехай иде до мене!“—„Ну, козакуй-же, говорилъ Кошовый новому товарищу, та якъ що коли й бувало, то більше не роби!.. отъ рыбаль собі, а на добичъ не ходи!“... Этимъ и оканчивалась вся церемонія пріема новаго козака въ Сѣчь. Относясь снисходительно къ тому, что „бувало“ прежде, и предостерегая вновь поступавшаго на счетъ хожденія „на добичъ“, старшина Сѣчи никогда не прочь была дать пріютъ и защиту каждому гонимому въ Россіи, хотя-бы даже и за преступленія. Особенно-же, понятно, покровительство оказывалось тѣмъ, кого преслѣдовали за преступленія, имѣвшія оттѣнокъ со-

ціально-политическій. Очень характеренъ въ этомъ отношеніи разсказъ Колимийца объ одной изъ выходокъ бывшаго извѣстнымъ по своей эксцентричности Василя Смика: „Зъ Россіи, не знаю одъ якихъ-сь то господъ, втікло три чоловіки и багато щось грошей занесли... Отъ—що робить? У Галацъ, до німецького консула! А німецький консулъ пославъ свого капрала: „поідь у Тульчу, скажи паші, що отъ такъ и такъ... одъ господъ люде втекли и гроши занесли,—щобъ звелівъ Кошовому, нехай тихъ людей оддасть, бо вони тамъ десь у ихъ!"... Паша написавъ Кошовому, а той скликавъ курінныхъ и каже: „господа отаманы! отъ що паша пише... чи е такі люде тутъ у насъ?... треба мабуть мені самому іхати у Тульчу!" А Смикъ стоить тутъ та каже: „скидай, каже одежу, нехай я поіду!" одягся та й поіхавъ... Приіздить, а паша вже знавъ ёго,—якъ побачивъ, каже тому капралови: „ховайсь, каже, бо се такий чоловікъ, що вінъ и тебе й мене вбье оттутъ!"... Той сховавсь у другу кімнату, а Смикъ побачивъ, що вінъ тамъ, якъ увійшовъ, та якъ крикне: „а що, каже, багато вони коней попереганяли сюди, що вінъ сюди за зищика приіхавъ?"... та бухъ у стіну зъ пистоля! разъ, та у друге! Той злякавсь та швидче другими дверима на двіръ, та на лодку, черезъ Дунай!.. Такъ и пропало—більше вже й не присылали й не писали!"...

Описывая принятіе новыхъ козаковъ въ Сѣчь, Коломиецъ не упоминаетъ объ обычномъ у днѣпровскихъ запорожцевъ вопросѣ относительно вѣроисповѣданія. По всей вѣроятности это впрочемъ разумѣлось само-собой и должно было вытекать изъ предварительныхъ разспросовъ у явившагося. Но на это отсутствіе вопроса о религіи ничуть не слѣдуетъ смотрѣть какъ на признакъ того, что въ задунайской Сѣчи религія не играла особенно важной роли. Такой взглядъ былъ-бы чрезвычайно ошибочнымъ, такъ какъ, судя по разсказамъ Коломийца, глубокая резигіозность дунайскихъ сѣчевиковъ не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію. Въ народныхъ историческихъ пѣсняхъ и, между прочимъ, въ варіантахъ ихъ, записанныхъ нами въ Добруджѣ, мы встрѣчаемъ черты какъ будто-бы противорѣчащія только что высказанному нами взгляду. Одна изъ такихъ пѣсень юмористически указываетъ напр. на то, что запорожцы какъ будто имѣли очень смутное понятіе о такихъ даже предметахъ, какъ церковь или священникъ:

*Були у насъ хлопци—славни запорожци,* [1])
*Та не бачили зъ роду церкви,*
*Та побачили въ степу скирту сіна...*
*Одинъ каже: „що то, брате, въ степу стоить?“*
*А другий каже: „ото-жъ церква наша!“*

*Були у насъ хлопци—славни запорожци,*
*Та не бачили зъ роду попа,*
*Та побачили на степу цапа...*
*Одинъ каже: „що то, брате, ходить“?*
*А другий каже: „ото-жъ піпъ нашъ!“*

*Були у насъ хлопци—славни запорожци,*
*Та не бачили попаді зъ роду,*
*Та побачили чаплю на болоті—*
*Одинъ каже: „що то, брате, ходить?“*
*А другий каже: „ото-жъ, мабуть, попадя наша!“*
(М. Михайлика).

Другая пѣсня: „Ой у полі *шелемъ-белемъ* [2]) коливається“, представляющая собою слегка пріуроченный къ Добруджѣ варіантъ общеизвѣстной на Украйнѣ пѣсни, намекаетъ на нѣсколько критическое отношеніе козаковъ къ духовенству:

*Ой нехай мене не ховають ни попы, ни дяки,*
*А нехай мене поховають задунайські козаки!*
*Бо ті попы, бо ті дяки за парами бьються,*
*А задунайські козаченьки хочь меду-вина напьються!*
(Въ Тульчѣ отъ Тараса Корніенко).

Мы не станемъ, разумѣется, спорить относительно того, что содержаніе этихъ пѣсень могло имѣть свое основаніе въ правахъ и условіяхъ жизни задунайскаго козачества, можетъ быть по цѣлымъ годамъ дѣйствительно не видавшаго церкви и не всегда имѣвшаго возможность быть особенно разборчивымъ въ выборѣ своихъ духовныхъ пастырей, но во всякомъ случаѣ эти пѣсни

[1]) Припѣвъ мы для краткости опускаемъ.

[2]) *Шелемъ-белемъ* (тур. букв. *сюда-туда*)—ковыль, stipa pennata s capillata.

ничуть не могутъ характеризовать общаго отношенія дунайскихъ запорожцевъ къ религіи. Напротивъ, сколько можно видѣть изъ воспоминаній Коломийца, сѣчевики отличались большой набожностью, выражавшеюся не только въ ихъ постоянной заботливости о своей сѣчевой церкви и въ обычаѣ удаляться подъ конецъ своей жизни въ монастырь, но и въ томъ извѣстномъ авторитетѣ, какимъ пользовались, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые сѣчевые священники, какъ видно не разъ рисковавшіе говорить своей паствѣ не совсѣмъ пріятную истину. Однимъ изъ такихъ фактовъ, упоминаемыхъ у Коломыйца (кромѣ приведеннаго уже нами выхода запорожцевъ, по настоянію архимандрита Филарета) является разсказъ о столкновеніи бывшемъ между Кошевымъ Михайломъ Литвиномъ и сѣчевымъ священникомъ Лукьяномъ Кулішемъ. Этотъ послѣдній въ одной изъ своихъ проповѣдей, въ достаточно суровыхъ выраженіяхъ, поставилъ на видъ товариществу его разбойническій образъ жизни, постоянное хожденіе „на добичъ", сопровождающееся очень часто пролитіемъ даже христіанской крови и т. п., и призывалъ къ покаянію всѣхъ, не исключая и войсковой старшины, которую также обвинялъ, если не въ прямомъ, то въ косвенномъ участіи во всѣхъ этихъ дѣяніяхъ. Кошовый приказалъ осаулу пригласить о. Лукъяна по окончаніи службы въ паланку, для того, разумѣется, чтобы сдѣлать ему приличное внушеніе. Но, вмѣсто этого, Кошевому Литвину пришлось самому выслушать отъ „панотця" еще болѣе суровое обличеніе: „церква у насъ уся у золоті, говорилъ о. Лукьянъ, а по вікна у крови християнській: ты цёго не бачишь, а я бачу!" —„То що-жъ робити?" спрашивалъ у него растерявшійся Литвинъ. —„А отъ що: отъ поки паномъ, пануй, ты чоловікъ добрый, а якъ не будешь більше Кошовымъ, то йди у ченці, та Богови молись!" „Такъ вінъ и зробивъ, прибавляетъ Коломиецъ, побувъ кілько тамъ часу Кошовымъ, а якъ скинули ёго, пішовъ у Мирнопоянъ у ченці, та тамъ ченцемъ и вмеръ". Монастырь Poiana Mărului [1]), переименованный въ *Мирнопоянъ,* игралъ очень важную роль въ исторіи задунайской Сѣчи. Въ этотъ монастырь, находящійся недалеко отъ желѣзнодорожной станціи Rimnicu-Sărat въ Молдавіи, уходили окан-

[1]) Въ переводѣ «поляна яблонь». Объясненіемъ совсѣмъ искаженнаго названія «Мирнопоянъ» мы обязаны любезности г. проф. букарештской академіи, Точилеску.

чивать свои дни очень многіе сѣчевики. Тамъ доживали свой вѣкъ, кромѣ Литвина, Кошевой Гордина; тамъ-же постригся и послѣдній сѣчевой священникъ, о. Іустинъ, бывшій съ козаками въ походѣ и тюрьмѣ послѣ выхода Гладкого... Мирнопоянъ сдѣлался любимою козацкою обителью, вѣроятно, въ силу традиціи, созданной еще примѣромъ „Василя (Безрукавого?), Мазепиного ще писаря", который, по словамъ Коломийца, построилъ церковь св. Параскевы въ Галацѣ и умеръ монахомъ въ этомъ монастырѣ. Не малое количество козаковъ уходило и въ монастыри на „святу Гору", т. е. на Аѳонъ: тамъ, между прочимъ, былъ, какъ мы знаемъ, и бывшій Кошевой *Морозъ,* вернувшійся потомъ въ Сѣчь и погибшій во время греческой войны.

Въ отношеніи духовенства задунайская Сѣчь сохраняла до конца самую полную независимость и всегда сама выбирала для себя священниковъ, иногда даже изъ своей-же среды, отсылая ихъ только для рукоположенія къ молдавскимъ архіереямъ: „сами козаки попівъ выбирали.... выберемо которого зъ козаківъ, разсказываетъ Коломиецъ, письменного чоловіка, то (преосвященный) й постриже". Это было тѣмъ легче, что въ числѣ молдавскихъ владыкъ бывали иногда и украинцы родомъ, какъ напримѣръ тотъ ясскій митрополитъ Гавріилъ, о которомъ упоминаетъ въ своемъ разсказѣ Коломиецъ. Вообще избирательное духовенство держалось долго въ этой мѣстности и держится даже и до сихъ поръ между украинскимъ населеніемъ Добруджи. Долгое время, а именно еще въ 20-хъ годахъ настоящаго столѣтія, право сельскихъ обществъ набирать себѣ священниковъ держалось и въ козацкихъ поселеніяхъ въ Бессарабіи, какъ мы можемъ видѣть это изъ замѣтки, напечатанной въ апрѣльской книгѣ „Кіев. Стар." (стр. 166).

---

Экономическая организація задунайской Сѣчи и вообще экономическая сторона жизни запорожцевъ за Дунаемъ въ основныхъ чертахъ представляются такими-же, какими они были на Днѣпрѣ; но вмѣстѣ съ тѣмъ они заключаютъ въ себѣ и новыя явленія, задатки которыхъ были безъ сомнѣнія и въ жизни приднѣпровской Сѣчи, но не успѣли тамъ еще достаточно развиться. Къ числу такого рода явленій относятся, по нашему мнѣнію, попытки перехода

къ земледѣльческому хозяйству, значительное развитіе частной собственности и предпринимательства, хожденіе на заработки, гораздо болѣе, чѣмъ въ приднѣпровской Сѣчи, развившееся распаденіе козаковъ на „дуківъ“ и „голоту“ и т. п. Большая часть этихъ явленій была занесена въ зачаточномъ видѣ еще изъ Россіи, нѣкоторыя-же развились въ силу чисто-мѣстныхъ условій; но во всякомъ случаѣ ни одно изъ нихъ не успѣло развиться до такой степени опредѣленности, чтобы можно было дѣлать какіе-нибудь рѣшительные выводы. Экономическая жизнь запорожцевъ за Дунаемъ остановилась именно въ такой моментъ, когда она должна была переформироваться на совершенно новыхъ началахъ.

Послѣ взятія Дунавца и перенесенія туда запорожской Сѣчи, турецкое правительство отвело для запорожцевъ и ихъ слободъ опредѣленную территорію, или, лучше сказать, признало за ними право на извѣстныя земли, ими-же самими отвоеванныя у некрасовцевъ. По указанію Коломийца, граница запорожскихъ земель шла отъ Каменнаго Лимана, между Махмудіе и Муругілемъ, на югъ къ Разину, а на юго-востокъ владѣнія запорожцевъ шли до самаго моря, включая въ себя, значитъ, и островъ Драновъ. Оставляя въ сторонѣ болота и плавни, все остальное пространство этой территоріи, годное для поселеній и земледѣлія, представляется въ видѣ почти равнобедренно-треугольной площади, имѣющей въ основаніи около 30 километровъ и въ высотѣ около 15—17 кил. По словамъ другихъ добруджскихъ старожиловъ, граница запорожскихъ земель шла отъ Прислова на югъ къ Разину и слѣдовательно земли эти занимали гораздо большее пространство. Наконецъ, по утвержденіямъ Півтораченка, сына извѣстнаго запорожца Півтораки, граница эта начиналась еще дальше, а именно почти отъ Исакчи. „Тутъ молодый Півтораченко бувъ, говорилъ мнѣ очень горячо сочувствовавшій и содѣйствовавшій моимъ разысканіямъ Остапъ Данчукъ, то я ёму казавъ, що вы роспитуете за запорожцівъ... шкода, каже, що я того чоловіка не бачивъ, отъ мене-бъ вінъ роспитавъ!.. Я усе знаю за запорожські границі, мені батько розказувавъ и бумаги у насъ були, то якъ хата згоріла, то й вони погоріли... А батько більшъ за Коломийца знавъ, бо Коломиецъ хочь и старый, а вінъ настоящій козакъ не бувъ, вінъ більше у Райї та по заводахъ, а мій батько зъ Січи й не выходивъ“... „То ото, каже, вінъ

мені розказувавъ за оті границі: отамъ, на тімъ боці Дунаю манастыръ есть, коло Сатанова (если не ошибаемся, николаевскій мужескій мон.)... тамъ мостъ бувъ наплавный—руськи войска переходили, то якъ разъ проти отого мосту, тутъ пониже Шакши, криниця була и містъ, то оттамъ коло тиеі криниці було 3 кілки ясеновихъ у землю убито, то ото й знакъ!... Отъ тихъ кілківъ границя йшла старымъ бабинськимъ шляхомъ—зъ Шакши на Бабу, черезъ Пошту на Аджиларъ, мимо Визиръ-Мотли ажъ до бабинського лиману; тамъ село есть Зимбіль (Zibyl—на картѣ), то ёго якъ разъ на двое тая границя перерізувала"... Если принять во вниманіе, что Добруджа начала заселяться болѣе или менѣе правильно только въ началѣ нынѣшняго столѣтія и только съ того времени началось въ ней земледѣльческое хозяйство, то очень возможно допустить предположеніе, что съ самаго начала граница запорожскихъ земель и въ самомъ дѣлѣ могла быть тамъ, гдѣ указываетъ ее Півтораченко. Затѣмъ первоначальная граница сама собою должна была постепенно отодвигаться къ востоку и наконецъ дойти до предѣла, указываемаго Коломийцемъ. Это предположеніе тѣмъ болѣе вѣроятно, что запорожцамъ въ дѣйствительности такое большое количество земли вовсе не было особенно важно, а между тѣмъ разроставшееся населеніе Тульчи, Прислова, Бешъ-Тепе и т. д., состоявшее по большей части изъ украинскихъ-же переселенцевъ, должно было требовать для себя земли, отказывать въ которой запорожцамъ, почти не занимавшимся тогда земледѣліемъ и не имѣвшимъ сначала при себѣ особенно большой райи, не было никакихъ причинъ.

Мѣстность въ границахъ указываемыхъ Коломийцемъ представляетъ собою очень пологій скатъ по направленію отъ Бешъ-Тепе къ югу и юго-востоку, т. е. къ Разину и низменности Дунавца, составляющей часть дунайской Дельты. Будучи слегка холмистымъ и окруженнымъ почти со всѣхъ сторонъ горами, скатъ этотъ является мѣстами настоящей степью, мѣстами-же чрезвычайно удобенъ для пахатныхъ полей, будучи покрытъ сплошь не особенно толстымъ, но за то очень хорошимъ слоемъ чернозема. Проѣхавши почти всю эту мѣстность, мы могли своими глазами убѣдиться, до какой степени обладаніе ею было важно для запорожцевъ не только въ стратегическомъ, но и въ экономическомъ отношеніи, въ осо-

бенности принимая во вниманіе райю, чисто уже земледѣльческое населеніе, мало по малу собравшееся вокругъ Сѣчи. Въ настоящее время земля эта занята отчасти татарами, живущими въ Кара-ибелѣ, Бейбуджанѣ, Атманджи и пр., отчасти-же моканами и украинскимъ населеніемъ Верхняго и Нижняго Дунавцовъ, Муругіля, Махмудіе, Прислова, Пырлицы и пр. Запорожцамъ земля эта была отведена съ полнымъ освобожденіемъ отъ десятины не только съ земледѣльческихъ продуктовъ и скота, но и съ рыбной ловли въ ихъ предѣлахъ, т. е. по Дунавцу и лиманамъ и плавнямъ вокругъ Сѣчи. Въ Дунаѣ-же, Черномъ Морѣ и Разинѣ рыбная ловля подлежала оплатѣ пошлиной въ пользу турецкаго правительства на общихъ для всѣхъ основаніяхъ.

Въ предѣлахъ запорожской общины и состоявшей при ней райи пользованіе землей было совершенно свободно и размѣры его опредѣлялись только количествомъ рабочихъ силъ и потребностями семьи. Никакого раздѣла земель, ни постояннаго, ни временнаго не было и каждый, желавшій пользоваться землей, занималъ ее гдѣ хотѣлъ и въ какомъ хотѣлъ, или, лучше сказать, въ какомъ могъ количествѣ. „И турокъ, замѣчаетъ по этому поводу Коломиецъ, було ніколи не казавъ: „земля *моя*“, а усе каже „*наша*, нашого царя“. Эта полная слобода пользованія общею землей, безъ всякаго даже регулированія ее со стороны общины, зависѣла, разумѣется, больше всего отъ обилія земли, далеко превосходившаго потребности тогдашняго населенія, особенно того, которое занималось хлѣбопашествомъ. Этимъ-же обиліемъ земли объясняется и то, что значительная часть ея, а именно почти вся средина образуемой запорожскими землями треугольной площади, въ особенности съ южной ея стороны, отдавалась въ аренду моканамъ, т. е. трансильванскимъ румынамъ, держащимъ и по настоящее время въ этой мѣстности свои стада. Кромѣ мокань, въ селахъ Кара-Баиръ на сѣверъ и Сармуся или Сарнасу на югъ жили болгары и молдаване, также занимавшіеся по большей части скотоводствомъ и снимавшіе для своихъ пастбищъ земли у запорожцевъ. Этою отдачею земель въ аренду завѣдывалъ самъ Кошевый, получавшій и арендную плату, взымавшуюся обыкновенно съ количества головъ скота или отъ плуга. Кромѣ арендной платы гуртовщики давали иногда и скотъ для мясного продовольствія Сѣчи; но это, какъ кажется, не было даже и предметомъ

договора, а вѣроятно давалось просто въ видѣ любезности или взамѣнъ получаемой отъ запорожцевъ рыбы.

Украинское населеніе, составлявшее райю, и имѣвшіе хозяйство козаки скотоводствомъ не занимались, занимались-же исключительно хлѣбопашествомъ. Судя по тому, что Коломиецъ во всѣхъ запорожскихъ слободахъ (Райѣ) насчитываетъ не болѣе 200 хатъ, слѣдуетъ думать, что вообще земледѣльческій контингентъ Сѣчи съ ея слободами былъ не особенно великъ; но очень было важно то, что онъ постепенно увеличивался, и мы, кажется, имѣемъ полное основаніе думать, что, при болѣе благопріятно сложившихся политическихъ обстоятельствахъ, онъ долженъ былъ въ довольно близкомъ будущемъ перерости остальное неженатое населеніе Сѣчи, не занимавшееся земледѣліемъ. Изъ запорожцевъ, какъ мы сказали уже, хлѣбопашествомъ занимались только женатые и жившіе поэтому въ слободахъ, изъ настоящихъ-же сѣчевиковъ Коломиецъ указываетъ только на одного, *Гната Головача*, стеблівського козака, у котораго были „и волы, й коровы, й кони, й вівці, й усе... и баги були свои“, и который „було усе оре та сіе, оре та сіе“... Но, принимая это во вниманіе, не слѣдуетъ забывать и того, что, чѣмъ дальше шла колонизація изъ Россіи, тѣмъ болѣе должно было прибывать въ Сѣчь народа уже вполнѣ земледѣльческаго и вотъ этотъ-то элементъ, по нашему мнѣнію, и могъ произвести тотъ экономическій поворотъ въ существованіи Сѣчи, который могъ сообщить всему ея существованію совершенно новое и несомнѣнно болѣе прочное направленіе.

И такъ, какъ-бы ни было, мы видимъ все таки, что земледѣліе играло въ экономіи Сѣчи роль только второстепенную. Главнымъ-же занятіемъ запорожцевъ были по прежнему рыболовство и охота, производившіяся на очень широкихъ основаніяхъ и дававшія наиболѣе средствъ къ жизни всей козацкой общинѣ. Въ этомъ-же главномъ занятіи выражался больше всего и экономическій характеръ Сѣчи, какъ рабочей ассоціаціи или, лучше сказать, союза ассоціацій, представлявшихся отдѣльными куренями. Ежегоднаго распредѣленія мѣстъ для рыбной ловли между куренями, какъ это дѣлалось на Днѣпрѣ, въ задунайской Сѣчи не происходило, что зависѣло, по всей вѣроятности, какъ отъ обилія такихъ мѣстъ, такъ и отъ того, что рыбная ловля производилась главнымъ образомъ

на взморьѣ, такъ называемыми кормаками или переметами, которые постоянно должны переставляться съ мѣста на мѣсто, смотря по образованію песчаныхъ отмелей и т. п. Почти всѣ курени имѣли свои общинные куренные рыболовные заводы, многіе курени имѣли свои общинные ерики и невода или „матулы", доходы съ этихъ заводовъ составляли общинную собственность каждаго куреня. Нѣкоторые курени, болѣе многолюдные, имѣли по нѣсколько заводовъ, большая-же часть по два и по три. Работа на этихъ заводахъ отбывалась членами каждаго куреня по очереди, за исключеніемъ, разумѣется, тѣхъ, кто уходилъ на заработки, или былъ занятъ общественною службою въ качествѣ отамана, осаула и т. п. Такимъ образомъ эти куренные заводы были настоящими рабочими ассоціаціями и представляли собой то экономическое ядро, вокругъ котораго группировались козаки, входившіе въ составъ куреня, какъ не только общественной, но и экономической общинной единицы, жившей вполнѣ самостоятельной жизнью. Но такъ какъ военная организація Сѣчи не допускала въ составъ общины женщинъ и вообще семьи, а между тѣмъ Сѣчь за Дунаемъ начинала мало по малу, подъ вліяніемъ позднѣйшей эмиграціи, утрачивать свой прежній, исключительно боевой характеръ, влѣдствіе чего вокругъ Сѣчи появились цѣлыя поселенія запорожскихъ семействъ, не входившихъ, въ силу прежней традиціи, въ составъ куренныхъ общинныхъ хозяйствъ, то поэтому и въ куреняхъ, рядомъ съ общинными рыболовными заводами, появляются и частные заводы, принадлежавшіе сначала по всей вѣроятности товариществамъ женатыхъ козаковъ, а потомъ и отдѣльнымъ лицамъ. Начало этого явленія было между прочимъ и въ приднѣпровскомъ Запорожьѣ, особенно въ послѣднее время его существованія, а оттуда оно занесено было и за Дунай, уже въ качествѣ обычая не возбуждавшаго ничьего удивленія и казавшагося вполнѣ естественнымъ, такъ какъ, возставая противъ этого въ силу принципа общинности, пришлось-бы возставать и противъ семьи, съ которою задунайская Сѣчь очевидно начала уже вполнѣ мириться. Ввести-же семью въ составъ общины, т. е. куреня, мѣшали запорожцамъ не только ихъ козацкія традиціи, но и условія ихъ жизни на устьяхъ Дуная, дѣлавшія обязательнымъ для нихъ военное ремесло, а слѣдовательно и военную организацію. Такимъ образомъ людямъ, имѣвшимъ семью или разсчитывавшимъ имѣть ее,

не оставалось ничего больше, какъ устраивать свои частные заводы помимо куренныхъ, а разъ это вошло въ обычай, то понятно, что это уклоненіе отъ общинно-экономической жизни сдѣлалось мало по малу и обычнымъ средствомъ просто личнаго обогащенія. Нѣкоторые козаки дѣйствительно и составляли себѣ заводами относительно очень крупныя состоянія. Какъ объ одномъ изъ примѣровъ подобнаго обогащенія, Коломиецъ упоминаетъ, между прочимъ, о козакѣ *Хведорѣ Головатомъ*, который одинъ имѣлъ 24 кармашныхъ завода и возбудилъ этимъ такую завистъ къ себѣ со стороны турокъ, что они, не смотря на дружбу Хведора съ браиловскимъ Мехметъ-пашой, хотѣли было, по иниціативѣ одного рыбопромышленника турка, заманить его хитростью и утопить въ отхожемъ мѣстѣ. Но если такое обогащеніе частныхъ лицъ вызывало на сторонѣ только зависть, то въ самой Сѣчи оно давало результаты несравненно болѣе тревожные. Однимъ изъ послѣдствій выдѣленія частныхъ земледѣльческихъ хозяйствъ и въ особенности рыболовныхъ заводовъ, было, какъ мы уже сказали, появленіе въ Сѣчи людей болѣе состоятельныхъ, сѣчевыхъ „дуківъ-сріблянниківъ“ и рядомъ съ ними—своего рода плебеевъ, если не пролетаріевъ, „голоколінчиківъ“, словомъ распаденіе товариства на два неравныхъ и, конечно, враждебныхъ между собою общественныхъ класса. Само собой разумѣется, что указываемыя нами экономическія явленія далеко не успѣли еще развиться до такой степени, чтобы самостоятельно и непосредственно обусловливать собою появленіе пролетаріата, такъ какъ земли было довольно и ею могъ пользоваться рѣшительно всякій, равно какъ и работавшіе на частныхъ рыболовныхъ заводахъ были не наемными рабочими, а пайщиками, товарищами въ предпріятіи; но тѣмъ не менѣе обогащеніе отдѣльныхъ лицъ не могло не вносить въ житье товариства извѣстной розни и экономической дисгармоніи, которая въ свою очередь не могла не отражаться на ходѣ всей общественной жизни Сѣчи. Занятые земледѣльческимъ хозяйствомъ и веденіемъ своихъ заводовъ члены товариства, разумѣется, не такъ легко могли оставлять свои дѣла для того, чтобы отправляться наприм. въ походъ; это-же вело къ желанію замѣнить себя кѣмъ нибудь другимъ по найму и, разумѣется, удавалось, благодаря возможности, съ одной стороны, хорошо заплатить, а съ другой—легкимъ, хотя и рискованнымъ, способомъ получить извѣст-

ную сумму денегъ въ свое личное распоряженіе. Такое-же уклоненіе болѣе состоятельныхъ козаковъ отъ общей повинности всего товариства, извѣстное вниманіе, которымъ пользовались богатые со стороны войсковой старшины, наконецъ болѣе вліятельное положеніе ихъ въ Сѣчи—все это вмѣстѣ не могло не порождать весьма понятнаго антагонизма между этими болѣе состоятельными людьми, „дуками", и тѣми, которыхъ Коломиецъ называетъ „голоколінчиками" и которые, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, были, по всей вѣроятности, не столько жертвами обогащенія „дуківъ", сколько совершенно самостоятельными искателями „легкого хліба", благодаря именно этому ушедшими и изъ Россіи. Частные-же рыболовные заводы, принимавшіе, какъ мы говоримъ, рабочихъ въ качествѣ пайщиковъ, а не по найму, могли только развѣ *косвенно* содѣйствовать накопленію въ Сѣчи болѣе бѣднаго люда, доставляя возможность частныхъ заработковъ помимо общиннаго труда. Такое значеніе частныхъ заводовъ могло имѣть тѣмъ болѣе мѣста, что количество ихъ было во всякомъ случаѣ достаточно велико. Ихъ было на Сѣчи если не больше, чѣмъ куренныхъ, то во всякомъ случаѣ врядъ-ли и меньше. Вообще-же количество всѣхъ запорожскихъ заводовъ было очень значительно. Къ сожалѣнію Коломиецъ не могъ опредѣлить намъ даже и приблизительно точно этого количества, но, судя по тому, что нѣкоторые курени имѣли, по его словамъ, даже до 30-ти заводовъ (и общественныхъ и частныхъ вмѣстѣ), мы можемъ видѣть только, что рыбальство велось Сѣчью въ очень обширныхъ размѣрахъ.

Въ болѣе скромныхъ, но все таки въ немалыхъ размѣрахъ, производилась и охота. Дунайская дельта въ то время отличалась баснословнымъ изобиліемъ всякаго рода дичи, начиная съ оленей, дикихъ кабановъ, козъ и т. п. и кончая несмѣтными табунами дикихъ гусей, утокъ, лебедей, пеликановъ и т. п. Еще и теперь, когда населеніе значительно увеличилось и когда послѣ знаменитаго наводненія, бывшаго въ 1857 г., пропало множество дикихъ животныхъ, мы, проѣзжая изъ Сулины въ Катирлезъ по берегу моря, имѣли единственный въ жизни случай видѣть тянувшіяся на версту и болѣе стада дикихъ утокъ и гусей; почти въ каждомъ шинкѣ въ Верхнемъ и Нижнемъ Дунавцахъ можно видѣть цѣлыя кучи шкурокъ ырковъ, лебедей, бабъ, лисьихъ и волчьихъ шкуръ

и т. п. Въ воспоминаніи Коломийца мы не находимъ указаній на то, чтобы охота производилась запорожцами въ видѣ общественнаго предпріятія, но, по всей вѣроятности, хотя отчасти, она должна была производиться цѣлыми компаніями козаковъ, а можетъ быть и цѣлыми куренями, независимо отъ отдѣльныхъ лицъ, сдѣлавшихъ охоту своимъ спеціальнымъ запятіемъ. Кромѣ ружейной охоты, запорожцы ловили звѣрей капканами и т. п. и вообще посвящали этому занятію все время, неудобное для рыболовства, преимущественно-же во время зимы.

Продукты рыбной ловли и охоты были отправляемы для продажи обыкновенно въ Галацъ и Браилу на большихъ лодкахъ, такъ-же точно, какъ это дѣлается и теперь, съ той, разумѣется, разницей, что тогда продажа производилась прямо изъ первыхъ рукъ, безъ посредства разныхъ коммисіонеровъ и скупщиковъ, которые теперь почти совсѣмъ уже оттираютъ рыбалокъ отъ рынка. Выручаемыя за рыбу деньги въ куреняхъ составляли общинную собственность каждаго изъ куреней, не поступая въ общую кассу Сѣчи, въ частныхъ-же заводахъ дѣлились между участниками, такъ что рабочихъ въ тѣсномъ смыслѣ, какъ мы сказали, на этихъ заводахъ не было. Частные заводы представляли собой тоже своего рода ассоціаціи, въ которыхъ извѣстная часть валовой прибыли, т. е. улова (въ началѣ $^1/_3$, а потомъ, такъ какъ и теперь, половина) шла въ пользу владѣльца завода, остальное-же дѣлилось поровну между пайщиками, участвовавшими въ ассоціаціи своимъ трудомъ. Такимъ образомъ пайщики раздѣляли съ хозяиномъ рискъ, но за то и всѣ выгоды предпріятія, что въ рыболовствѣ чрезвычайно важно, а особенно въ случаѣ хорошаго успѣха ловли. Эти отношенія между хозяевами рыболовныхъ заводовъ съ ихъ пайщиками-рабочими сохраняются между дунайскими рыбалками и до сихъ поръ, съ той только впрочемъ разницей, что теперь хозяинъ беретъ на себя хлопоты по снабженію рабочихъ пищею, одеждой и т. п. и разумѣется при помощи отамана, подбирающаго артель, находитъ гораздо болѣе способовъ ихъ обсчитывать и эксплоатировать въ свою пользу вообще.

Часть населенія Сѣчи, не находившая или почему нибудь не хотѣвшая находить себѣ занятіе на Сѣчи и ея заводахъ или Райѣ, выходила каждое лѣто на заработки: „на косовицю, на жнива,

папушой (кукурузу) бить, сапувать, підбивать" и т. п. въ Турцію, въ Македонію, Сербію, Молдавію и т. д. Зарабатываемыя такимъ образомъ деньги запорожцы частью отдавали въ курені, но главнымъ образомъ употребляли для своихъ личныхъ надобностей: „одежу собі справляли, чоботы купували, зброю" и т. п., не говоря уже о томъ, что прогуливалось. Это послѣднее обстоятельство, т. е. стремленіе къ удовлетворенію чисто личныхъ потребностей, постепенно расширяясь, было по всей вѣроятности главною причиною, толкавшею запорожцевъ искать себѣ работы внѣ Сѣчи. Эта-же причина въ значительной степени обусловливала и другую промышленность, которую приходится тоже помѣстить въ число отхожихъ промысловъ населенія Сѣчи, а именно хожденіе „на добичъ", такъ или иначе, а все таки игравшее извѣстную роль въ экономическомъ быту запорожцевъ. Какъ ни запрещалось въ Сѣчи разбойничество, какъ ни каралось оно строго сѣчевою юстиціей, оно повидимому никогда не прекращалось въ ней, не смотря на то, что создавало для сѣчевой старшины цѣлую кучу непріятнѣйшихъ столкновеній съ турецкой администраціей. По всей вѣроятности всѣ эти грабежи и разбойничество были прямымъ послѣдствіемъ большой разнородности элементовъ, входившихъ въ составъ Сѣчи, между которыми было не мало людей ушедшихъ изъ Россіи по всевозможнымъ причинамъ уголовнаго характера, людей, для которыхъ сколько нибудь трудовая жизнь была невыносима. Мотивомъ-же, заставлявшимъ Сѣчь смотрѣть на такого сорта подвиги болѣе или менѣе снисходительно, кромѣ указываемыхъ Коломийцемъ случаевъ прямаго небезкорыстія старшины, была конечно и прежняя запорожская традиція, признававшая хищническіе набѣги на турокъ или татаръ рыцарскими подвигами, скорѣе достойными всякой похвалы, чѣмъ порицанія. Само собою разумѣется, что тутъ уже не могло идти въ счетъ то, что турки были во время существованія задунайской Сѣчи не врагами, а союзниками запорожцевъ, и что разбойническіе набѣги производились главнымъ образомъ уже не на „невіру-бусурмана", а на христіанское населеніе Македоніи, Сербіи, Молдавіи и т. п. Нужно, впрочемъ, сказать, что, зная нравы полудикихъ народовъ хоть-бы даже и тѣхъ, которые населяютъ и теперь Добруджу, невольно начинаешь относиться болѣе или менѣе безстрастно и къ похожденіямъ запорожцевъ, такъ какъ то, что они совершали, въ

глазахъ тогдашняго общественнаго мнѣнія дѣйствительно не считалось вполнѣ преступленіемъ, а скорѣе разсматривалось какъ своего рода молодечество, болѣе или менѣе простительная шалость, преслѣдуемая только потерпѣвшими да начальствомъ, въ виду разныхъ политическихъ соображеній. Разбойничество или хожденіе „на добичъ" производилось по большей части правильно организованными шайками или „затягами", которые „затягались" бывалыми уже и опытными козаками, знавшими, куда нужно идти и какъ нужно во время скрыться отъ преслѣдованія. Коломиецъ передаетъ намъ цѣлый рядъ разсказовъ о такого рода похожденіяхъ, при чемъ оказывается, что начальство Сѣчи то изъ корыстныхъ видовъ, то по добротѣ и снисходительности очень часто старалось выгородить поймавшихся съ добычей запорожцевъ. Такъ было напр. съ знакомымъ уже намъ „затягомъ", составленнымъ Чокаемъ, Макухою и прочими. Читатель помнитъ, что эти разбойники вели съ Кошевымъ Гординою правильные переговоры, при посредствѣ его кума Тихона изъ Райи, и были освобождены за уплату приличнаго количества золота въ пользу Кошеваго. Но изъ нѣкоторыхъ разсказовъ Коломийца мы видимъ, что были случаи показывающіе, что разбойничество доходило до размѣровъ, которые и въ то время не могли уже считаться сколько нибудь извинительными и по поводу которыхъ „скільки ихъ вывішали отихъ розбійниківъ!"... Доходило до того, что имѣвшаго деньги человѣка, „якъ турки не вбьють, то свои вбъють!"... „Тутъ два козаки пішли, разсказываетъ Коломиецъ— одинъ *Гаврило Циганôкъ*, а другий—*Лукъянъ Машамбá*,—знали вони пана одного, що у его червінці були"...; съ помощью панской дворни они добрались благополучно къ этимъ червонцамъ, подѣлились ими и отправились гулять въ Браилу. Но тамъ Машамбá началъ уговаривать Гаврила отдать ему его долю, такъ какъ онъ собирался свататься. Гаврило отказался, тогда Машамбá убилъ его и забралъ деньги себѣ. „Коли уранці дивляться—плавае Гаврило по воді!.. А греки бачили, що вони пьянствували удвохъ зъ вечора, піймали того Машамбу й заперли... дали знать до Кошового у Січъ. А Кошовый, тоді Литвинъ бувъ, посыла наказного пана: „ідь, каже, у Браилу, що хочъ, те зъ ими и роби!" Отъ вінъ поіхавъ наказный панъ, заразъ давай роспитувать того Машамбу, де вінъ гроши дівъ, а той каже, що закопавъ за кріпостьтю у землю. Тоді наказный

забравъ того Машамбу, гроши выкопавъ, а ёго у Дунай, а упіеля сказавъ, що втікъ... а самъ на Січъ поіхавъ зъ грішми! Здается, Губа Михайло тоді наказнымъ іздивъ, крилівський курінный!"...

Къ числу войсковыхъ доходовъ относился и доходъ съ сѣчеваго шинка. Оптовая продажа спиртныхъ напитковъ отдавалась на откупъ какому-то „галацькому жидови", державшему въ Сѣчи свою оптовую контору, изъ которой производилась только ведерная продажа. Розничная-же продажа въ сѣчевомъ шинкѣ была въ рукахъ самихъ козаковъ и велась по очереди каждымъ куренемъ, отряжавшимъ для этой цѣли по 4 человѣка въ теченіи того мѣсяца, когда очередь торговать въ шинкѣ была за этимъ куренемъ. Доходъ съ продажи питей былъ обще-сѣчевымъ и находился въ распоряженіи паланки. Эти порядки, описываемые нами со словъ Коломийца, порядки во всякомъ случаѣ довольно раціональные, далеко не похожи на то, что разсказываетъ объ этомъ въ своей книгѣ Чайковскій. По его описанію въ сѣчевомъ шинкѣ торговали не сами козаки, а всегда какой-нибудь жидъ, который безпощадно обиралъ козаковъ, но за то и самъ почти всегда былъ обираемъ, если даже не убиваемъ расходившимися запорожцами.

Наконецъ довольно важную статью въ хозяйствѣ Сѣчи составляла и субсидія, получавшаяся черезъ посредство браиловскаго паши отъ турецкаго правительства и состоявшая изъ денежнаго жалованья и изъ „таину", т. е. провіанта—отчасти натурою, отчасти деньгами. Понятно, что эта субсидія выдавалась только исключительно Сѣчи, райя-же не получала ничего, но за то и не обязана была выходить въ походъ. Размѣръ этой субсидіи намъ не удалось опредѣлить достаточно точно. Коломиецъ говоритъ, что Кошевый получалъ 3,000 левовъ (піастровъ) въ годъ, куренные-же отаманы получали, смотря по рѣшенію своего куреня, отъ 200 до 300 левовъ въ полугодіе—„одъ Покровы до Юрья и одъ Юрья до Покровы". На каждый курень отпускалось турецкимъ правительствомъ по 600 (?) окъ муки и по 600 левовъ деньгами въ каждое полугодіе. Эта цифра, относительно муки, кажется намъ очень сомнительной по своей крайней незначительности, особенно въ виду того, что козаки, какъ объ этомъ согласно говорятъ и Коломиецъ и Чайковскій, постоянно старались увеличивать передъ турецкимъ правительствомъ свое количество и получали всегда и жалованье и

провіантъ въ разсчетѣ на тысячный составъ каждаго куреня, чего въ дѣйствительности никогда не бывало. Кромѣ муки, Сѣчь получала также натурою чечевицу, уксусъ и, кажется, деревянное масло. Порохъ и свинецъ выдавался также ежегодно турецкимъ правительствомъ, но оружіе и одежду козаки всегда должны были имѣть свою. Все это впрочемъ вещи, которыя будутъ рано или поздно опредѣлены въ точности, когда будутъ розысканы и напечатаны грамоты и договоры турецкихъ султановъ, врученные, какъ извѣстно, Гладкимъ имп. Николаю Павловичу.

Сводя имѣющіяся у насъ данныя относительно экономическаго устройства задунайской Сѣчи, мы видимъ, что сѣчевое хозяйство раздѣлялось на *обще-сѣчевое*, находившееся въ завѣдываніи паланки, и *куренное*, отдѣльное для каждаго куреня и совершенно независимое въ своей сферѣ отъ общаго хозяйства всей Сѣчи. Обще-сѣчевыми доходами были: доходы съ земель, съ продажи питей и жалованье, получаемое отъ турецкаго правительства. Изъ этихъ „войсковихъ парівъ" покрывались и расходы, имѣвшіе главнымъ образомъ общій характеръ, т. е. выдача жалованья всѣмъ должностнымъ лицамъ, ремонтъ общественныхъ построекъ, разъѣзды старшины, праздничныя угощенія на Покрову и проч. Затѣмъ все остальное составляло уже предметъ отдѣльныхъ куренныхъ хозяйствъ. Каждый курень распоряжался вполнѣ самостоятельно своей частью жалованья и таина, доходами съ своихъ рыболовныхъ и охотничьихъ промысловъ, приношеніями своихъ членовъ, занимавшихся частными промыслами и т. п. [1]). Главнымъ распорядителемъ куреннаго хозяйства является атаманъ, который, какъ мы сказали выше, былъ не только административнымъ и военнымъ представителемъ своей общины, но и экономическимъ ея главою, такъ ска-

---

[1]) Какъ мы видимъ изъ этого, и въ экономическомъ своемъ устройствѣ задунайская Сѣчь сохранила, если даже не развила еще, традиція Сѣчи днѣпровской. Въ этой послѣдней, какъ мы видимъ изъ словъ современнаго французскаго писателя Scherer'a, «Chacune (kurène) avoit son économie et son administration particulières. Tous ceux qui demeuroient dans la même kurène n'avoient qu'une bourse et qu'une table et ils alloient ensemble à la guerre». *Scherer. Annales de la petite Russie ou Histoire des Casaques Zaporogues.* P. 1788, T. I, p. 135.

зать, хозяиномъ. Въ число его обязанностей, и притомъ главныхъ, входила забота объ экономическомъ благосостояніи куреня, о порядкѣ въ немъ, о содержаніи въ исправности построекъ, объ устройствѣ огорода и заготовленіи хозяйственныхъ запасовъ и т. п. Степенью его заботливости по части куреннаго хозяйства измѣрялось и его достоинство, какъ должностнаго лица, и опредѣлялось его право на вознагражденіе: „якъ добрый отаманъ, говоритъ Коломиецъ, що й горо́дъ зробить, и капусты придбае, и за усімъ добре дивиться, то й 200 и 300 лев. давали... А окрімъ того й сами одъ себе давали... Побачить, що у куріні порядокъ, усе чисто, у горо́ді городины повно, й дае"... Непосредственнымъ помощникомъ отамана по хозяйству былъ *кухарь*, тоже своего рода должностное лицо, состоявшее на жалованьѣ (100—120 лев. въ семестръ), для мелкихъ-же, особенно женскихъ работъ, въ родѣ мазанья хатъ, работъ въ огородѣ и т. п. нанимались женщины изъ Райи, получавшія плату или изъ паланки (за работы при постройкахъ), или отъ куреня, въ послѣднемъ случаѣ очень часто натурою—хлѣбомъ и т. п. Предметы хозяйства, не производившіеся дома, пріобрѣтались покупкою, также каждымъ куренемъ для себя, по своимъ средствамъ и потребностямъ. Покупали муку (главнымъ образомъ изъ Базарджика), уксусъ, деревянное масло, возили „кашказаки", т. е. большіе глиняные сосуды съ „грецькимъ виномъ" и оливою. Вино привозилось, главнымъ образомъ, изъ Одобешти—въ Румыніи... Судя по сообщаемымъ Коломийцемъ, существовавшимъ въ то время цѣнамъ на разнаго рода припасы и вообще предметы первой необходимости, куренныхъ доходовъ вѣроятно было вполнѣ достаточно для довольно сноснаго существованія, особенно при болѣе или менѣе большомъ хозяйствѣ, какимъ было куренное. Пшеничная мука продавалась по 7 левъ за 100 окъ, т. е. по нынѣшнему курсу около 7 коп. за пудъ, кукурузная мука по 3 пари за 4 ока, т. е. $1^1/_3$ сантима за 12 фунтовъ; пара воловъ вмѣстѣ съ возомъ стоила 70 левъ, корова 30—35 левъ, *гоба*, т. е. нѣчто въ родѣ армяка или кобеняка—25 левъ, мѣховая куртка безъ рукавовъ—$2^1/_2$ лева и т. п. Правда, и трудъ тогда цѣнился не особенно дорого—за день косьбы платили 15 сант. (30 паръ), за день жатвы 30 сант., только тяжелыя крѣпостныя работы оплачивались цѣлымъ махмудіе, т. е. 50—60 сант. Впрочемъ, только немногіе изъ запорож-

цевъ ходили на заработки, да, сравнительно съ цѣнами на хлѣбъ и мясо, и тогдашняя заработная плата была все таки выше теперешней.

Относительно бытовой стороны дунавецкой Сѣчи мы также имѣемъ въ воспоминаніяхъ Коломийца очень цѣнный матеріалъ, по которому мы можемъ составить себѣ довольно детальное этнографическое представленіе объ исчезнувшей козацкой общинѣ,—представленіе тѣмъ болѣе интересное, что этнографія днѣпровской Сѣчи извѣстна еще не особенно подробно. Сѣчь, какъ уже извѣстно читателю, была расположена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится селеніе Верхній Дунавецъ и на которомъ прежде, до появленія запорожцевъ, было некрасовское селеніе того-же имени. До перваго своего свиданія съ Коломийцемъ я не имѣлъ возможности побывать въ Дунавцѣ и потому, не смотря на самые усердные расспросы относительно мѣстности и расположенія Сѣчи, мнѣ было чрезвычайно трудно составить себѣ о нихъ сколько-нибудь ясное представленіе. Къ сожалѣнію и во время втораго свиданія съ Коломийцемъ, уже въ Нижнемъ Дунавцѣ, мнѣ не удалось обойти мѣстность Сѣчи вмѣстѣ съ нимъ, какъ я разсчитывалъ, такъ какъ старецъ оказался уже лишеннымъ возможности передвигаться при помощи ногъ. Пришлось осмотрѣть Верхній Дунавецъ самому, въ сопровожденіи моего товарища по этому путешествію, г. Д—а, и священника Нижняго Дунавца, о. Стефана Крушталева, который былъ такъ любезенъ, что предложилъ намъ, въ качествѣ мѣстнаго жителя, свое сопутствіе. Выйдя изъ Нижняго Дунавца, довольно жалкой татарской деревушки, не болѣе 2—3-хъ лѣтъ только занятой руснаками, передѣлывающими ее теперь по своему, и поднявшись на небольшой пригорокъ, мы увидѣли передъ собою почти прямо на сѣверъ довольно высокую гору и немного правѣе отъ нея, вдоль довольно высокаго (саженей около 10) обрывистаго берега круто заворачивающей вправо рѣки Дунавца, самую деревню Верхній Дунавецъ—бывшую Сѣчь. Съ лѣвой стороны отъ насъ была широкая волнистая степь, съ виднѣвшимися вдали горами Бешъ-Тепé, а съ правой стороны тянулось необозримое болото—дунайская плавня, красиво прорѣзываемая змѣеобразными, очень прихотливыми изгибами Дунавца и уходящая, сколько видно глазу, вдаль, слегка только окаймленная едва виднѣющимися на горизонтѣ вербами, растущими по берегу Дуная... У входа въ деревню, у самаго загиба Дунавца,

мы перешли черезъ остатки почти разрушившихся уже, но еще вполнѣ замѣтныхъ вала и рва, окружавшаго прежде Сѣчь, и потомъ, слегка повернувши вправо, прошли улицей, почти паралельной рѣкѣ, къ самой оконечности выдающагося въ болото небольшаго мыса, гдѣ на небольшой площадкѣ стоятъ два шинка, содержимые, какъ и слѣдовало ожидать, жидами. Отъ мыса идетъ довольно крутой спускъ къ рѣкѣ, черезъ которую въ этомъ мѣстѣ сдѣланъ мостикъ съ прорѣзомъ посрединѣ для пропуска судовъ и съ переброшенной черезъ этотъ прорѣзъ доской. Здѣсь была прежде запорожская пристань, да и теперь это мѣсто служитъ для того-же назначенія, о чемъ свидѣтельствовала небольшая група лодокъ возлѣ берега и въ маленькой рѣченкѣ, текущей вдоль обрыва и скоро пропадающей въ плавнѣ. Въ шинкѣ, гдѣ, благодаря празднику, оказалось довольно много народа, какъ руснаковъ, такъ и моканъ, мы, при помощи о. Стефана, старались разспросить, не знаетъ-ли кто-нибудь изъ теперешнихъ жителей чего-нибудь о расположеніи прежней Сѣчи, но всѣ наши разспросы, какъ и слѣдовало ожидать, оказались напрасными, и мы, кромѣ ссылокъ на Коломийца, ничего больше не услышали, что и совершенно естественно, такъ какъ мѣсто Сѣчи долгое время оставалось почти вовсе незаселеннымъ, затѣмъ послѣ крымской войны было отдано переселившимся изъ Крыма татарамъ, а большая часть теперешняго его населенія живетъ тамъ не болѣе 4—5 лѣтъ, т. е. со времени послѣдней войны, когда татары начали переселяться въ Турцію. Вслѣдствіе этого и Верхній Дунавецъ заключаетъ въ себѣ довольно много уцѣлѣвшихъ еще татарскихъ мазанокъ, хотя въ общемъ оно все таки представляетъ собой уже и по наружности малороссійское село, очень напоминающее села какого-нибудь черкасскаго или чигиринскаго уѣзда [1]). Вышедши изъ шинка, мы обошли по сѣверо-восточному краю села, прилегающему къ плавнѣ, но находящемуся все таки довольно высоко надъ нею, и, оставивши дорогу на Муругіль, перерѣзывающую опять остатки вала, повернули лѣвѣе на гору, ко-

---

[1]) Мы воздерживаемся отъ болѣе подробнаго описанія этого и другихъ руснацкихъ селъ въ Добруджѣ, такъ какъ это отвлекло-бы насъ отъ общаго содержанія настоящей статьи и потому что мы надѣемся сдѣлать это въ особой статьѣ о современномъ украинскомъ населеніи Добруджи и устьевъ Дуная.—К.

торую мы видѣли передъ собою, вышедши изъ Нижняго Дунавца, и у подошвы которой лежитъ Верхній Дунавецъ. На самой верхушкѣ обрыва, недалеко отъ пристани, о. Стефанъ показалъ намъ едва замѣтные остатки какой-то старинной постройки, объясняя, что многіе изъ жителей считаютъ эти остатки каменнымъ фундаментомъ бывшей будто-бы на этомъ мѣстѣ запорожской церкви. Предположеніе это, по нашему мнѣнію, очень правдоподобно, хотя мы должны сказать, что эти остатки каменной постройки показались намъ имѣющими видъ болѣе древняго происхожденія и чрезвычайно похожими по матеріалу на развалины каменныхъ генуэзскихъ валовъ, находящихся возлѣ Сѣчи, около Круглика, а также на развалины генуэзскихъ построекъ, какія мы видѣли въ Добруджѣ (около Енисселе, возлѣ Словы и пр.). Идя отъ этого мѣста далѣе по направленію къ сѣверо-востоку, мы видѣли по лѣвой сторонѣ отъ себя довольно замѣтныя неровности почвы, происшедшія очевидно отъ бывшихъ когда-то построекъ, очень можетъ быть, что и запорожскихъ куреней. Съ горы мы увидѣли къ сѣверу озерцо Кругликъ, находящіеся возлѣ него остатки древняго генуэзскаго укрѣпленія, подымавшагося на близъ лежащую гору, вдали Муругіль, а правѣе опять-таки безконечную болотистую равнину, на краю которой мѣстами сверкалъ Дунай. Еще правѣе на сѣверо-востокъ виднѣлись черные лѣса Кара-Ормана, а совсѣмъ направо—едва-едва замѣтная полоска далекаго моря. Сзади, т. е. на юго-востокъ и югъ отъ горы, на которой мы находились, какъ на ладони былъ видѣнъ весь Дунавецъ, занимающій, какъ можетъ видѣть читатель изъ нашего описанія, довольно большой тупой уголъ, образуемый возвышенностью, вдающеюся въ плавню и омываемой съ южной стороны р. Дунавцомъ, а съ восточной ограждаемый плавней. Сѣверная-же и западная стороны этого пространства, занимаемаго селомъ, защищены землянымъ валомъ со рвомъ, который замыкаетъ такимъ образомъ все мѣсто бывшей Сѣчи, образуя изъ него нѣчто въ родѣ крѣпости, имѣющей видъ трапеціи. Сѣверный валъ, идущій на пространствѣ приблизительно 2500—3000 шаговъ, и берегъ рѣки Дунавца, прилегающій къ селу съ южной стороны, составляютъ почти паралельныя стороны этой трапеціи, западный валъ, имѣющій всего 340 шаговъ въ длину, идетъ перпендикулярно къ нимъ, прямо съ с. на ю., а восточная сторона трапеціи, составляемая границей

возвышенности и плавней, уклоняется довольно значительно на сѣверо-востокъ. Что касается описываемыхъ нами валовъ со рвомъ, то, какъ мы говорили уже, Коломиецъ считаетъ ихъ насыпанными руками некрасовцевъ, мы-же склонны думать, что эти валы должны быть болѣе древняго и, можетъ быть, тоже генуэзскаго происхожденія. Но во всякомъ случаѣ мы должны сказать, что эти валы какъ по матеріалу, такъ и по прочности постройки, значительно не похожи на валы возлѣ Круглика. Эти послѣдніе представляютъ собой почти совершенно правильный квадратъ, шаговъ около 300 длины и ширины, вертикальныя стороны котораго лежатъ по направленію съ сѣверо-востока. Черезъ дорогу отъ этихъ валовъ тянется небольшой валъ вверхъ на гору и заканчивается на ея верхушкѣ небольшой группой остатковъ грубой каменной кладки, а Остапъ Данчукъ сообщалъ намъ, что не такъ давно еще этотъ идущій черезъ дорогу валъ былъ въ непосредственномъ соединеніи съ квадратными валами. Всѣ эти валы сдѣланы изъ каменныхъ валуновъ и грубыхъ осколковъ, скрѣпленныхъ очень крѣпкимъ бѣлымъ цементомъ, содержащимъ въ себѣ известь, валы-же окружающіе мѣсто Сѣчи сдѣланы просто изъ земли и глины. Матеріалъ и способъ кладки развалинъ, принимаемыхъ за фундаментъ бывшей сѣчевой церкви, вполнѣ сходенъ съ матеріаломъ и кладкой валовъ возлѣ Круглика.

Само собой разумѣется, что возстановленіе плана бывшей Сѣчи при имѣющихся у насъ данныхъ можетъ быть только приблизительнымъ. Отъ сѣчевыхъ построекъ не осталось почти ни малѣйшаго слѣда, что и нисколько не удивительно, если мы приимемъ во вниманіе то обстоятельство, что они были сдѣланы изъ чамура, т. е. изъ битой глины и земли съ навозомъ, травой и соломой, и что мѣсто Сѣчи, будучи долгое время совсѣмъ необитаемымъ, было занято потомъ татарскими поселками, на мѣстѣ которыхъ поднимается теперь уже новое село. Чайковскій, бывшій „na gruzach Siczy“ въ пятидесятыхъ годахъ, говоритъ, что въ то время уже „wszystkie slady budowy w ziemię pozapływali, oprocz jednej karczmy, która jeszcze nad zgliszczami sterczy i w której żyd wódką i winem dotąd szynkuje“..., а Остапъ Данчукъ, бывшій на Сѣчи нѣсколько раньше, разсказывалъ намъ, что онъ засталъ еще довольно явственные остатки куреней и другихъ построекъ: „мені

Гала́бала Иванъ показувавъ... водивъ мене скрізь по тому місту, показувавъ, де який курінь стоявъ... якъ ити зъ Муругіля у Січъ, такъ и знать було, де курени були, де отаманський домокъ бувъ и канцелярія ихня... у праву руку вони були якъ зъ Муругіля йти, такъ підъ гору... одъ отаманського дому ще й печи поставалися, а тамъ, де куріни були, то такъ тільки купки земли... смітьтя, рыбъячи кісточки... знать, що люде жили"... Теперь, какъ мы говоримъ, не осталось и этого, а старость не позволила Коломийцу показать намъ на мѣстѣ все имъ разсказанное. Тѣмъ не менѣе, на основаніи имѣющихся у насъ данныхъ, мы все таки можемъ сдѣлать попытку возстановить прежній планъ Сѣчи. Судя по разсказамъ Коломийца, у самаго входа въ Сѣчь съ пристани, направо, недалеко отъ обрыва, омываемаго внизу Дунавцемъ, стояла запорожская церковь. Прямо противъ входа или нѣсколько лѣвѣе былъ сѣчевой шинокъ, прямо противъ котораго начиналась длинная улица, состоявшая изъ двухъ рядовъ куреней и шедшая вдоль теченія Дунавца, который, какъ выражается Коломиецъ, „коліна робить, а улиця пряма була" и шла по направленію къ сѣверо-востоку, переходя затѣмъ въ муругільскую дорогу. Въ „*нижній пиріи*", т. е. въ восточномъ ряду куреней, болѣе близкомъ къ плавнѣ и рѣкѣ, крайнимъ отъ церкви былъ крылівській курінь, за нимъ слѣдовалъ батуринський и т. д., а на самомъ концѣ, на выѣздѣ уже къ Муругілю—платнирівський. На западной сторонѣ улицы, т. е. у „*вышчій пиріи*", бывшей подъ горой, первымъ налѣво отъ шинка былъ калниболотський курінь, за нимъ была титарня, а потомъ паланка; за паланкою былъ джирлиивський курінь, потомъ рикливський, а на самомъ концѣ, противъ платнирівського, былъ ведмедівський курінь, послѣдній въ этомъ ряду. Мы дѣлаемъ этотъ планъ, на основаніи подробнаго разсказа Коломийца еще во время нашего свиданія съ нимъ въ Катирлезѣ и двухъ сдѣланныхъ въ разное время вмѣстѣ съ нимъ плановъ. Впослѣдствіи, во время нашего послѣдняго свиданія съ нимъ, въ отвѣтъ на вопросъ, какой курень былъ первымъ съ правой стороны при входѣ въ Сѣчь изъ Нижняго Дунавца, Коломиецъ назвалъ калниболотський курінь, поясняя, что за нимъ слѣдовала титарня, затѣмъ паланка и т. д. Къ сожалѣнію, съ нами не было тогда прежде составленныхъ плановъ и поэтому это противорѣчіе не было замѣчено и осталось безъ разъясненія,

но потомъ, сопоставивши всѣ данныя, я убѣдился, что послѣднее указаніе Коломийца было можетъ быть и вѣрно и произошло по всей вѣроятности оттого, что, не бывши въ теченіи очень многихъ уже лѣтъ въ В. Дунавцѣ, Коломиецъ имѣлъ въ виду, говоря это, не нынѣшнюю дорогу изъ несуществовавшаго прежде Нижняго Дунавца въ Верхній, а другую, современную ему, но существующую и теперь дорогу на Сарнаси и Караібелъ, которая перерѣзываетъ сѣверный валъ недалеко отъ угла его съ западнымъ и, идя по которой, дѣйствительно калниболотскій курень могъ оказываться первымъ съ правой стороны. Составленный нами планъ совпадаетъ также и съ указаніями Остапа Данчука, который говоритъ, что развалины паланки онъ видѣлъ подъ горой съ правой стороны, идя изъ Муругіля. Далѣе Коломиецъ говоритъ, что „куріни стояли причілками на улицю и на востокъ, а вікнами на полудень"; это, строго говоря, не вполнѣ вѣрно, такъ какъ улица шла не прямо съ юга на сѣверъ, а нѣсколько уклоняясь на сѣверо-востокъ, кромѣ того нужно замѣтить, что курени имѣли по 2 причілка, а слѣдовательно только курени верхней пиріи могли быть обращены восточными причільными окнами на улицу [1]).

По наружности Сѣчь вѣроятно мало чѣмъ отличалась отъ обыкновеннаго украинскаго села. Церковь была небольшая, деревянная, съ однимъ куполомъ, покрытая досками и даже не окрашенная. Внутреннее ея устройство, по словамъ Коломийца, было гораздо лучше: „дуже добра була—уся у золоті". Это было неудивительно, такъ какъ мы знаемъ уже, что запорожцы, стараясь захватить во время войны добычу, никогда не забывали о своей церкви и привозили изъ своихъ походовъ, особенно изъ Молдавіи,

---

[1]) Считаю, впрочемъ, необходимымъ замѣтить, что, принимая во вниманіе заявленіе Коломийца о направленіи улицы «вздовжъ річки», я сначала очень расположенъ былъ думать, что церковь находилась у самаго въѣзда въ Сѣчь, по нынѣшней дорогѣ изъ Нижняго Дунавца въ Верхній, направо отъ дороги, у самаго загиба рѣки, и что улица, начинаясь оттуда, шла паралельно Дунавцу съ запада на востокъ. Но затѣмъ, припомнивши выраженіе Коломийца, что «Дунавець робить коліна, а улиця прама була» и принявши въ соображеніе положеніе куреней фасадами на востокъ и окнами на югъ и проч., а также и то, что разстояніе отъ западнаго вала до пристани очень не велико, я долженъ былъ отказаться отъ этого мнѣнія и признать сообщаемый мною планъ за болѣе правдоподобный.—К.

очень много разныхъ церковныхъ вещей, между прочимъ даже колокола. Для Кошеваго въ церкви особаго мѣста не было, обыкновенно-же онъ стоялъ всегда возлѣ праваго клироса. Паланка отличалась отъ прочихъ куреней тѣмъ, что была огорожена и заключала въ себѣ „хату зъ кімнатами", т. е. домъ для Кошеваго и канцелярію. Во дворѣ паланки помѣщались разныя службы—амбары, конюшни, погребъ и т. п. Курени представляли собою какъ въ архитектурномъ, такъ и въ прочихъ отношеніяхъ обыкновенныя малороссійскія хаты, раздѣленныя сѣнями на двѣ половины и только довольно длинныя, такъ что въ каждой изъ половинъ было не менѣе трехъ оконъ въ рядъ. По величинѣ, впрочемъ, курени были далеко не одинаковы, сообразно количеству заключавшагося въ нихъ населенія. Самымъ большимъ и благоустроеннымъ куренемъ былъ, по словамъ Коломийца, платнирівський; „стебліївський курінь хочъ и малый бувъ, а народу у ёму багато". Крыши были изъ камыша; какъ и на теперешнихъ хатахъ въ Дунавцѣ, возлѣ куреней были амбары или „будки", игравшія роль кладовыхъ, и небольшіе огороды и даже садки. Огородами и садками особенно отличалась нижняя ширія, болѣе близкая къ водѣ, а въ ней лучшимъ огородомъ и садомъ владѣлъ платнирівський курень, выходившій уже совсѣмъ въ поле. Внутренность куреней была также чрезвычайно проста: въ сѣняхъ помѣщалась печь для варки кушанья лѣтомъ,—по обѣ стороны сѣней хаты съ глинянымъ поломъ, съ широкими, какъ нары, лавами, на которыхъ можно было спать. Однимъ словомъ, „просто було, я-жъ вамъ кажу!"—только развѣшанныя по стѣнамъ ружья, ятаганы, сабли, пистолеты и прочія военныя и охотничьи принадлежности отличали козацкія жилища отъ обстановки любой украинской хаты. Населеніе куреней никогда не было особенно многочисленно: на зиму еще больше собиралось народа, лѣтомъ-же всѣ расходились по плавнямъ, рыболовнымъ заводамъ, въ Туреччину на заработки и т. п. Въ нѣкоторыхъ куреняхъ, говоритъ Коломиецъ, только и народу иногда бывало, что отаманъ да кухарь, да еще, можетъ быть, 3—4 старыхъ козака, неспособныхъ уже совсѣмъ къ работѣ и принужденныхъ кончать свои дни на завалинкѣ роднаго куреня, замѣнявшаго имъ и семью и все...

Въ отношеніи пищи, какъ мы говорили уже, курень составлялъ одну семью: „іли разомъ усі, говоритъ Коломиецъ, хто що

принесе, хто що притягне, те й буде—*за братъ жили!..* рыбу було возили, й кабанівъ, и визигу, й кабаки (тыквы), й усе.—На, каже, кухарю! або нате, пане-отомане,—нехай козаки голодни не будуть!"—Пьять—шість столівъ постановлять було у хаті та й ідять!" Утромъ обыкновенно бывалъ ранній завтракъ, обѣдъ часовъ около 9-ти, потомъ полдничали, а вечеромъ ужинали. Скоромнаго въ постъ запорожцы не ѣли никогда, очень можетъ быть даже, что, подобно румынамъ и грекамъ, воздерживались даже и отъ рыбы, въ обыкновенные-же дни ихъ обычную пищу составлялъ борщъ съ саломъ или мясомъ, иногда съ соленою рыбою, галушки, мамалыга и т. п. Праздники отличались особою торжественностью и роскошью въ пищѣ: „на Покрову, говоритъ К—цъ, скотину різали—празникъ бувъ... вина й горілки скільки вгодно, и притомъ на військові гроші", такъ какъ, по случаю торжества, угощеніе производилось изъ паланки. По части впрочемъ питія запорожцы и за Дунаемъ не оставляли своихъ древнихъ обычаевъ и пили, если не такъ ужасно, какъ объ этомъ разсказываетъ Чайковскій, то во всякомъ случаѣ въ количествѣ вполнѣ достаточномъ для того, чтобъ о нихъ осталось воспоминаніе, выражаемое словами Игната Васильковскаго: „якъ-бы вони не такъ пили,—свого-бъ короля мали!"... „Корякомъ було горілку пьють, говорилъ Остапъ Данчукъ, а хліба немае!"...

Изъ всѣхъ бытовыхъ особенностей запорожцевъ вѣроятно раньше всего подвергся измѣненіямъ костюмъ, что зависѣло, вѣроятно, какъ отъ новыхъ климатическихъ условій, такъ и отъ того, что запорожцы никогда не отличались особой заботливостью объ этой части своей обстановки, а носили больше то, что попадалось подъ-руку. О традиціонныхъ козацкихъ одеждахъ, въ родѣ кунтуша и т. п., мы въ Добруджѣ рѣшительно ничего не слыхали, не смотря на всѣ распросы. Хотя Игнатъ Васильковскій и увѣряетъ, что Гладкій, во время представленія своего государю, былъ одѣтъ въ „куртку зъ чотырма рукавами", но это вѣроятно говорится имъ по наслышкѣ о запорожскомъ костюмѣ еще въ Россіи. Коломiецъ-же прямо говоритъ, что за Дунаемъ запорожцы все время имѣли уже костюмъ полу-турецкій, за исключеніемъ шапки и сапогъ и отчасти штановъ, которые сохранились у добруджскихъ руснаковъ и до сихъ поръ въ полной неприкосновенности. Кошевый, по его разсказу, носилъ сивую смушевую шапку съ верхомъ,

выложеннымъ позументами, шелковый элекъ, т. е. турецкую куртку, замѣняющую собой жилетъ, капаранъ или антеревъ—верхнюю, тоже турецкую, куртку изъ тонкаго краснаго сукна; синіе шаровары изъ тонкаго сукна, подпоясанные персидскимъ поясомъ, и хорошіе сапоги съ голенищами. Костюмъ Ивана Півтораки, по описанію Остапа Данчука, отличался не меньшей изысканностью, но и не меньшими отступленіями отъ національнаго типа: „штаны на ёму шовкові, білого шовку, поясъ шовковый, капаранъ хороший шовковый—шапка чорна... и не пізнаешъ!“... такъ какъ дѣло идетъ о Півторакѣ въ парадномъ видѣ, а не въ обыкновенномъ рыбальскомъ лохмотьѣ. Обыкновенные козаки носили, по словамъ Коломийца, почти такой-же костюмъ, какой носятъ и теперь руснаки въ Добруджѣ: широкіе штаны въ голенища, суконный капаранъ изъ верблюжьяго или овечьяго сукна (въ послѣднемъ случаѣ, по большей части синій или черный), красный поясъ и сѣрую или черную барашковую шапку. Этотъ костюмъ дѣйствительно совершенно сходенъ съ нынѣшнимъ, съ той только разницей, что вмѣсто капарана, особенно въ будніе дни, нынѣшніе добруджскіе украинцы носятъ жилеты съ рукавами, по большей части синіе, спинка которыхъ и рукава почти всегда сдѣланы изъ фланели болѣе или менѣе яркаго цвѣта и непремѣнно клѣтчатой;—спереди этотъ жилетъ украшается еще большимъ количествомъ свѣтлыхъ металлическихъ пуговокъ, иногда ряда въ четыре. Лѣтомъ запорожцы носили чулки и красные восточные башмаки. Вообще-же, по словамъ Коломийца, запорожцы не особенно щеголяли своимъ костюмомъ, въ особенности-же дома. „...А на иншому, говоритъ онъ, то й штанівъ нема й сорочки, сами рубці висять... мовъ той цыганъ!“... Неудивительно поэтому, что пріѣзжавшіе на Сѣчь турецкіе сановники съ изумленіемъ спрашивали, почему козаки такъ оборваны, и ихъ приходилось увѣрять, что козаки эти только что прибыли изъ Россіи; неудивительно и то, что объ „сіромствѣ“ запорожцевъ остались въ Добруджѣ цѣлыя легенды, въ родѣ той, какую намъ пришлось слышать отъ Остапа Данчука на счетъ происхожденія ряда кургановъ, идущихъ отъ Сѣчи къ Бешъ-Тепе. Эти курганы, по его словамъ, „запорожци торбинками понасыпали“, для того, чтобы бѣгать зимою, не имѣя обуви: собираются они въ путь, а постолы на всѣхъ одни—вотъ они и посылаютъ одного въ постолахъ впередъ, чтобы онъ, добѣжавши до

ближайшаго кургана, огонь разводилъ, а сами, когда увидятъ огонь, и бѣгутъ, прибѣгутъ къ огню и грѣютъ ноги, пока тотъ, что въ постолахъ, не добѣжитъ до слѣдующаго кургана и не разведетъ тамъ огня и т. д. Конечно, это шутка, но шутка характерная. Не менѣе характерны и тѣ шутки на счетъ запорожскихъ причесокъ, которыя читатель можетъ найти въ воспоминаніяхъ Коломийца, шутки по поводу того, что старые козаки носили еще чубы (оселедці) на бритыхъ головахъ, тогда какъ молодые начали уже распускать свои чубы по выстриженной гладко головѣ, какъ это дѣлаютъ еще и теперь старики на Украйнѣ. Было, впрочемъ, и своего рода щегольство на Сѣчи, на которое тратилось не мало денегъ. Это традиціонное щегольство хорошимъ и дорогимъ оружіемъ: „було хочъ якій обідраний, а зброя дорога й хороша!.. люльки було запорожци обковували тими червінцями—тынфами... а самъ безъ чобітъ, пъятками світить!!"... добавляетъ Коломиецъ, добродушно улыбаясь при воспоминаніи о козацкой безшабашности...

Въ высшей степени интересно было получить отъ Коломийца какія-нибудь свѣдѣнія объ интеллектуальной жизни Сѣчи. Принимая во вниманіе разнообразіе и большую или меньшую избранность элементовъ, входившихъ въ составъ Сѣчи, ея собственныя историческія традиціи и проч., слѣдовало ожидать, что населеніе ея во всякомъ случаѣ должно было быть гораздо выше обыкновеннаго уровня массы по своему развитію. Дѣйствительно и личность самого Коломийца и его разсказъ въ этомъ отношеніи подтверждаютъ вполнѣ такое предположеніе. Если мы припомнимъ большое сравнительно количество свѣдѣній Коломийца, его, такъ сказать, большую начитанность, если можно такъ выразиться о неграмотномъ человѣкѣ, слышавшемъ только чтеніе и разсказы другихъ, его знаніе народныхъ историческихъ пѣсень и умѣнье составить себѣ изъ нихъ извѣстную цѣпь историческихъ представленій, то, принимая во вниманіе, что Коломиецъ былъ на Сѣчи человѣкомъ во всякомъ случаѣ среднимъ, мы имѣемъ полное право составить себѣ довольно высокое мнѣніе о средѣ его воспитавшей, которой онъ исключительно обязанъ своимъ развитіемъ. Судя по словамъ Коломийца, историческія пѣсни и преданія пользовались въ Сѣчи очень большимъ уваженіемъ и, какъ мы можемъ видѣть на примѣрѣ его самого, не забывались тамъ, не смотря на полное отсут-

ствіе кобзарей или „лірниківъ“, которые у насъ служать единственными, да и то уже исчезающими хранителями ихъ въ народѣ. Разсказчики про старину, въ родѣ упоминаемаго Коломийцемъ Ивана Глухого, пользовались большимъ вниманіемъ, „оповіданьня“ ихъ слушались съ напряженнымъ интересомъ и изъ этихъ то разсказовъ и пѣсень и складывались тѣ, болѣе или менѣе цѣльныя и даже до извѣстной степени правильныя историческія представленія, которымъ мы удивляемся въ Коломийцѣ. Но Сѣчь имѣла не только устную народную литературу: тамъ были и книги и, что всего интереснѣе и важнѣе, книги эти представляли собой не частную собственность какихъ-нибудь исключительно грамотныхъ людей, которые одни только ими и интересовались, а принадлежали всему товариству, составляя *сѣчевую библіотеку,* хранившуюся въ паланкѣ въ завѣдываніи писаря и находившуюся въ полномъ распоряженіи всѣхъ желавшихъ читать. Къ несчастію, теперь мы совершенно лишены возможности знать составъ этой сѣчевой библіотеки, такъ какъ Коломиецъ, разумѣется, не могъ дать намъ объ этомъ никакихъ свѣдѣній, но, судя по его разсказу, слѣдуетъ думать, что въ этой библіотекѣ были книги, или, какъ выражается Коломиецъ, „*описи*“ преимущественно духовнаго и историческаго содержанія, понятно, главнымъ образомъ удовлетворявшаго потребности сѣчевиковъ. До какой степени велика была эта потребность въ чтеніи, можно судить по тому вниманію, которое обнаруживали къ чтенію совершенно даже неграмотные люди и по той настойчивости, съ которою они, какъ разсказываетъ Коломиецъ, упрашивали „письменныхъ“ людей читать имъ, не жалѣя даже для этого довольно крупныхъ угощеній—„відеръ пъять вина було дадуть, абы читавъ“! Не ограничиваясь чтеніемъ въ Сѣчи, козаки брали съ собой книги даже на рыболовные заводы: „підуть було до писаря та й просять... „візьмить, візьмить, писарь було каже, тільки читайте!“—то брали й туды й тамъ читали“. Кромѣ того, не довольствуясь сѣчевой библіотекой, козаки обращались, какъ видно изъ разсказа Коломийца, за книгами и къ частнымъ лицамъ и притомъ на значительномъ разстояніи отъ Сѣчи, какъ напримѣръ къ *Барклію,* „чоловіку одъ породы малороссійськои“, жившему въ Браилѣ и т. п. Трудно разумѣется догадаться, что это была за „велика книга“, о которой говоритъ Коломиецъ, что въ ней было написано и „про Юрика, и

про Чорный лісъ, и про Байракъ" и которую, по его словамъ, „по праздникамъ часто було читають... збіраються та й читають!"... Не была-ли эта книга, изъ которой очевидно и Коломиецъ почерпнулъ часть своихъ историческихъ свѣдѣній, какой-нибудь рукописной копіей „Исторіи руссовъ", которая, какъ извѣстно, ходила въ то время по Украинѣ въ большомъ количествѣ списковъ и, разумѣется, могла попасть и на Сѣчь? На это намекаютъ до извѣстной степени нѣкоторые факты изъ исторической части разсказовъ Коломийца, между прочимъ и производство козаковъ отъ козаръ и т. п... Какъ-бы то ни было, но во всякомъ случаѣ фактъ нахожденія книги подобнаго содержанія въ сѣчевой библіотекѣ и интереса, какой возбуждала эта книга у товариства, есть фактъ для насъ въ высшей степени поучительный и характерный.

Извѣстный уровень умственнаго развитія, требовавшій для себя такимъ вещей, какъ чтеніе и историческіе разсказы, объусловливался и поддерживался на Сѣчи довольно большимъ количествомъ грамотныхъ людей. „На Січи мало було неграмотныхъ, а то усе більше письменни були", говоритъ Коломиецъ и объясняетъ это большимъ наплывомъ въ Сѣчь болѣе или менѣе интеллигентныхъ людей изъ Россіи. Въ видѣ примѣра онъ указываетъ на одного какого-то ремонтера и на другаго козака Олександра Не рыдай мене-мати изъ донцовъ, братья котораго были въ Россіи полковниками. Но кромѣ этого Сѣчь и сама обнаруживала извѣстную заботливость о поддержкѣ и распространеніи у себя „письменства". Этимъ дѣломъ, говоритъ Коломиецъ, занимались войсковые священники и писаря, имѣвшіе у себя нѣчто въ родѣ маленькой школы, въ которой обучались дѣти изъ райи, бывшіе вмѣстѣ съ тѣмъ и пѣвчими въ сѣчевой церкви. Учились иногда даже и взрослые, какъ это видно изъ словъ Коломийца: „инші и тутъ навча́лися!"... Какъ ни незначительны эти имѣющіяся у насъ данныя относительно интеллектуальной жизни задунайской Сѣчи, но они показываютъ намъ, что въ ней все таки существовали и начинали развиваться задатки своеобразной культуры, задатки, заключавшіе въ себѣ очень много жизненности, такъ какъ они развивались снизу вверхъ, въ силу внутреннихъ потребностей общества и при томъ на почвѣ историческихъ народныхъ традицій. Эти задатки представляли собой въ зачаточной формѣ такое-же здоровое и вполнѣ нормальное обще-

ственное явленіе, какимъ была въ свое время культура кіевская, сама собою естественно выросшая на почвѣ народныхъ потребностей и давшая результаты, слѣды которыхъ далеко не изгладились и до сихъ поръ. Мы говоримъ это не для того, чтобы преувеличивать указываемые нами слабые въ сущности культурные задатки задунайской Сѣчи, но чтобы показать ихъ основной *характеръ*, не могущій не имѣть для насъ важнаго значенія, въ виду возможно болѣе вѣрной оцѣнки задунайской Сѣчи, какъ историческаго явленія, бывшаго во всякомъ случаѣ продолженіемъ ненормально прерванной жизни гораздо болѣе крупной и болѣе близкой намъ козацкой общины—приднѣпровскаго Запорожья. Къ этой оцѣнкѣ мы теперь и приступимъ.

Мы только что сказали, что задунайская Сѣчь была продолженіемъ жизни Сѣчи приднѣпровской; это нужно понимать, разумѣется, не только въ генетическомъ смыслѣ, но и въ смыслѣ совокупности всѣхъ тѣхъ жизненныхъ задачъ, которыя обусловливали начало и существованіе этихъ козацкихъ общинъ. Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что одной изъ историческихъ и до извѣстной степени сознательныхъ задачъ запорожскаго козачества была защита себя, своей родины и отчасти даже западной Европы отъ нашествія татаръ и турокъ. Но были ближайшія причины, которыя заставляли это выдѣлившееся изъ массы народа военное сословіе переселиться за предѣлы своего отечества и жить совершенно почти изолированной общиной, отказываясь даже отъ тѣхъ преимуществъ, какія имѣло вездѣ военное сословіе въ видѣ вознагражденія за свою общественную службу. Причины эти чрезвычайно важны, такъ какъ они показываютъ намъ истинный смыслъ козацкой военной организаціи и ея ближайшіе мотивы. Они заключаются, какъ извѣстно, въ томъ, что запорожцы, если не всѣ, то по крайней мѣрѣ въ основной своей массѣ, не могли выносить общественныхъ условій, тяготѣвшихъ надъ ихъ родиной, и принуждены были уходить изъ нея для того, чтобы найти себѣ возможность жить на свободѣ. Не романтически-рыцарская погоня за славой въ борьбѣ съ невѣрными, ни даже хищническое исканіе добычи, всегда впрочемъ близко граничившее съ рыцарствомъ, заставляло людей бросать свою родину и уходить на Сѣчь, а крѣпостное право, гнетъ политическій и духовный, притѣсненія національныя и т. п. Эмиграція составив-

шая и поддерживавшая собою Запорожье была такой-же эмиграціей, какими были всѣ подобныя переселенія въ Европѣ и изъ Европы, обусловливавшіяся причинами экономическими, политическими и религіозными. Удаляясь-же изъ своего отечества на границы татарскихъ степей, прежде всего для того, чтобы *жить*, чтобы, работая только на себя, добывать себѣ средства для ежедневнаго существованія, для того чтобы не терпѣть надъ собой и своей совѣстью ничьего господства, запорожцы, разумѣется, не могли не имѣть въ виду и своей защиты какъ сзади, такъ и впереди себя, какъ отъ польскихъ жолнѣровъ, такъ и отъ татарскихъ и турецкихъ ордъ. Вслѣдствіе этого и приднѣпровская Сѣчь вовсе не должна быть разсматриваема какъ исключительно или даже главнымъ образомъ военная ассоціація, такъ какъ она вовсе не была войскомъ въ строгомъ соціологическомъ смыслѣ этого слова, т. е. не представляла собой выдѣлившагося изъ народной массы военнаго сословія, занимавшагося, въ силу принципа раздѣленія труда, исключительно войной и жившаго на счетъ народа или государства, содержавшаго его для своей защиты. Она была *прежде всего* ассоціаціей экономической, рыболовно-охотничьей, жившей продуктами своихъ промысловъ на занимаемой ею территоріи, считавшей себя немыслимой *безъ* этой территоріи, какъ мы это знаемъ и изъ историческихъ народныхъ пѣсенъ и изъ историческихъ документовъ о препирательствахъ за „вольности“, т. е. за запорожскія земли съ русскимъ правительствомъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Военная-же организація Запорожья, вызванная сначала простою потребностью въ защитѣ, а затѣмъ обусловливавшаяся политическимъ давленіемъ со стороны Польши, а потомъ Россіи, было явленіемъ уже второстепеннымъ, зависѣвшимъ не столько отъ внутреннихъ соціальныхъ причинъ, сколько отъ мотивовъ внѣшнихъ, явленіемъ въ значительной степени вынужденнымъ, существовавшимъ въ видѣ компромисса для огражденія, пока было возможно, своей подъ конецъ уже призрачной свободы... Въ качествѣ такой цѣльной экономической общины, Запорожье несомнѣнно имѣло всѣ данныя для своего дальнѣйшаго развитія, для перехода къ болѣе сложному земледѣльческому хозяйству, для постепенной переформировки сообразно съ требованіями времени и культуры, для превращенія въ обыкновенную нормальную общественную группу, со всѣми шансами очень

прогрессивнаго существованія. Тѣ явленія, которыя повидимому мѣшали этому, какъ напр. удаленіе изъ Сѣчи женщинъ, наклонность къ разнаго рода хищническимъ набѣгамъ и т. п., эти явленія еще при жизни Запорожья начинали уже замѣтно сглаживаться путемъ образованія вокругъ Сѣчи многочисленныхъ слободъ, населенныхъ семьями запорожцевъ и другихъ ушедшихъ изъ Украйны людей, путемъ все болѣе и болѣе начинавшаго развиваться земледѣльческаго хозяйства, занятіе которымъ въ большихъ размѣрахъ, какъ извѣстно, было даже поставлено въ вину запорожцамъ манифестомъ объ уничтоженіи Сѣчи (14 авг. 1775 г.), путемъ наконецъ все большаго и большаго развитія гражданственности. Однимъ словомъ, мы врядъ-ли можемъ сомнѣваться въ томъ, что Запорожье могло имѣть свою историческую будущность, само собою разумѣется, не беря во вниманіе государственныхъ условій близь-лежащихъ странъ и даже своей метрополіи...

Въ одинаковой, если не въ большей еще степени, мы находимъ тѣ-же существенныя черты и въ только что разсмотрѣнной нами исторіи задунайской Сѣчи. Припоминая все нами сказанное, припоминая то, что запорожцы, уходя изъ Россіи, хотѣли „*земли* заслужити, абы у волности хочъ віку дожити", что землю эту „дарували одъ Дністра ажъ до Богу", но „дарували, дарували та й назадъ одібрали", „козацькую землю на вражихъ панівъ роздали", а самыхъ „козаченьківъ на Кубань ріку заслали", козаченьки-же „тамъ не схотіли жити, посідали на лодочки та й за Дунай махнули" и послѣ неудачной попытки найти себѣ землю у нѣмецкаго цесаря, нашли ее наконецъ у турецкаго султана, припоминая все это мы видимъ, что, кромѣ желанія „у волности хочъ віку дожити", главнымъ и основнымъ желаніемъ и *цѣлью* уходившихъ запорожцевъ была прежде всего *земля*, т. е. именно то, что составляло предметъ исканій всѣхъ народныхъ эмиграцій на свѣтѣ и составляетъ предметъ тщетныхъ вожделѣній и стремленія къ переселеніямъ и нашего народа и по сей день. Мы видимъ, что, получивши или правильнѣе говоря, отвоевавши себѣ землю, запорожцы сейчасъ-же основались въ видѣ правильной рыболовной общины или союза общинъ и, давая у себя пріютъ всякому бѣжавшему отъ разныхъ притѣсненій люду, начали жить не какъ какая нибудь наемная нѣмецкая гелейта, или хищническое племя, а какъ совсѣмъ

благоустроенное общество, развивавшее у себя и начало гражданскаго равенства, и болѣе или менѣе правильный экономическій бытъ, и даже извѣстную умственную культуру. Помимо пріюта всякому гонимому тогдашними общественными порядками „бурлацтву“, всякимъ „забіглимъ душамъ“ изъ Украйны, пріюта, давать который задунайская Сѣчь не только считала своей нравственной обязанностью, но и необходимымъ условіемъ своего существованія, помимо этого она группировала возлѣ себя цѣлыя слободы семейныхъ людей —райи, которую надѣляла землей и держала подъ своей военной защитой. Многіе изъ козаковъ были женаты и жили съ своими семьями въ райѣ, Сѣчь-же являлась только центральнымъ пунктомъ всего козачьяго населенія и мѣстопребываніемъ неженатыхъ людей—бурлацтва. Развитіе семейной жизни между козаками было по всей вѣроятности одною изъ главныхъ причинъ выдѣленія нѣкоторыхъ лицъ изъ общиннаго куреннаго хозяйства и появленія рядомъ съ нимъ цѣлой группы частныхъ хозяйствъ, но это выдѣленіе, какъ извѣстно, всегда почти связанное съ переходомъ къ болѣе усовершенствованнымъ формамъ хозяйства, и въ этомъ случаѣ было связано съ переходомъ отъ охотничьяго быта къ земледѣльческому и, во всякомъ случаѣ, далеко не успѣло еще сложиться въ какую нибудь настолько опредѣленную форму, чтобы мы могли видѣть въ немъ прочное и органическое уклоненіе отъ принципа даже общинности. До извѣстной степени такого рода уклоненіе мы замѣчаемъ впрочемъ въ фактѣ появленія частныхъ рыболовныхъ заводовъ рядомъ съ общественными; но не говоря уже о томъ, что эти частные заводы, какъ мы видѣли, имѣли все таки болѣе характеръ товариществъ, чѣмъ чисто личнаго предпринимательства, это явленіе припринадлежитъ къ числу тѣхъ общихъ явленій, отъ которыхъ врядъ-ли было свободно хоть одно изъ извѣстныхъ намъ обществъ, не исключая даже и сохранившихъ свое общинное устройство кантоновъ Швейцаріи. Впрочемъ, какъ-бы то ни было, но всѣ эти перечисленныя нами явленія, т. е. развитіе семейнаго начала, начало перехода къ земледѣльческому хозяйству, даже выдѣленіе частныхъ хозяйствъ и промышленныхъ предиріятій — все это свидѣтельствуетъ только о томъ, что задунайская Сѣчь вовсе не представляла изъ себя какой нибудь отжившей и неспособной къ дальнѣйшему развитію общественной группы, но, напротивъ, очевидно развивалась

и имѣла всѣ данныя для дальнѣйшаго развитія въ будущемъ. Въ пользу этого говоритъ, по нашему мнѣнію, и замѣтный упадокъ въ задунайской Сѣчи военнаго духа, милитаризма и вообще военной организаціи. По окончаніи войнъ съ некрасовцами запорожцамъ не предстояло уже никакой надобности въ защитѣ отъ какихъ-бы то ни было враговъ, военный-же строй, поддерживавшійся только въ силу обязательствъ передъ турецкимъ правительствомъ, какъ мы говорили, началъ естественно слабѣть и даже очевидно становиться тягостью, если не для всѣхъ, то по крайней мѣрѣ для очень многихъ уже изъ состава Сѣчи, уступивши мѣсто болѣе мирнымъ наклонностямъ. Однимъ словомъ, жизнь задунайской Сѣчи, особенно въ послѣднее время ея существованія, доходила уже до того интереснаго для насъ момента, когда, потерявши совершенно свой военный характеръ и благодаря традиціонному невмѣшательству турецкаго правительства во внутреннюю жизнь подвластныхъ ему народовъ, давшему возможность сохраниться общинному быту южныхъ славянъ и до сихъ поръ, задунайская Сѣчь имѣла шансы превратиться въ оригинальную, совершенно самобытно и свободно развившуюся украинскую колонію.

Но мы знаемъ, что въ условіяхъ существованія задунайской Сѣчи былъ одинъ факторъ, котораго было достаточно для того, чтобы нарушить весь ходъ ея естественнаго развитія,—это ея фальшивое положеніе въ политическомъ отношеніи. Мы видѣли, что, начиная отъ момента, когда Калнишевскій не позволилъ своимъ запорожцамъ „на башті стати", чтобы сопротивляться разрушенію Сѣчи, и кончая переходомъ Гладкаго въ 1828 г., фальшь эта, выражавшаяся, по словамъ народной пѣсни, въ необходимости „на віру" или „братъ на брата бити", какъ красная ниточка проходитъ сквозь всю исторію задунайской Сѣчи... И по всей вѣроятности, въ теченіи всего времени существованія Сѣчи за Дунаемъ, врядъ-ли былъ хоть одинъ моментъ, когда-бы эта фальшь забывалась и не давала-бы себя чувствовать, не возбуждала-бы въ запорожцахъ желанія какъ нибудь отъ нея отдѣлаться. Мы видѣли признаки этого во время русско-турецкой войны 1809 г., во время сербскаго возстанія, во время возстанія Греціи за независимость, наконецъ передъ войною 1828 г. Каждое изъ этихъ событій несомнѣнно вызывало хоть у небольшой части товариства, если не

попытку, то, по крайней мѣрѣ, желаніе ухватиться даже за призрачную возможность выйти изъ этого своего фальшиваго положенія и основаться опять въ Россіи на тѣхъ-же свободныхъ началахъ, ради которыхъ они ушли оттуда и терпѣли это свое положеніе въ Турціи. Но мы знаемъ, чѣмъ могли кончаться и чѣмъ кончались эти попытки, понятно, логически невозможныя при тогдашнемъ строѣ русской государственной жизни. А, между тѣмъ, эти постоянныя колебанія между фальшью своего положенія и стремленіемъ къ свободѣ не могли не отразиться и на внутреннемъ состояніи общины, не могли не производить извѣстнаго рода деморализаціи, не могли не понижать уровня политическихъ и соціальныхъ идеаловъ и неизбѣжно вели къ тому внутреннему разложенію, признаки котораго были нами указаны выше. Очень можетъ быть, что все это естественно улеглось-бы и, ведя къ уничтоженію военнаго характера Сѣчи, даже посодѣйствовало-бы къ ея трансформаціи къ лучшему, но новая война и ударъ, нанесенный Гладкимъ, прекратили наконецъ сразу весь этотъ процессъ вмѣстѣ съ существованіемъ самой Сѣчи. Разъ-же общинная сѣчевая организація была разрушена, разрушилась и связь между тѣми достаточно еще многочисленными осколками Сѣчи, которые оставались еще за Дунаемъ, и, вмѣсто общественно-организованной украинской колоніи, мы находимъ теперь въ Добруджѣ только разрозненныя, ничѣмъ почти между собою не связанныя группы руснацкихъ семей... „Яки теперъ запорожци!?—говорилъ намъ со вздохомъ старый Остапъ Данчукъ; теперъ уже таки запорожци, що якъ не пустять у хату, то й за порогомъ постоимо... Оттаки теперъ запорожци!"...

Должно быть такая уже судьба нашего украинскаго народа. По сдѣлавшейся теперь общепринятою и вполнѣ вѣрной исторической теоріи, каждый народъ пользуется такимъ общественнымъ и политическимъ строемъ, какой онъ самъ создалъ себѣ всей своей исторической жизнью, своимъ культурнымъ развитіемъ и т. п. Но бываютъ случаи, когда народъ совершенно независимо отъ себя, подчиняясь force majeure разныхъ внѣшнихъ стимуловъ, попадаетъ въ совершенно чуждыя для него соціальныя и политическія условія... Исторія задунайской Сѣчи представляетъ, по нашему мнѣнію, одинъ изъ такихъ случаевъ и можетъ служить въ миніатюрѣ прекраснымъ примѣромъ того, какъ непрочно и гибельно бываетъ вся-

# План
## ВЕРХНЯГО ДУНАВЦА.

(съ обозначеніемъ вѣроятнаго расположенія Сѣчи.) *)

| | |
|---|---|
| ✠ — церковь. | f — ведмедівський. |
| ⚓ — пристань. | ℌ — площадь. |
| ⌂ — шинокъ. | k — криліський. |
| a — калиболотскій курінь. | l — батуринський. |
| | m — платнирівський. |
| b — титарня. | А.А.А. красной чертой обозначено расположеніе нынѣшняго села. |
| c — паланка. | |
| d — джирліівський курінь. | |
| e — рикліівський. | П.п. болото (плавня). |

Между западнымъ валомъ и пристанью берегъ Дунавца обрывистый, саженей около 10 вышины, затѣмъ отъ пристани, обрывъ продолжается къ С. В, постепенно уменьшаясь и скоро переходя въ отлогій спускъ къ плавнѣ.

*) Постройки прежней Сѣчи обозначены пунктиромъ. Шинокъ находится вѣроятно на старомъ мѣстѣ. Церкви теперь нѣтъ.




с. Верхній Дунавецъ (на мѣстѣ б. Сѣчи.)

кое, вольное или невольное, уклоненіе всякаго общества отъ своего естественнаго пути въ ту среду, принципы существованія которой по тому или другому противоположны съ принципами существованія этого общества. Украинѣ не разъ въ теченіи ея исторической жизни приходилось испытывать такія уклоненія: связывала ее судьба съ феодально-аристократической и клерикальной Польшей... пробовала связать даже съ стихійно давившей или позволявшей давить славянство Турціей...

Но безстрастному историку, должно быть, ничего не остается болѣе, какъ стать на точку зрѣнія той вполнѣ глубокой и несомнѣнно вѣрной, хотя и совсѣмъ лѣтописной, философіи, которою заключилъ свои разсказы достойный нашей благодарной памяти Ананій Ивановичъ Коломиецъ, послѣдній дунайскій запорожецъ: „а усе знаете—отъ якъ бачите, якій уже вікъ на світі живу, усёго бачивъ, а усе я вамъ скажу: усе знаете, що далі, то неначе лучче стае... розбійства того меньше... людоідства того нема... А перше були!... А за насъ... то наше не пропаде... досі не пропало, то вже й не пропаде!... нашого насіньня нихто не скоренить“...

**Ѳ. Кондратовичъ.**

---

# Волынская резолюція первой четверти XIX столѣтія.

*Письма надворнаго совѣтника Опытова къ графинѣ Старожиловой*).*

## Письмо третье.

Изъ Рима, октября дня, 1818 года.

Я въ Римѣ,—въ томъ городѣ, на которой съ изумленіемъ взирала вся вселенная; здѣсь и самые камни говорятъ, естьли кто умѣетъ ихъ спрашивать.

Я видѣлъ безсмертнаго Канову и благоговѣлъ предъ драгоцѣнными памятниками его искуства. Изъ разныхъ земель, разные люди, разными языками выражали удивленіе свое, смотря на произведенія рѣзца Праксителя нашего вѣка. А онъ предъ другими посѣтителями отдавалъ честь знатока несравненному моему благодѣтелю, русскому боярину. Оставя статуи и указывая на одинъ не совсѣмъ обдѣланный камень, Канова говорилъ: „знаете-ли, что это рѣдкость, достойная примѣчанія?“ Потомъ, удовлетворяя любопытство, продолжалъ: „сей кусокъ мрамора, въ теченіи послѣднихъ двадцати семи лѣтъ, былъ шесть разъ у меня подъ рѣзцомъ и шесть разъ оставлялъ я его въ покоѣ. Друзья графа Мирабо 1791 года просили сдѣлать бюстъ его; члены якобинскаго клуба 1794 года желали имѣть у себя подобный тому ликъ старшаго Робеспьера; марсельскіе патріоты хотѣли украсить залу собранія мраморнымъ изображеніемъ Колло-Дербоа, товарища и друга Робеспьерова; жители острова Гаиты, въ честь Туссена-Лу-

---

*) См. февр. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г.

вертюра, избавившаго ихъ отъ рабства, вздумали, чтобъ я изваялъ его статую; въ 1815 году французскій полковникъ Лабедоіеръ, съ друзьями своими, поручилъ мнѣ высѣчь изъ мрамора маршала Нея; наконецъ съ 1816 году писали ко мнѣ изъ волынской провинціи (что въ Красной Россіи) и съ крайнимъ убѣжденіемъ просили тамошніе дворяне сдѣлать истуканъ сенатора Сиверса. Чтожъ послѣдовало? Графа Мирабо за его бездѣльничество и измѣны возненавидѣлъ дворъ и народъ, а потомъ уморили ядомъ; Робеспьеръ, бичъ рода человѣческаго и одинъ изъ величайшихъ свѣта тирановъ, погибъ на эшафотѣ; Колло-Дербоа и кровопійца Ліонскій сосланъ въ Каенну и тамъ ра терзанъ братьями своими — тиграми; Туссень-Лувертюръ за безвинно пролитую кровь въ Сентъ-Домингѣ удавленъ, по повелѣнію Наполеона, въ парижской темницѣ; Лабедоіеръ и Ней, оба клятвопреступники и измѣнники, разстрѣляны, а о сенаторѣ Сиверсѣ вотъ что я доложу вамъ: Волыняне прислали ко мнѣ портретъ его и хотѣли, чтобъ я изобразилъ Сиверса въ видѣ такого смертнаго, о которомъ говоритъ Горацій: Si totus illabitur orbis, impavidum fuerunt ruinae (ежели цѣлой свѣтъ разрушится, онъ безтрепетно стоять будетъ на его развалинахъ). Такова надпись на портретѣ. Не прошло трехъ недѣль, перемѣнили свои мысли и уже пожелали видѣть его во образѣ римскаго цензора Катона, съ тѣмъ, чтобы лѣвою рукою касался книги законовъ, а въ правой держалъ дубину геркулесову. Чрезъ мѣсяцъ опять требованіе - снять съ него римскую тогу, а нарядить въ старопольскій кунтушъ; чрезъ двѣ недѣли еще новое желаніе—поставить его лифляндскимъ рыцаремъ; напослѣдокъ раздумались: просятъ оставить всѣ лишнія украшенія и изваять Сиверса въ подобіи Сенеки философа, которой цѣлой вѣкъ кричалъ другимъ: убѣгайте знатности, любите бѣдность, презирайте богатство, а самъ обѣими руками хваталъ сокровища, пока палъ жертвою честолюбія. Но вотъ уже скоро два года, продолжалъ Канова, и никто изъ волынянъ о мраморной головѣ Сиверса не помышляетъ, и я не знаю, какую дать ей фигуру. Удивляюсь непостоянству характера людей, столь щедрыхъ на обѣщанія — награждать всякаго безсмертіемъ. Когда такимъ образомъ всѣ овые

идеальные люди вырвались изъ подъ моего рѣзца, то сей отломокъ горы Паросской осужденъ мною на вѣчное необразованіе".

Канова перестал̀ъ говорить. Нѣкоторые изъ почтеннѣйшихъ посѣтителей отозвались, что они господина сенатора Сиверса знають лично, а между ими одинъ лифляндской дворянинъ, качая головою, возгласилъ: Боже мой! какія времена! и Сиверсу памятники ставятъ! Потомъ, обратясь къ Кановѣ, началъ говорить такъ: можетъ ли несравненное ваше искусство въ ваятельномъ художествѣ изобразить на мраморѣ черты души мрачной, недовѣрчивой, жестокой и часто вѣроломной? Какъ вы представите человѣка, у коего воображеніе исполнено всегда самыми страшными картинами бѣдствій человѣческихъ, а слухъ горестнѣйшимъ воплемъ отчаянія, у кого слова: оскорбленіе, притѣсненіе, наказаніе безпрестанно сверкають въ разговорахъ, у кого нѣтъ ласковаго пріема ни достоинствамъ, ни заслугѣ, ибо сердце съ самыхъ юныхъ дней ничему такому не подвержено, что возбуждаетъ въ немъ жалость или благотворительность? Можетъ-ли мраморный истуканъ вашъ имѣть на себѣ отпечатокъ такой головы, которая съ рѣдкимъ ожесточеніемъ, достигнувъ старости, отказала всѣмъ страстямъ, оставивъ при себѣ только ненависть къ человѣчеству и неномѣрное желаніе выдумывать образцы всякаго уничтоженія людей, которая смотритъ на все окружающее ее въ радужныя стекла и потому никогда не можетъ видѣть того, что есть на самомъ дѣлѣ, въ которой родятся всегда такія распоряженія, коими только одна рука случая управляетъ, у которой языкъ, щедро расточая клевету свою, употребляется на изъясненіе единственно такихъ выраженій, кои буде бы истина повелѣла раздѣть, то едва-бы одна справедливая идея отъ нихъ осталась? Удивляюсь, какія у волынянъ души, что могли приковать свою благодарность къ такому предмету. Пусть спросятъ у потомковъ рыцарей эстонскихъ: они скажутъ, кто сенаторъ Сиверсъ.—И я знаю его, отвѣчалъ не далеко насъ стоявшій, знатный литовскій помѣщикъ, графъ Оссолинскій:—случай заставилъ меня видѣть нѣкоторые черты домашней его жизни, съ такой точки зрѣнія, которая не весьма хорошее произвела во мнѣ впечатлѣніе, на

счетъ безкорыстія господина сенатора-ревизора. 1816 года весною, проѣзжая изъ Литвы черезъ Кіевъ въ Галицію, я былъ остановленъ друзьями своими въ Житомірѣ. Волыняне, въ тогдашнемъ изступленіи ума, именовали Сиверса россійскимъ Катономъ: иди, кричали на меня со всѣхъ сторонъ, и пади предъ смертнымъ, нами боготворимымъ. Не пугайся наружности скромной и простой его жизни. Небо дало ему голову только для того, чтобы острой умъ его и тонкая политика разорвали оковы нашего рабства; все прочее для насъ суета. Знатности не ищетъ, почестей не требуетъ, богатства не желаетъ: великій человѣкъ! На другой день пошелъ я къ нему рано чуть свѣтъ (такъ мнѣ совѣтовали). Приближаюсь къ одному дому, окруженному солдатами, и спрашиваю у нихъ:

— Что это значитъ?

— Бережемъ сенатора Сиверса.

— Для чего?

— Такъ отъ него приказано.

— Сколько васъ?

— Отъ вечерней зари до полуночи ходитъ около дома двѣнадцать, да отъ полуночи до утренней зари тоже караулятъ домъ ежедневно двѣнадцать вооруженныхъ солдатъ.

— Всталъ-ли его превосходительство?

— Давно уже не спитъ,—и указали мнѣ дорогу въ сѣни.

Послѣ мнѣ разсказывали, что выпущенные сенаторомъ, а нашими разсѣянные слухи, якобы жизнь его находится въ опасности отъ русскихъ чиновниковъ, были причиною толико грознаго караула. Сенатскій курьеръ отворилъ мнѣ двери въ комнаты. Вхожу въ одинъ, въ другой, въ третій покой,—вездѣ пусто, даже простой скамейки нѣтъ; вездѣ, какъ въ древнемъ рыцарскомъ замкѣ, безмолвно; только вѣтеръ свиститъ въ щели разбитыхъ оконъ. Наконецъ слышу человѣческой голосъ. Иду въ гостинную, вижу въ дальней комнатѣ одного пожилаго мущину и одну съ нимъ молодую женщину, которые меня не примѣтили. Останавливаюсь; не смѣю ни впередъ, ни назадъ сдѣлать шагу—едва переможу въ себѣ духъ. Смотрю,—мущина прячетъ въ шкатулку что-то завернутое въ бумагу; слушаю, а онъ ворчитъ сквозь зубы:

— Я забылъ, сколько бишь здѣсь денегъ, сказывалъ тебѣ Ерингъ?

— Тридцать тысячъ рублей, новыми пятидесятирублевыми бумажками, на часть вашу по расчету доставшихся,—отвѣчала пригожая дѣвушка и, поднося обшитую холстомъ паку, прибавила: здѣсь подарокъ для ея превосходительства, помнится, десять или двѣнадцать штукъ разной, но прекрасной матеріи; а вотъ жемчуги и брилліантовыя серьги, кои прислалъ Шодуаръ чрезъ Еринга для дочери вашей.

— А тебѣ что?—пробормоталъ старикъ.

— Я по милости вашей всѣмъ довольна.

Чрезъ нѣсколько дней узналъ я, что Ерингъ есть радзивиловской таможни членъ, командированный въ Бердичевъ для продажи съ публичнаго торгу, подъ рукою сенатора Сиверса, безъ счету контрабандныхъ товаровъ, которые при конфискаціи ихъ были дорогія разныхъ сортовъ шелковыя матеріи, а при продажѣ силою волшебнаго аукціоннаго молотка превратились въ нанкинъ, въ ситцы и полу-ситцы и въ толстой стамедъ,—что дѣвушка есть молодая чухонка, по имени Анхенъ, безъ которой сенаторъ дышать не могъ и которую многіе изъ волынянъ цѣловали въ руки, заставляя женъ своихъ возить съ собою въ каретѣ на редуты и касино, и что Шодуаръ есть богатѣйшій купецъ въ Бердичевѣ, у котораго передъ тѣмъ таможенный чиновникъ Корсакъ, не далѣе 50 верстъ отъ Радзивилова, остановилъ брыки съ товарами и за то, что въ нихъ найдено контрабандовъ болѣе какъ на 200,000 рублей, взялъ съ Шодуара пять тысячъ червонцевъ и возвратилъ заарестованное, а хотя сенаторъ Сиверсъ въ Радзивиловѣ удостовѣрился лично о сей поимкѣ, читая дѣла и показанія присяжныхъ свидѣтелей, но для чего оное уничтожилось и почему не возобновилось слѣдствіе о злоупотребленіяхъ Шодуара, Корсака и другихъ, а напротивъ того предано все вѣчному забвенію, о томъ молчатъ волынскія хроники. Я не радъ будучи жизни, что зашелъ въ такой лабиринтъ, возвратясь назадъ въ другую комнату, стукомъ дверей далъ знать о себѣ, и меня по-

звали въ кабинетъ. Кабинетъ, въ которомъ все мыслящее должно стонать и стыдиться, комната ничѣмъ не обитая, полъ три года не метенъ, постель неубранная, черная, одѣяло изношенное, подушки замаранныя, столъ запачканой, на столѣ безпорядочная куча бумагъ, на верху ихъ лежало выщербленное фаянсовое блюдо, въ которое подъ разбитую тарелку экономическая скупость спрятала валявшіеся остатки жаркого, отъ давности покрытаго зеленою плесенью съ мохомъ. У кровати, въ головахъ, на липовой скамьѣ лежали двѣ шкатулки, а на нихъ кусковъ двадцать шелковой и бумажной матеріи. Бѣдная чухонка—однимъ одна во всемъ домѣ; изъ ея глазъ видно было, что она исправляетъ и мужскую и женскую службу. Увидѣвъ старика среди комнаты, мнѣ показалось, что я стою въ Діогеновой бочкѣ, а не въ жилищѣ особы, толико дѣйствующей на театрѣ честолюбія и политики.

— Вы помѣщикъ?—спросилъ меня Сиверсъ.

— Такъ, ваше превосходительство.

— Конечно, хотите принести жалобу на Комбурлея?

— Нѣтъ.

— То вѣрно на губернскихъ его чиновниковъ или мѣстную полицію? Пожалуйте.

И протянулъ ко мнѣ руки. Я поклонился, пожалъ у него правое колѣно и сказалъ:

— Не имѣю никакой причины къ жалобамъ; одна только слава о безкорыстіи и правосудіи вашемъ заставила меня предстать къ вамъ, чтобъ узрѣть свѣтлое лицо безсмертнаго мужа.

Я внутренно досадовалъ на себя за подлую лесть, но чтожъ было дѣлать? Всѣ почти волынскіе помѣщики, съ низверженіемъ Комбурлея давшіе безпредѣльную надъ собою власть Сиверсу, Гижицкому, Ильинскому, Стройновскому и другимъ демагогамъ, принуждены стали влачить ихъ узы и кадить смрадные пороки утѣснителей своихъ.

Сиверсъ улыбнулся, посадилъ меня и началъ ругать Комбурлея, Хрущова, Булгарія и Ланжерона. Слова: мошенники, воры, разбойники—безпрестанно вылетали изъ устъ его.

Что шагъ, кричалъ онъ, то находилъ я преступленіе, что шагъ, то вопль народный оглушалъ меня. Я раззорилъ гнѣздо крамолы, разрушилъ силу утѣсненія, выгналъ Комбурлея изъ губерніи, удалилъ всѣхъ чиновниковъ, посадилъ на ихъ мѣста вашихъ единоземцевъ, сдѣлалъ начальникомъ Гижицкаго, возстановилъ свободу вашихъ правъ, искоренилъ мздоимство, преградилъ ввозъ контрабандовъ и собратьямъ вашимъ доставилъ найлучшую повсюду репутацію. Теперь блаженствуйте и наслаждайтесь плодами трудовъ моихъ.

Слушая сіи слова, всякъ, кому не удалось быть въ послѣдніе три года въ Житомірѣ, Бердичевѣ, Дубнѣ, Луцкѣ, Радзивиловѣ и въ другихъ мѣстахъ волынской губерніи, ни мало бы не подозрѣвалъ сенатора Сиверса въ томъ, что онъ говорилъ сущую неправду; но я,—продолжалъ Оссолинскій,—совершенно знаю, что Волынь теперь представляетъ страшныя противуположности: въ ней столько проповѣдниковъ свободы, что куда не поглядишь, вездѣ видать рабство, столько патріотовъ, что вовсе никакой нѣтъ любви къ отечеству, столько правителей, чиновниковъ и судей, что нѣтъ никакого правосудія, никакой управы, никакого порядка, столько филантропическихъ пожертвованій, что нищіе ходятъ толпами, столько во всѣхъ мѣстахъ контрабандовъ, что купцы сидятъ въ лавкахъ безъ всякой торговли, наконецъ столько ябедниковъ, что судебныя мѣста всѣ пустые, а селенія наполнены слѣдователями. Вотъ въ какомъ положеніи сенаторъ Сиверсъ оставилъ волынскую провинцію; водворивъ въ ней всякаго рода безпорядки, онъ выманулъ у обольщенной публики славу, что искоренилъ злоупотребленія. Нельзя равнодушно слушать, какъ кричатъ волынскіе обыватели, желая возвращенія 1812 и 1813 годовъ, кои для нихъ гораздо были счастливѣе, нежели нынѣшніе. Что думать о такомъ управленіи губерніею, подъ которымъ радуются общественнымъ несчастіямъ! Проѣзжая недавно черезъ Волынь, я имѣю подробное свѣдѣніе о всѣхъ тамошнихъ происшествіяхъ и заключаю мой разговоръ увѣреніемъ васъ, что престолъ волынской интриги противу Комбурлея утвержденъ только на жертвенникѣ личнаго мщенія, гдѣ льстецы, клеветники и доносчики день и

ночь курили еиміамъ передъ сенаторомъ Сиверсомъ, а то для того, чтобъ корыстолюбіе и любостяжаніе могло легче пускать корни свои подъ самымъ жертвенникомъ. Вотъ что значитъ теперь на Волыни превозносимая Сиверсомъ свобода:—угнетать и необходимость терпѣть угнетеніе!

Оссолинскій умолкъ, а мой несравненный благодѣтель и начальникъ, дотолѣ наблюдавшій строгое молчаніе, пресѣкъ оное и сказалъ: „изо всего я заключаю, что зависть, какъ не грызетъ Комбурлеевъ истуканъ, а онъ бронзовый“.

Слушая съ великимъ вниманіемъ сіи разговоры, я такъ твердо напечатлѣлъ ихъ въ моей памяти, что, пришедши домой, внесъ отъ слова до слова въ книжку, въ число важныхъ статей о волынской революціи, и вмѣсто предисловія помѣстилъ ихъ въ началѣ сего третьяго моего письма, разсуждая о мірскихъ дѣлахъ такъ: что возбуждаетъ удивленіе и восторгъ въ однихъ, то для другихъ быть можетъ предметомъ смѣха и презрѣнія.

Обратимся къ волынскимъ происшествіямъ 1815 года. Я уже познакомилъ васъ, милостивая государыня, съ сенаторами Ильинскимъ, Стройновскимъ и Ворцелемъ, также съ генераломъ Гижицкимъ и со многими волынскими дворянами. Вы видѣли, какъ черная змѣя ожесточенной злобы грызла у нѣкоторыхъ изъ нихъ внутренность; вы замѣтили, какъ блѣдная зависть, косыми глазами ихъ день и ночь глядѣла, чтобъ высмотрѣть пятна въ Комбурлеѣ. Посмотрите теперь въ особенности на Гижицкаго, когда послѣдовало дозволеніе быть ему губернскимъ маршаломъ. Не вступая въ должность, онъ бѣжитъ на контракты въ Кіевъ. Уже входитъ въ залу контрактовую, гдѣ изъ разныхъ губерній было многочисленное собраніе дворянъ. Снѣдаемый честолюбіемъ бѣднякъ воображалъ себѣ, что всѣ кинутся обнимать и цѣловать его, но толпа, при его входѣ, не только не раздвигается, но даже и не примѣчаетъ его. Нашъ мученикъ суетныхъ желаній трепещетъ отъ злости и утѣсняемый тяжестію долговъ влечется впередъ. И къ неизреченной радости своей находитъ собранныхъ въ одну кучу волынянъ, друзей своихъ: Гостынскаго, Домбровскаго, Павшу, Букара, Стецкаго и всѣхъ почти повѣтовыхъ маршаловъ. Ильин-

скій стоялъ среди ихъ въ золотѣ и бриллiантахъ; все на немъ блистало, кромѣ души. Посмотрите, посмотрите, какъ онъ хватаетъ обѣими руками колѣна у богатаго шляхтича Сабинскаго, какъ онъ цалуетъ въ плечо другаго шляхтича—Креза Ярошинскаго и, увидѣвъ издали простой масти, но туза Завишу, какъ онъ кланяется ему въ поясъ. Вы скажете: какая подлость! сенаторъ, графъ, обвѣшанный орденами, осыпанный звѣздами, не обращающій никуда глазъ, кромѣ на небо, пресмыкается у ногъ шляхты. Не удивляйтесь! Они милліонщики, а ему надобно сорокъ тысячъ червонныхъ. Тутъ Гижицкій съ своими друзьями берутся помогать Ильинскому. Расходятся по залѣ, хлопочутъ, бѣгаютъ по всѣмъ угламъ и очаровательными словами превозносятъ подвиги Ильинскаго, а вмѣстѣ и свое намѣреніе освободить польскія провинціи отъ русскихъ чиновниковъ, напослѣдокъ читаютъ и всякому любопытному раздаютъ копіи записки, составленной Гостынскимъ и отправленной сенатору Стройновскому въ Петербургъ. Въ ней, кромѣ неимовѣрно дерзкаго нареканія на губернское и мѣстное начальство, было помѣщено и то, будто-бы Комбурлей, во время собранія дворянъ на выборы, держалъ ихъ нѣсколько недѣль въ Житомірѣ для того, чтобъ, забавляя спектаклями, могъ выручаемою за то суммою содержать музыку и пѣвчихъ. Все, что читаетъ въ Кіевѣ, читало сію клевету; все, что мыслитъ, судило объ ней; все, что чувствуетъ, приходило отъ нее въ негодованіе. Подольскіе, кіевскіе и другихъ губерній помѣщики громко хохотали и въ одинъ голосъ говорили: „мы знаемъ Комбурлея; онъ не Ильинскій, чтобъ босыхъ музыкантовъ и голыхъ актеровъ обувалъ и одѣвалъ на счетъ шляхты“. Самъ Гостынскій, Залескій и Букаръ смѣялись такой глупости, но смѣхъ ихъ уподоблялся страшному зіянію мильтоновыхъ ангеловъ потеряннаго рая. Итакъ, записка не имѣла дѣйствія и сочинитель ея освистанъ.

Теперь прошу васъ, милостивая государыня, вновь послушать, что говорилъ мнѣ о продолженіи волынской революціи тотъ изъ русскихъ чиновниковъ, съ которымъ я познакомилъ васъ въ первомъ письмѣ моемъ. Онъ началъ такъ: естьли-бы Комбурлей въ 1814 году былъ ангелъ во плоти, а не человѣкъ, то и тогда-

бы нашлись въ губерніи люди, готовые роптать на него и жаловаться. Вообразите обстоятельства того времени. Наполеонъ палъ, Понятовскій погибъ, громъ брани умолкъ, штыкъ русскій вылѣчилъ Варшаву отъ консульсій, Александръ въ стѣнахъ Парижа, армія польская на пиру у Плутона. Какая-жъ волынянамъ оставалась надежда быть республиканцами? Къ тому-жъ представьте, что дворяне сыты и пьяны, жены кокетки и интригантки, дѣти воспитанники французскаго безбожія. Куда-жъ было имъ обращаться съ своими червонцами, съ своимъ безстыдствомъ? Явились на сцену Ильинскій, Стройновскій, Гижицкій, Гостынскій и начался переворотъ, служащій неложнымъ доказательствомъ безхарактерности тѣхъ, кои всегда плавали и плаваютъ по волѣ мнѣній и обстоятельствъ. Предлогомъ конфедераціи избрали природную ненависть къ русскимъ. Напрасно газеты по всей Европѣ возглашали, что съ возстановленіемъ Царства Польскаго два сососѣдственные народы соединятся неразрывнымъ узломъ братства. Сарматы думали, думаютъ и всегда думать будутъ, что мы русскіе желаемъ имъ зла. Но они ошибаются. Зла никогда не желаютъ тѣмъ, кого презираютъ, а обыкновенно желаютъ зла тѣмъ, кто имѣетъ право презирать. Другая причина закоренѣлой вражды есть духъ непокорности. Боже сохрани васъ сказать послѣднему лакею шляхтичу, что онъ не принадлежитъ къ свободной націи: онъ радъ перенести сто ударовъ плетью, съ тѣмъ только, чтобъ положили его на коврѣ, а не на голой землѣ, нежели слышать такую обиду. Слово „вольный народъ“ точно такъ берегутъ поляки, какъ нищіе свои раны. Назовите шляхтича—водовоза, кучера, ремесленника, камердинера и подобныхъ сему слугъ собственнымъ именемъ по его званію и не прибавьте прилагаемаго ими слова *панъ*, тотчасъ увидите страшную перемѣну въ его лицѣ. Мнѣ самому случилось однажды пастуха-шляхтича назвать просто по имени—Войцехъ. Онъ обидѣлся и съ жаромъ мнѣ отвѣчалъ: „вы знаете, что у древняго нашего царя Леха первый двора совѣтникъ пасъ свиней; что-жъ за бѣда, что я пасу господскихъ воловъ, а я все таки панъ Войцехъ!“. Когда такъ отзываются пастухи, то что сказать объ экономахъ, рахмистрахъ, коммисарахъ,

арендаторахъ, поссесорахъ, дѣдичахъ и магнатахъ? Естьли засѣдатель, исправникъ, городничій, совѣтникъ и самъ даже губернаторъ, разговаривая съ бывшимъ когда-то маршаломъ, не скажетъ: ясле-вельможный маршалу,—онъ сочтетъ за обиду,—естьли на конвертѣ письма не будетъ прописанъ весь титулъ его, пріиметъ это за большую еще обиду, а естьли не будетъ добавлено: пану добродзѣеви, тогда сдѣлается совершеннымъ врагомъ тому, кто къ нему пишетъ. За то и они чрезвычайно деликатны. Губернатора и вице-губернатора всегда величаютъ графами, къ совѣтнику не пишутъ титула на конвертѣ иначе, какъ полковнику войскъ россійскихъ, ассесора не назовутъ, какъ совѣтникомъ, а секретаря ротмистромъ кавалеріи; когда-жъ имѣютъ къ кому дѣло, то титулы у нихъ ростутъ, какъ грибы, и всякаго жалуютъ кавалеромъ. Для чего вы такъ дѣлаете?—многіе изъ русскихъ ихъ спрашивали. У всѣхъ одинъ отвѣтъ: лучше прибавить, нежели убавить,—разумѣется, когда это не стоитъ ни гроша. Грузомъ таковыхъ и симъ подобныхъ мечтательныхъ обидъ наполнивъ сердца свои, волыняне, когда въ другихъ царствахъ кровавая брань утихала, объявили войну губернскому и полицейскому начальству, а чтобъ имѣть на своей сторонѣ выгоду, открыли спектакль и начали играть комедію, подъ названіемъ „Ябеда". Роли розданы, выучены, но не всѣми артистами вытвержены. Въ три года едва могли сыграть четыре дѣйствія, пятое отъигриваютъ въ столицѣ. Вамъ уже извѣстно, какъ въ первомъ дѣйствіи не акредитованные послы не бывалаго народа приносили верховному правительству несбыточныя жалобы и какъ проповѣдники отъ стороны ихъ расказывали въ столицѣ о бѣдствіяхъ претерпѣваемыхъ волынянами отъ русскихъ чиновниковъ. Знаете вы уже и о первыхъ явленіяхъ втораго дѣйствія и о всемъ, что происходило до того времени, какъ получено на Волыни извѣстіе, что назначенъ особенный ревизоръ. Теперь услышите о дальнѣйшихъ сценахъ.

Протекли контракты кіевскіе 1815 года и всепоѣдающее время стерло злымъ зубомъ своимъ новый умыселъ волынскихъ мятежниковъ: не удалось ни Ильинскому, ни Гижицкому вымануть ни у кого ни гроша. Но интрига горитъ и безъ денегъ, въ

опасности потухнуть; чтожъ дѣлаютъ? Возвращается Гижицкій въ Житоміръ, вступаетъ въ должность, угощаетъ великолѣпными обѣдами Комбурлея и всѣхъ русскихъ чиновниковъ, между тѣмъ забываетъ священную свою обязанность и, поправъ законъ, употребляетъ во зло довѣренность къ нему дворянства. Договаривается съ повѣтовыми маршалами и даетъ имъ секретнѣйшія отношенія согласить помѣщиковъ, чтобъ по десяти копѣекъ, разумѣется серебромъ, съ души пожертвовали они на дѣло общественное, то есть на интригу противъ Комбурлея и на изгнаніе русскихъ чиновниковъ. Не явный-ли поджогъ къ возстанію дворянъ противу правительства, не сущій ли мятежъ? А чтобъ ослѣпить близорукія глаза наружною дѣятельностію, то на счетъ оной беззаконной складки приглашаются въ маршальскую канцелярію двадцать человѣкъ писцовъ,—ни одного русскаго, всѣ изъ шляхты,—заводится необычайная переписка съ повѣтовыми маршалами, градскими и земскими полиціями, а въ губернское правленіе и въ казенную палату посылаются безпрестанныя требованія. Напримѣръ: для чего учреждены такіе-то поборы? Сколько дворянскихъ имѣній въ опекѣ? Сколько недоимки сложено? Какіе и отъ кого изъ дворянъ поступили жалобы и что по онымъ сдѣлано? Для чего обывателямъ не заплачено по квитанціямъ за провіантъ денегъ? Сколько у кого взято, и прочее, и прочее. Самъ Гижицкій всякой день у генералъ-губернатора: то увѣряетъ его въ своей къ нему преданности, то требуетъ съ наглостію отрѣшить исправниковъ Фаеріуса, Царенка и Калашникова, болѣе прочихъ отличившихся, совѣтниковъ осыпаетъ поцѣлуями и, встрѣчаясь съ вице-губернаторомъ или прокуроромъ, хватаетъ ихъ за руки и не отпускаетъ, пока не дадутъ слова у него обѣдать. Между тѣмъ тощій Ильинскій сидитъ, запершись въ романовскомъ замкѣ, и мучится страхомъ, что начальство за платежъ банковаго долга, за неисправность суконной фабрики сегодня, завтра осеквеструетъ его имѣніе и мишурнаго царя сгонитъ съ его карточнаго престола. Вдругъ промчался слухъ, что ревизоромъ на Волынь назначенъ сенаторъ Сиверсъ. Поляки ахнули, русскіе чиновники вздохнули. Зло всегда сопровождается предчувствіями. Отъ Стройновскаго, отъ Ворцеля эстафетъ за эста-

фетомъ изъ Петербурга, отъ Гижицкаго нарочный за нарочнымъ къ маршаламъ, отъ Ильинскаго козакъ за козакомъ къ Букарю, Гостынскому и къ другимъ ревностнымъ служителямъ крамолы волынской. Разъѣзжаютъ маршалы по повѣтамъ, приглашаютъ къ себѣ своихъ приближенныхъ, навѣдываются о общественномъ мнѣніи и, видя, что первыя безпокойства утихли, а не угасли, собираютъ къ себѣ отовсюду людей, отправляющихъ честное ремесло наемныхъ ораторовъ, кои не дорого брали за то, что и перо и языкъ продавали неправосудію, клеветѣ и всякому, кто хотѣлъ платить за употребленіе во зло дарованій. Сіи разсылаются по домамъ извѣстныхъ помѣщиковъ, изрыгаютъ хулу на Комбурлея, украшаютъ ложь вымыслами и увѣряютъ, что Ильинскаго, Стройновскаго, Ворцеля, Гижицкаго и прочихъ ревностнѣйшихъ поборниковъ о благѣ Волыни Комбурлей передъ верховнымъ правительствомъ описалъ самыми черными красками, а дворянъ выставилъ за бунтовщиковъ. Разсказываютъ о готовности русскихъ чиновниковъ ко всякому роду мщенія и клянутся, что естьли не посиѣшатъ низложить Комбурлея, то вся губернія потерпитъ наказаніе, запретятъ на десять лѣтъ выборы, опредѣлятъ дожизненныхъ предсѣдателей и судей и отъ герольдіи, пришлются чиновники во всѣ мѣста земской полиціи. Но буде раздерутъ завѣсу безпечности, скрывающую несчастныя послѣдствія отъ глазъ ихъ, и станутъ Ильинскому, Гижицкому, Стройновскому и Ворцелю общими силами споспѣшествовать къ достиженію предположенной ими спасительной цѣли, то истребится тиранство, падетъ Комбурлей, исчезнутъ русскіе чиновники и вся полиція достанется въ наши руки. Тогда, говорили, вольный народъ, носившій двадцать три года оковы рабства, начнетъ дышать свободно. Не опасайтесь прежней силы магнатовъ нашихъ и не страшитесь, что, разорвавъ узы, погибнемъ отъ безвластія. Вамъ небезъизвѣстно, что хотя вольность когда начнетъ ходить одна, всегда падаетъ, но за то каждое паденіе научаетъ ее и каждый шагъ укрѣпляетъ ее. Пожертвуйте теперь малымъ, чтобъ стяжать великое. Комбурлей не тотъ, что былъ прежде. Дни его счастія и славы тогда еще прошли, какъ жалобы Ильинскаго и Гижицкаго милостиво

приняты. Мы и для него все дѣлали, пока требовала того наша польза. Теперь нѣтъ въ немъ надобности. Пусть всѣ и вездѣ называютъ его честнымъ и правосуднымъ, уже помочь ему не могутъ. Самая добродѣтель, часто превозносимая похвалами, увядаетъ, какъ цвѣтъ, часто палимый солнечными лучами. Выбирайте одно изъ двухъ: или, оставшись другомъ Комбурлею, быть посмѣшищемъ въ обществѣ, или, сдѣлавшись врагомъ его, участвовать въ славѣ патріотизма. Не забывайте, что восходящее солнце болѣе имѣетъ поклонниковъ, нежели заходящее.

Таковымъ и тому подобнымъ наемнымъ стремленіемъ мятежныхъ словоныраженій не только умы развращенные въ своихъ понятіяхъ и сердца развращенныя въ своихъ чувствованіяхъ, но даже самыя твердыя души скромныхъ и спокойныхъ помѣщиковъ приводимы были въ судорожное движеніе. Такъ! вода, наполняющая сосудъ, вдругъ не выливается, а надобна лишняя капля. Надобно, чтобъ пріѣхалъ въ губернію сенаторъ Сиверсъ, который у волынянъ былъ въ одно время и наружнымъ идоломъ, и слѣпымъ орудіемъ, и свирѣпою игрушкою. И вотъ онъ уже не далеко, за сто двадцать пять верстъ отъ Житоміра, въ Овручѣ. Но что есть Овручь? Этотъ городъ и цѣлой повѣтъ овруцкій есть логовище дикой шляхты, вмѣстилище ябедниковъ и вертепъ разбойниковъ. Сюда пріѣзжаютъ не только изъ повѣтовъ волынской, но изъ минской, подольской и кіевской губерній покупать свидѣтелей. Десять, двадцать, тридцать достанете во всякое время. Они подъ присягою будутъ говорить, что видѣли собственными глазами, какъ вы зарѣзали такого-то и такого-то человѣка, какъ вы ограбили такую и такую-то церковь, какъ вы разбили лавку и какіе именно взяли въ ней товары. Берутъ за криво-присяжство недорого—по два рубля серебромъ на человѣка и кормъ хозяйскій. Симъ ремесломъ такъ прославился повѣтъ овруцкій, что естьли случится тамошнего феникса, добросовѣстнаго дворянина (что очень, очень рѣдко бываетъ) спросить, изъ котораго вы повѣта, онъ тотчасъ покраснѣетъ и запинаясь отвѣтствуетъ: вездѣ есть добрые люди—я.... изъ.. овруцкаго. Сей повѣтъ волынской губерніи былъ первый по пути, куда пріѣхалъ сенаторъ Сиверсъ.

Знатнѣйшее дворянство, коего родоначальники всѣ почти извѣстны смоленской секретной слѣдственной коммисіи, собрались въ домѣ городничаго. Маршалъ Павша, лишившійся почти всего имѣнія за измѣну родныхъ братьевъ и собственное свое клятвопреступленіе, первый встрѣтилъ сенатора рѣчью, наполненною лестью и похвалою еще никому неизвѣстному правосудію ревизора и хулою произнесенною на Комбурлея и чиновниковъ. Сей самый маршалъ Павша чрезъ нѣсколько дней потомъ, услышавши о побѣгѣ Наполеона изъ острова Эльбы въ Парижъ, дѣлалъ нарочно для сего праздникъ и на ономъ, отзываясь передъ всею публикою презрительнымъ образомъ о властяхъ предержащихъ, пилъ здоровье французскаго императора, покровителя поляковъ. Исправникъ, по учиненіи слѣдствія, донесъ начальнику губерніи; сей комитету министровъ, и его, раба Божія, велѣно за карауломъ отправить въ столицу. Онъ, узнавши о семъ, бѣжалъ и скрывался неизвѣстно гдѣ до того времени, пока сенаторъ Сиверсъ не пріѣхалъ въ Бердичевъ. Услышавъ-же, что всѣ враги Комбурлея Сиверсомъ покровительствуются, прибѣгнулъ подъ его защиту и жилъ при глазахъ его болѣе мѣсяца; но когда приключилось сенатору бездѣйствіе, онъ паки ушелъ за границу, но, по выѣздѣ Комбурлея, возвратился и могуществомъ Сиверса избавленъ отъ дальнѣйшихъ законныхъ преслѣдованій. Гижицкій секретно командировалъ въ Овручь житомірскаго хорунжаго Гржибинскаго, какъ для встрѣчи сенатора, такъ болѣе и для того, чтобъ убѣдить его, дабы по пріѣздѣ въ Житоміръ пренебрегъ квартирою, отведенною ему начальствомъ, но остановился-бы въ дворянскомъ домѣ, гдѣ и самъ губернскій маршалъ жительствуетъ. На какой-бы, вы думали, это конецъ? Дабы удобнѣе было наушничать, а въ шляхту вселить мнѣніе, будто Гижицкій такъ силенъ, что самъ сенаторъ-ревизоръ изъ уваженія къ нему не могъ отказать его просьбѣ; сія бездѣлица прибавила дерзости всѣмъ его послѣдователямъ. Между тѣмъ сенаторъ, окруженный овруцкою сволочью, равнодушно обонялъ куревія польской лести и подъ видомъ, что уклоняется великолѣпныхъ пріемовъ, остановился въ жидовской корчмѣ. Онъ хотѣлъ показать свою дѣятельность на первомъ шагу: вечеръ провелъ въ бесѣдѣ съ овру-

чанами, а ночь употребилъ на разныя развѣдыванія о полицмейстерѣ, исправникѣ и о русскихъ другихъ чиновникахъ; призывалъ къ себѣ по одиночкѣ жидовъ—то Лейзера, то Зелика, то Боруха—и секретно спрашивалъ каждаго, каковъ Комбурлей и Хрущовъ, какъ они живутъ, кто у нихъ изъ евреевъ фактора,—хороши-ль губернскіе чиновники, берутъ-ли взятки и прочее. Не довольствуясь ихъ отвѣтами, сенаторъ самъ изволилъ принимать трудъ инкогнито въ ночи посѣщать жидовскія лачужки, гдѣ каждому хозяину безъ разбора дѣлалъ тѣже вопросы, какихъ удостоивалъ почтеннѣйшихъ изъ дворянъ. Пріобрѣвъ въ Овручѣ столь дорогой запасъ свѣдѣній, отправился г. сенаторъ въ Житоміръ, сопровождаемый крикомъ шляхты: „Виватъ, нашъ избавитель и отецъ?"...

На другой день по выѣздѣ его грянули вѣсти, что всѣ русскіе чиновники, губернскіе и повѣтовые, немедленно будутъ лишены мѣстъ своихъ и преданы суду. Сыскались, однако, добросердечные овручане, которые по дружбѣ совѣтовали пріятелямъ своимъ изъ чиновниковъ, не дожидаясь отрѣшенія, просить отставки, угрожая въ противномъ случаѣ неизбѣжнымъ несчастіемъ, ибо де сенаторъ ревизоръ торжественно объявилъ имъ, что не оставитъ изъ русскихъ камня на камени. 6-го апрѣля, вечеромъ поздно, прибылъ г. сенаторъ Сиверсъ въ Житоміръ и заѣхалъ прямо къ Гижицкому. Изъ старой четвероместной, ничѣмъ не обремененной кареты, кромѣ его, вышли три чиновника и четвертая молодая чухонка, извѣстная подъ именемъ Анхенъ. Гижицкій отъ восхищенія въ безпамятствѣ. Не буду вамъ говорить о встрѣчѣ, о пріемѣ, о собраніи всего того, что носитъ мундиръ—это картина обыкновенная; но нѣкоторые въ ней оттѣнки должны обратить на себя глаза. Чиновниковъ губернскихъ всѣхъ не болѣе пятнадцати, а шляхты, подъ именемъ дворянъ, было не меньше ста. По наряду нагнали въ домъ юристовъ, палестрантовъ, подсудковъ, и вся сія смѣсь, въ разницу ничего не значущая, представлена въ совокупности за обывателей волынскихъ. Было въ числѣ ихъ много и такихъ, которые отъ роду не носили шпагъ, а потому и прицѣпили ихъ къ правому боку. Вице-губернаторъ Хрущовъ поднесъ рапортъ, объяснилъ сенатору, что и самъ

начальникъ губерніи не замедлитъ сюда пріѣхать съ поздравленіемъ о благополучномъ его прибытіи. Сиверсъ крайне засуетился: то спрашиваетъ о его здоровьѣ, то приказываетъ полицеймейстеру бѣжать и доложить генералъ-губернатору, что онъ самъ тотчасъ къ нему ѣдетъ, то подзываетъ того и другаго изъ своихъ чиновниковъ и велитъ ѣхать и сказать Михайлѣ Иванычу поклоны отъ министра Трощинскаго, отъ Василія Степановича Попова и другихъ знатныхъ особъ; самъ между тѣмъ вперивши глаза свои въ русскихъ чиновниковъ, стоялъ неподвиженъ, а Гижицкій съ язвительною на устахъ улыбкою, бѣгая изъ комнаты въ комнату и встрѣчаясь съ своими приближенными, того толкнетъ въ бокъ, другаго ущипнетъ за руку, иному покажетъ языкъ, не зная самъ, что дѣлать отъ избытка сердечнаго восторга. Наконецъ является Комбурлей и невольно обращаются глаза цѣлой публики въ ту сторону, гдѣ старшій и по чину и по первенству пожалованія сенаторскимъ достоинствомъ сенаторъ, начальникъ губерніи, встрѣчается съ сенаторомъ-ревизоромъ. Послѣ обыкновенныхъ привѣтствій, начинаетъ Сиверсъ хвалить порядокъ, усмотрѣнный имъ въ губерніи. Какая прекрасная дорога, въ какой безподобной исправности всѣ мосты, черезъ кои онъ переѣзжалъ! А почтъ не видалъ онъ лучше по всему пути отъ Петербурга. Комбурлей, чтобъ не дать распространяться похваламъ, отвѣтствовалъ съ сердечнымъ движеніемъ: „Это первые признаки тѣхъ безпорядковъ въ губерніи, на кои нѣкоторые изъ дворянъ жалуются". Обратили рѣчь въ другую сторону. Долго говорили о Петербургѣ, о знакомыхъ, о приключеніяхъ въ дорогѣ, а о настоящемъ дѣлѣ ни слова. Затѣмъ доложили сенатору, что для него очищенъ особый домъ, а въ томъ, куда его завезли, живетъ губернскій маршалъ и бываютъ собранія дворянства, слѣдовательно, быть можетъ для него квартирою безпокойною.

— Да, да,—отвѣчалъ Сиверсъ, я посмотрю.

Но трудъ былъ напрасенъ.

Скоро уѣхалъ Комбурлей, разошлись и всѣ посѣтители, оставивъ пріѣзжаго гостя съ Гижицкимъ, который во все это вечернее время не узнавалъ ни одного изъ губернскихъ чиновниковъ.

На другой день слухъ прошелъ по городу, что ночью собирали въ домѣ къ Гижицкому жидовъ, съ которыми сенаторъ разговаривалъ милостиво, спрашивалъ, не имѣютъ-ли обиды отъ губернскаго или мѣстнаго начальства, не пользуется ли чѣмъ нибудь отъ нихъ Комбурлей, Хрущовъ или другіе, и буде кто изъ общества ихъ имѣетъ къ кому либо изъ чиновниковъ какую либо претензію, смѣло и безбоязненно подавали-бы къ его превосходительству просьбы, не смотря на лица и не уважая никакой власти.

7-го числа сенаторъ заплатилъ визитъ за визитъ Комбурлею и у него обѣдалъ. Это дѣло обыкновенное; но необыкновенное то, что всякій его выходъ изъ дому и приходъ въ домъ имѣли на себѣ какой то очень древній отпечатокъ странности. Коль скоро бывало онъ, съ окружающею его шляхтою, выходитъ на улицу, тотчасъ снимаетъ съ себя шляпу и всѣ дѣлаютъ тоже. Потомъ не идетъ просто къ Комбурлею, но ведетъ процессію по цѣлому городу и по всѣмъ улицамъ, пока толпа народа, а особливо малыхъ жидіонковъ до того всегда увеличится, что полицейскіе служители принуждены идти впередъ и очищать дорогу. Такимъ же точно порядкомъ, въ сопровожденіи Комбурлея, всегда возвращался и домой. Я не знаю, чему народъ болѣе удивлялся: странному ли покрою военнаго его мундира съ шифомъ и эполетами, или честолюбію, которое водило за собою длинные ряды дворянъ и чиновниковъ въ мундирахъ съ непокрытыми головами.

Простите меня, продолжалъ мой собесѣдникъ, что я до сихъ поръ не увѣдомилъ васъ, кого изъ чиновниковъ привезъ на Волынь г. сенаторъ Сиверсъ съ собою. Первый изъ числа ихъ Вейдемееръ, честнаго и заслуженнаго отца благовоспитанный сынъ, статскій совѣтникъ, милый и ласковый, въ обращеніи ко всѣмъ привѣтливый, въ поступкахъ образецъ для молодыхъ людей, уменъ и добръ; но казалось, что сенаторъ менѣе всѣхъ показывалъ къ достоинствамъ его уваженія и менѣе всѣхъ имѣлъ къ нему довѣрія. Вторый—Фіялковскій, тонкій секретарь сената уголовнаго департамента; доброжелательный спазматикъ, чувствительный бѣлорусецъ, любитель золотыхъ и серебрянныхъ меда-

лей и дорогихъ антиковъ; говоритъ мало, а болѣе смотритъ въ глаза, пишетъ перомъ обоюду острымъ, умѣетъ принаравливаться ко всякимъ обстоятельствамъ, словоохотливъ съ сенаторомъ и за то до сихъ поръ при немъ держится. Третій—Михельсонъ, чиновникъ внутренняго министерства, любимый воспитанникъ супруги Сиверса, по стремительности характера часто вѣтренъ, въ словувыраженіяхъ скоръ; при исполненіи воли сенаторской слишкомъ горячъ, но къ несчастіямъ другихъ равнодушенъ, а къ оказанію помощи очень холоденъ; впрочемъ ко всему страстный охотникъ и по симъ то способностямъ Сиверсъ уважалъ его паче первыхъ двухъ. Четвертый—Кіяновъ, отставной подьячій; но что онъ, это загадка. Способностей никакихъ, а дерзости выше мѣры. Безъ воспоминанія, безъ характера, онъ у сенатора иногда ничего, а часто значилъ все. Самое пріятнѣйшее его упражненіе дѣлить по братски время съ бахусомъ, но успѣваетъ и шептать на ухо. Менѣе всѣхъ къ дѣламъ способенъ, но болѣе всѣхъ у сенатора въ довѣренности. Ни одинъ случай, доставляющій легкую возможность скоро разбогатѣть, не ушелъ его рукъ. Надобно конфисковать контрабанды, посылается Кіяновъ; надобно-ли оставить провозимые товары, употребляется къ тому Кіяновъ; надобно обревизовать въ губерніи лавки, даютъ Кіянову открытый листъ: онъ ѣздитъ по дорогамъ и безбоязненно грабитъ купцовъ. Два смертоубійства, въ такомъ разѣ имъ учиненные, одно въ мѣстечкѣ Купелѣ, а другое подъ Бердичевомъ, не только прошли безъ наказанія, но еще не угодно было г. сенатору велѣть учинить объ нихъ розысканія, а вмѣсто того доставили ему чинъ коллежскаго ассесора, владимірскій крестъ и послали въ Бердичевъ исправлять должность полицмейстера; хотя-жъ бѣдной сей городъ отъ него стонетъ и вопіетъ на небо, но губернское начальство не смѣетъ коснуться волоса его, потому что Кіяновъ ведетъ безпрестанную переписку съ Сиверсомъ. Я бы вамъ сказалъ истину, отъ чего сей баловень пользуется въ такой высокой степени необычайною къ нему привязанностію сенатора, да это большая тайна, а къ тому-жъ сама скромность удерживаетъ мой языкъ въ предѣлахъ молчанія. И въ старыхъ головахъ бываютъ молодыя

души. Но открою вамъ другую причину достовѣрнѣйшую: Кіяновъ женатъ на крѣпостной дѣвкѣ Сиверса, который, въ воздаяніе вѣрной ея службы, никогда и ни въ чемъ не отказываетъ ея мужу.

8-го и 9-го чиселъ того-жъ апрѣля, при неотступномъ Гижицкаго сопровожденіи, сенаторъ, по долгу ревизора, осматривалъ губернскія присутственныя мѣста; ему было угодно ревизовать не только регистры всякого рода, журналы, опредѣленія и что вообще называется канцелярскій порядокъ, но и входить въ подробнѣйшее разсмотрѣніе самаго производства дѣлъ, особливо въ губернскомъ правленіи и въ казенной палатѣ, на которую одинъ непотребный ея членъ, о которомъ послѣ раскажу вамъ обстоятельнѣе, посылалъ черезъ сенатора Ильинскаго доносъ къ министру финансовъ; ревизоръ, нашедши въ каждомъ присутственномъ мѣстѣ успѣшное и точное выполненіе по указамъ и предписаніямъ правительства, теченіе жъ дѣлъ во всѣхъ частяхъ совершенно соотвѣтствующимъ съ установленными на то правилами и малое количество не разрѣшенныхъ бумагъ, удивлялся до чрезвычайности тому, что всякій порознь совѣтникъ или членъ судебнаго мѣста, зная совершенно свою часть, подробно и скоро и съ невѣроятною удобностію на всѣ вопросы сенатора удовлетворительно отвѣтствовали. Отдавая полную справедливость трудамъ, усердію и ревности къ службѣ, всѣмъ вообще и каждому порознь, изъявлялъ отмѣнное удовольствіе свое чиновникамъ—сначала въ мѣстахъ судебныхъ, а потомъ публично, въ присутствіи Гижицкаго и всего собравшагося къ нему дворянства, повторяя нѣсколько разъ, что ни въ одной губерніи, гдѣ ему случилось быть, не видалъ онъ такой исправности, порядка и успѣха въ дѣлахъ, какъ въ волынской, и обратясь по званію ревизора къ Комбурлею, отъ имени правительства приносилъ ему, яко главному начальнику, особенную благодарность за то, что попеченіемъ своимъ о благѣ общемъ, довелъ до столь видимаго совершенства всѣ части ввѣреннаго ему управленія. Остолбенѣли враги Комбурлея, а Гижицкій, показывая видъ, будто никто не читаетъ, что происходитъ въ его сердцѣ, скрежеталъ зубами и смотрѣлъ вокругъ себя со взорами, исполненными ярости.

Тутъ я прервалъ рѣчь новаго моего почтеннаго знакомца и просилъ удовлетворить мое любопытство, разсказавъ, въ чемъ именно заключалась та отличная во всѣхъ частяхъ управленія губерніи исправность, которой ни враждующіе Комбурлею дворяне, ни въ послѣдствіи времени ожесточеный противу него Сиверсъ, сколько ни старались, не могли однако-жъ и самымъ злѣйшимъ ядомъ клеветы и ужасныхъ доносовъ отравить.

Охотно, естьли имѣете терпѣніе слушать,—былъ его отвѣтъ, и онъ продолжалъ такъ:

Начнемъ отъ управленія губерніи вообще. Всѣ имянныя высочайшія повелѣнія и сенатскіе указы приведены въ исполненіе, всѣ присутственныя мѣста наполнены опредѣленнымъ числомъ членовъ и безъ недостатка снабдѣны канцелярскими служителями,—вездѣ не рѣшенныхъ дѣлъ очень мало и причины, для чего они остались безъ окончанія, крайне уважительны. Судьба колодниковъ, относительно времени содержанія подъ стражею и прочихъ обстоятельствъ достойныхъ уваженія, облегчена соразмѣрно преступленіямъ каждаго. Тюрьмы устроены вездѣ такъ, что невредно для глазъ милосердія и снисхожденія войти въ оныя. Порядокъ въ содержаніи арестантовъ и въ прокормленіи ихъ основанъ на состраданіи къ человѣчеству. Сборы съ народа, взыскиваемые согласно узаконеніямъ, вступаютъ въ казну въ опредѣленные сроки и разсылаются въ свое время, въ тѣ мѣста, куда по ассигнаціямъ назначены. Въ казначействахъ губернскомъ и повѣтовыхъ свидѣтельствуется надлежащими чиновниками денежная наличная сумма со всею предписанною аккуратностію. Недоимки по губерніи къ пріѣзду сенатора осталась столь малая часть, что самые враги губернскаго начальства не могли не отдать справедливости ему за употребленные къ тому мѣры. Арендныя и старостинскія имѣнія находились въ положеніи имъ свойственномъ и доходъ съ нихъ въ казну поступалъ бездоимочно.—Теперь кинемъ взоръ на обстоятельства по управленію губерніи въ частяхъ.—Приказъ общественнаго призрѣнія найденъ въ совершенномъ порядкѣ: капиталы его въ цѣлости, а обращеніе ихъ, бывъ основано на правилахъ правительствомъ установленныхъ, ощутительную прино-

сять пользу. Заведенія, отъ приказа зависящія, находились въ найлучшемъ состояніи и тогдашнее ихъ положеніе весьма достаточно было къ прочному оныхъ содержанію. Хотя же въ волынской губерніи, яко на особенныхъ правахъ состоящей, дворянскихъ опекъ и сиротскихъ судовъ не учреждено, по повелѣнію губернскаго начальства дѣлалось и дѣлается всевозможное призрѣніе вдовамъ и сиротамъ, какъ благородно рожденнымъ, такъ и другихъ состояній. Объ учебныхъ заведеніяхъ по губерніи, какъ публичныхъ, такъ и партикулярныхъ, доставлены г. санатору подробныя вѣдомости и не можно судить иначе, какъ что волынская губернія далеко превосходитъ другія успѣхами и учрежденіями по сему предмету. По части народнаго продовольствія г. сенаторъ получилъ за три года вѣдомости о посѣвѣ и урожаѣ хлѣба, къ тому же доставлены къ нему подробныя свѣдѣнія о сельскихъ запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, съ показаніемъ мѣстъ, количества хлѣба и числа душъ, наполняющихъ оные. Свѣденія о раздачѣ крестьянамъ хлѣба, о пополненіи онаго, о сохраненіи и о томъ, какъ свидѣтельствуется, съ изъясненіемъ, достаточно ли онаго на годовое продовольствіе жителей и какіе бываютъ отъ того избытки,—доказываютъ стараніе губернскаго и мѣстнаго начальства предупреждать малѣйшія нужды въ продовольствіи. О соли, изъ доставленныхъ увѣдомленій, видѣлъ г. сенаторъ, откуль она привозится, по какой цѣнѣ продается и достаточно ли ее къ удовлетворенію народной надобности. По части медицинской не только всѣ повѣты снабжены казенными лѣкарями, но кромѣ ихъ два и три раза больше находится тамъ вольнопрактикующихъ. Аптекъ же, запасенныхъ нужными медикаментами, въ одной волынской губерніи столько, что въ десяти другихъ едва подобное число сыскать можетъ. Повивальныхъ бабокъ достаточно, и никто вообще изъ жителей нисколько не нуждается въ пособіяхъ отъ врачебной управы зависящихъ. По операціи-же прививанія коровьей оспы неимовѣрные успѣхи, потому что благовременными отъ начальства мѣрами пріобрѣтено къ принятію оной расположеніе жителей. По части лѣсной—казенные лѣса въ губерніи растущіе раздѣлены на лѣсосѣки, а какой доходъ по-

лучаетъ съ нихъ казна, изъяснено въ особенной о дѣлахъ по сей части вѣдомости, притомъ со списками чиновникамъ и служителямъ оной. По части мануфактуръ, внутренней торговли и публичныхъ зданій—благоразумнымъ учрежденіемъ отъ приказа общественнаго призрѣнія суконной фабрики Комбурлей доставилъ сему заведенію возможность получать въ годъ чистаго доходу болѣе семи тысячь рублей. О партикулярныхъ-же фабрикахъ и заводахъ, къ приращенію коихъ и избавленію отъ всякихъ притѣсненій начальство губернское всегда оказывало свою помощь, нашелъ г. сенаторъ въ дѣлахъ подробное свѣдѣніе: врученъ ему списокъ всѣхъ купцовъ по губерніи, записанныхъ въ гильдіи, и иногороднимъ гостямъ, производящимъ торговлю, дана также вѣдомость, въ какихъ городахъ и въ которое время гдѣ бываютъ ярмонки и какія предпринимаются мѣры къ предохраненію торговли отъ стѣсненія. Не оставило начальство безъ увѣдомленія его о количествѣ самыхъ товаровъ, привезенныхъ и продаваемыхъ на тѣхъ ярмонкахъ, а о публичныхъ зданіяхъ, въ какомъ положеніи находятся и сколько на починку ихъ назначается и отколь суммы, представленъ обстоятельный реестръ. По части земскихъ повинностей—естьли бы я говорилъ рѣчь въ защищеніе губернскаго начальства, то съ пламенными взорами устремивъ глаза свои на портретъ Комбурлея, воззвалъ-бы къ нему патетическимъ голосомъ такъ: О, ты, несравненный мужъ, спасшій отъ враговъ волынскую провинцію безъ войска, войска продовольствовавшій безъ денегъ, деньги свои собственныя употреблявшій на закупку въ казну провіанта! Когда внѣшніе супостаты наши оторвали три повѣта отъ губерніи, а внутренніе простирали уже хищныя руки свои къ разграбленію въ Кіевѣ храмовъ Божіихъ и заносили ногу свою къ попранію святыни,—Ты, день и ночь дѣйствовавшій въ преподаніи способовъ къ ускоренію хода побѣдоносныхъ корпусовъ Тормасова и Чичагова, не жалѣвшій здоровья и самой жизни для блага своего отечества и не искавшій другой славы, кромѣ быть вѣрнымъ исполнителемъ священной воли обожаемаго тобою всемилостивѣйшаго Монарха, думалъ ли ты въ то время, какъ высылалъ многія тысячи подводъ для поднятія полковыхъ

тяжестей, сухарей, муки и фуража, какъ выпрашивалъ для арміи пожертвованія, состоявшія въ волахъ, въ водкѣ и въ другихъ потребностяхъ, какъ доставлялъ всевозможное облегченіе дворянамъ, при поставкѣ, вмѣсто рекрутъ, кирасирскихъ, драгунскихъ, гусарскихъ и особо артиллерійскихъ лошадей, какъ дѣлалъ отеческое, можно сказать, снисхожденіе всѣмъ прибѣгавшимъ къ тебѣ съ просьбами во время многочисленныхъ рекрутскихъ наборовъ и при дачѣ козаковъ, и напослѣдокъ какъ, по нахожденію губерніи въ военномъ положеніи, старался умѣрить всѣ вообще важныя земскія повинности, дабы ни одно состояніе не терпѣло крайней тягости, —Ты воображалъ ли тогда, что, по счастливомъ окончаніи кровопролитныхъ браней, вмѣсто частыхъ наградъ, за ревность свою въ высочайшей службѣ, будешь пить давно уже кеветою для тебя приготовленную, горькую чашу бѣдствій и могъ ли представить въ умѣ своемъ, дабы злоба и зависть дошли даже до такой степени подлости, что тебѣ, получающему триста тысячъ рублей годоваго доходу, припишутъ желаніе корыствованія отъ дворянъ продажею имъ двухъ или трехъ лошадей изъ своей конюшни и за держаніе ихъ во время выборовъ для того, чтобы выручаемою отъ спектаклей суммою платить жалованье пѣвчимъ своимъ и музыкантамъ?

По семъ мой дорогой собесѣдникъ, отерши слезы, говорилъ: виноватъ, забылъ, что я не ораторъ; станемъ продолжать начатое. При доставленіи о всѣхъ земскихъ повинностяхъ полнаго свѣдѣнія г. сенатору, докладывано и то, что о злоупотребленіяхъ, вымогательствахъ или притѣсненіяхъ по сему предмету никогда никакой и ни отъ кого не было приносимо начальству жалобы. По части городскихъ доходовъ, расходовъ и повинностей представлены г. сенатору свѣдѣнія, сколько въ 1812, 1813 и 1814 годахъ поступило порознь по каждому городу ежегодно сборовъ, сколько изъ того, на что и по чьему распоряженію употреблено изъ оныхъ въ расходъ. Къ тому же присовокуплено и другое: какимъ образомъ въ семъ расходѣ и кому отдаются отчеты, сколько остатковъ и гдѣ оные хранятся. По части полицейской—во всѣхъ городахъ полицейскіе чиновники и служители въ надлежащемъ

были комплектѣ, а пожарные инструменты, со всѣми принадлежностями къ онымъ, въ такомъ числѣ и исправности, что во всякое время достаточны къ утушенію пожаровъ. По симъ распоряженіямъ г. сенаторъ могъ быть увѣренъ, что губернское начальство неусыпное имѣетъ бдѣніе о безопасности городовъ, равно какъ и объ освѣщеніи оныхъ, ассигнуя на сіе особенную сумму; въ разсужденіи-же повѣтовой земской полиціи, то назначеніе по деревнямъ войтовъ было для земскихъ исправниковъ и засѣдателей по должности ихъ такимъ пособіемъ, котораго ничѣмъ другимъ замѣнить не можно; впротчемъ дороги раздѣлены на участки, мосты и перевозы во всякой исправности и о всемъ томъ г. сенаторъ получилъ подробнѣйшее свѣдѣніе. По части почтовой—въ губерніи станціи расположены по трактамъ самымъ выгоднѣйшимъ образомъ, а число на каждой изъ нихъ лошадей положено содержать сообразно мѣстоположенію и пространству разстоянія. Почтъ-содержатели обязаны контрактами, за исполненіемъ коихъ, кромѣ исправниковъ и почтовыхъ чиновниковъ, поручено имѣть наблюденіе и производить ежемѣсячно освидѣтельствованіе лошадей повѣтовымъ маршаламъ, сверхъ законтрактованныхъ на станціяхъ лошадей, содержались и отъ земли, для разъѣздовъ фельдъ-егерей и курьеровъ; во что же въ каждомъ году содержаніе сихъ и почтовыхъ лошадей обходилось, какая плата, кому именно и за сколько лошадей производилась и въ какой исправности состояли почтовые дома, о томъ представлено сенатору полное и подробное свѣдѣніе.

Вотъ въ какомъ положеніи нашелъ губернію сенаторъ Сиверсъ, который, разсмотрѣвъ доставленныя къ нему свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ при исполненіи повинностей, самъ видѣлъ, что главнѣйшія жалобы дворянъ состояли въ томъ, якобы при проходѣ войскъ, въ теченіи прошедшихъ трехъ лѣтъ, претерпѣвали они притѣсненія и угнетенія, о чемъ однако-жъ никто не жаловался ни управлявшему губерніею, ни губернскому правленію. Еще-же г. сенаторъ Сиверсъ читалъ и разматривалъ тысячу двѣсти сорокъ семь отзывовъ дворянскихъ, данныхъ ими въ то время, какъ по дошедшимъ до государя императора жалобамъ велѣно каждому объявить о претензіяхъ своихъ. Въ чемъ-бы, вы думали, заклю-

чались сіи отзывы?—Девять сотъ двадцать одинъ человѣкъ, владѣющихъ имѣніями дворянъ, сказали, что не имѣютъ никакихъ претензій, а напротиву того свидѣтельствовали, что отъ Комбурлея получали защиту и справедливое удовлетвореніе; изъ остальныхъ-же 326 человѣкъ нѣкоторые объявили неудовольствіе въ томъ, что не получали удовлетворенія за учиненныя ими поставки и что при проходѣ войскъ имъ было тягостно,—другіе-же, что объявятъ претензіи свои повѣтовымъ маршаламъ. Гдѣ-жъ справедливость тѣхъ громкихъ жалобъ, кои сенаторъ Ильинскій осмѣлился безъ всякихъ доказательствъ поднести къ высочайшему усмотрѣнію? Гдѣ вымучиваніе вдвое поборовъ? Гдѣ страшныя разоренія? Развѣ ограбленная и утѣсненная губернія за низложеніе Комбурлея и Хрущова (какъ Сиверсъ самъ докладывалъ сенату) въ состояніи дарить Ильинскому болѣе шести сотъ тысячъ рублей и въ пользу казны жертвовать 2,641,044 рублей. Напрасно противу ябеды пишутъ строгіе законы, когда въ тоже время нравы наши дѣлаютъ ихъ ничѣмъ. Можно ли торговаться съ казною за перемѣну начальниковъ губерніи? Можно-ли платить сенатору Ильинскому за ремесло доносчика? Можно-ли безъ какихъ нибудь видовъ сенатору-ревизору принимать на себя въ томъ посредничество? Невольно припомнишь себѣ слова Тацита въ жизни Тиверія, гдѣ онъ говоритъ: „естьли желаютъ незапрещеннаго, боятся запрещенія; но когда оное сдѣлано и беззаконно нарушено, страхъ, стыдъ, ничто не удерживаетъ болѣе.“ Можно къ сему прибавить и то еще: когда сотовариществуетъ насиліе проискамъ, то лучше оставить въ покоѣ пороки сильно вкоренившіеся, нежели выставлять невозможность истребленія оныхъ.

Возвратимся къ Гижицкому, коего мы оставили скрежещущимъ зубами, и къ сенатору Сиверсу, который найденнымъ порядкомъ во всѣхъ частяхъ управленія губерніи, дѣятельною способностію губернскихъ членовъ, скорымъ и исправнымъ теченіемъ въ присутственныхъ мѣстахъ дѣлъ, заботливостію начальства о судьбѣ колодниковъ и исправностію вообще градской и земской полиціи, столько былъ восхищенъ, что не находилъ словъ и выраженій, которыми-бы могъ, по его увѣренію, довольно похвалить чинов-

никовъ и Комбурлею изъявить свою признательность. И въ самомъ дѣлѣ: что онъ чувствовалъ и наружно передъ всѣми показывалъ, то все излилъ въ представленіяхъ своихъ къ г. министру юстиціи отъ 16 и 21 апрѣля, давая черезъ Вейдемеера читать оные Комбурлею и повторяя всякой разъ сіи слова: „естьли я когда нибудь имѣть буду губернію, то дай Богъ, чтобъ она была въ такой исправности, какъ волынская". Недоброжелатели Комбурлея, видя въ г. сенаторѣ необыкновенную наклонность все хвалить, тотчасъ начали подозрѣвать, что чиновники подкупили его канцелярію и самъ-де г. ревизоръ, конечно, не безъ грѣха; по пріѣзжаетъ Ильинскій, нигдѣ не останавливаясь, приходитъ прямо къ Сиверсу, запираются въ кабинетѣ и остаются четыре часа въ ономъ самъ на самъ. Потомъ провожаемый уже Гижицкимъ Ильинскій съ торжественнымъ лицомъ возвращается въ свою карету и ни съ кѣмъ не видавшись, удаляется въ романовскій замокъ. А когда одинъ изъ нашихъ чиновниковъ спросилъ Вейдемеера, для чего Сиверсъ такъ щедро разсылаетъ похвалы Комбурлею и его управленію губерніи, для чего Ильинскій секретничаетъ и для чего самъ Гижицкій такъ долго политикуетъ, онъ отвѣтствовалъ на всѣ сіи вопросы такъ: „Злодѣйство всегда сильнѣе дѣйствуетъ, когда одѣвается въ лицемѣріе." И съ сихъ поръ враги губернскаго начальства удвоили и учетверили къ нему свои ласкательства.

Между тѣмъ что день пиры, то у Комбурлея, то у Гижицкаго, гдѣ отборные дворяне и чиновники (первые съ наморщеннымъ челомъ, а послѣдніе съ лицемъ веселымъ) смотрѣли на взаимное пересиленіе въ учтивостяхъ, сенаторомъ сенатору оказываемыхъ, и слушали изъ устъ ревизора весьма лестныя одобренія всему тому, что сдѣлано или дѣлается. Въ одинъ день вздумалось и вице-губернатору Хрущову дать обѣдъ съ приглашеніемъ къ оному сенатора. Въ продолженіи стола хозяинъ для знаменитаго своего гостя сыскалъ и поставилъ передъ нимъ бутылку самаго лучшаго венгерскаго стараго вина. Сиверсъ выпилъ три рюмки, налилъ столько-же близь его сидѣвшимъ Комбурлею и Гижицкому; всѣ три пили и хвалили вино, какъ чрезвычайную рѣдкость, давали пробовать знатокамъ, и тѣ того-же были мнѣнія. Вдругъ Сиверсу дѣлается

дурно: глаза у него постолбенѣли, руки и ноги начало корчить, ротъ скривило, голову свернуло на сторону, словомъ—страшную изъ сенатора сдѣлало каррикатуру. Иной изъ предсѣдящихъ говорилъ, что то спазмы, тотъ кричитъ конвульсіи, а сей называетъ болѣзнь истерикою; но Михельсонъ и Фіялковскій, его письмоводители, то тому, то другому шепчутъ на ухо, что г. сенаторъ Сиверсъ, Богъ знаетъ съ которыхъ лѣтъ, имѣетъ, по просту сказать, падучую болѣзнь или черную немочь, которою одержимъ бываетъ, чаще въ то время, когда или разгнѣвается, или изволитъ выпить... нѣсколько рюмокъ крѣпкаго напитка. Представьте-же, что черезъ нѣсколько потомъ мѣсяцей, когда сдѣлался Сиверсъ непримиримымъ врагомъ Комбурлея и Хрущова, то не только здѣсь и въ столицѣ, но по цѣлой Россіи разгласилъ, будто Комбурлей, согласясь съ Хрущовымъ, подмѣшали въ вино яду и хотѣли его отравить. Самъ Гижицкій какъ тогда, такъ и послѣ и даже теперь, разсказывая сенаторскій припадокъ, хотя въ душѣ величайшій недругъ Комбурлея и Хрущова, божится съ клятвою, что онъ съ Сиверсомъ пилъ разомъ то вино съ одной бутылки и что нѣтъ ничего не основательнѣе таковой выдуманной имъ клеветы. Какъ бы то ни было, хотя Сиверсъ того-же вечера былъ совершенно здоровъ, но никого не хотѣлъ принимать къ себѣ, на другой-же день, подъ видомъ крайней слабости, легъ въ постель и долго никому не показывался. Только Гижицкій зналъ тайну притворства, ибо, оставивъ своего мнимаго больнаго на одрѣ будто смертномъ, самъ уѣхалъ къ Ильинскому, а какъ приближался свѣтлый праздникъ, и всѣ его сподвижники убрались одинъ по другомъ изъ города, давъ слово пріѣхать на третій день праздника въ Романовъ, гдѣ 20-го числа апрѣля положено быть многочисленному съѣзду дворянства. Коль скоро выѣхалъ Гижицкій, то сенаторъ, оставшись безъ опекуна и безъ вожатаго, сталъ принимать у себя Комбурлея и Хрущова и иногда по вечерамъ, разговаривая съ полицмейстеромъ, шутилъ даже на счетъ поляковъ, отзываясь: „Я ихъ знаю мошенниковъ, они меня не обманутъ; только та бѣда, что я мягкосердеченъ, а къ нимъ-бы послать надобно Θедора Θедоровича Эртеля“. Фіялковскій и Михельсонъ каждый день у Комбурлея

или Хрущова обѣдаютъ и ужинаютъ и всякому изъ чиновниковъ трубятъ въ уши: ахъ, какъ сенаторъ не любитъ поляковъ! ахъ, какъ онъ добръ ко всѣмъ русскимъ! И въ увѣреніе сего, то тому, то другому изъ подъ руки показываютъ посланныя въ столицу сенаторскія представленія. Сими и подобными дѣйствіями лукавства производятъ во всѣхъ чиновникахъ такое впечатлѣніе, что они, не зная, чѣмъ изъявить усердіе свое къ г. сенатору, предаются всякой печали о притворной болѣзни. То ходятъ вокругъ сенаторской квартиры и безпрестанно навѣдываются о здоровьѣ, то посылаютъ за его подаянія въ острогъ и въ больницы, то собираютъ нищихъ и милостынею хотятъ преклонить небо ко изцѣленію болящаго. Жены-же и дѣти ихъ съ непритворною скорбію, стоя въ церквахъ на колѣнахъ, искренно молятся Богу о его выздоровленіи. Сама добродѣтельнѣйшая супруга Комбурлея во все время болѣзни сенатора, собирая отвсюду, гдѣ у кого что можно найти изъ питательныхъ яствъ, приготовляла ихъ почти собственными руками и посылала ему въ пищу. А когда увидѣли сенатора въ тепломъ шлафрокѣ, въ колпакѣ и въ туфляхъ сидящаго на улицѣ близъ своей квартиры, то ничто не могло сравниться съ чувствованіемъ ихъ радости о выздоровленіи благодѣтельнаго защитника отъ клеветъ. Никто не смѣлъ сомнѣваться, чтобъ не прекрасное время заставляло его нѣсколько дней сряду по утру и вечеру, часовъ по четыре и болѣе, пользоваться такимъ образомъ весеннею погодою. И потому мимоходящіе, останавливаясь, смотрѣли на него съ удивленіемъ, а онъ на нихъ тоже, и не могли насытиться зрѣніемъ. Одинъ только опытъ открываетъ всякое тайное благо и всякое сокрытое зло. Между тѣмъ какъ плѣняющій своимъ добродушіемъ сенаторъ-ревизоръ, подъ видомъ болѣзни, сидитъ и, казалось, безъ всякаго дѣйствія остается въ губернскомъ городѣ, въ повѣтахъ собирались тучи, долженствовавшія разродиться доносами, клеветою и ябедою. Собирались и деньги, по десяти копѣекъ съ души, для вѣрнѣйшаго пущенныхъ стрѣлъ направленія къ своей цѣли. Собирались и дворяне-интриганты, чтобъ дѣйствовать,—дерзкіе, чтобъ клеветать, богатые, чтобъ слушать клевету, а простодушные, чтобъ раболѣпствовать и по-

виноваться интригѣ. Планъ былъ, во первыхъ, замануть сенатора въ Романовъ, потомъ, не заѣзжая ни въ одинъ повѣтовый городъ, возить его по всѣмъ тѣмъ домамъ, куда заблаговременно должны были съѣхаться недовольные дворяне и ихъ друзья, и гдѣ припасено по нѣсколько стопъ гербовой бумаги, для употребленія которой въ пользу недовольныхъ наняты были нѣкто Бобровскій и Примовичъ, общіе ябедники, получавшіе жалованье отъ Гижицкаго. Затѣмъ препроводить сенатора до Радзивилова, тамъ неотступно быть при немъ, пока къ пріему его превосходительства въ повѣтовыхъ городахъ все будетъ готово. По наступленіи времени, ѣхать Гижицкому и отборнымъ врагамъ Комбурлея, вмѣстѣ съ сенаторомъ, для обревизованія городовъ; послѣ того съѣхаться всѣмъ въ Кременцѣ, тамъ составивъ обвинительный противу Комбурлея и всѣхъ русскихъ чиновниковъ актъ, собраться всѣмъ маршаламъ и делегатамъ въ губернскій городъ и подписавъ его, отдать торжественно сенатору, который, по осмотрѣ въ Романовѣ фабрики, разомъ съ Ильинскимъ, въ началѣ іюля, долженствовалъ возвратиться въ Житоміръ. Естьли правосудіе не управляетъ предпріятіями человѣка, высочайшею довѣренностію облеченнаго, то все прочее служитъ жертвою сильнымъ страстямъ его, а ненаказанность усугубляетъ своевольства.

Наступилъ свѣтлый праздникъ—сенатору легче. На другой день еще легче. На третій день онъ совсѣмъ былъ здоровъ. Прощается съ Комбурлеемъ, Хрущовымъ и со всѣми чиновниками, увѣряетъ перваго въ отличномъ своемъ уваженіи къ его достоинствамъ, втораго въ дружбѣ, послѣднихъ въ добромъ къ нимъ расположеніи, а секретари его чистосердечные, откровенные, любезные—ну, такъ и лѣзутъ каждому въ душу. Но опыты всѣхъ временъ, а особливо нашего, доказываютъ истину, что чѣмъ щедрѣе кто расточаетъ обѣщанія, тѣмъ менѣе надобно вѣрить ихъ исполненію. Мы пренебрегли сіи правила и за то страдаемъ.

На четвертый день праздника, 22-го апрѣля, солнце при своемъ восходѣ не застало уже Сиверса въ Житомирѣ. Сопровождаемый благословеніями русскихъ душъ, онъ поѣхалъ по тракту, ведущему въ Радзивиловъ. Оставимъ его на нѣкоторое время

а поговоримъ о томъ, что было поводомъ къ посылкѣ сенатора въ волынскую губернію.

Отвѣтъ находится въ его запискѣ, поданной въ общее сената собраніе, гдѣ онъ говоритъ, что причиною къ тому послужили: во первыхъ, жалобы дворянства на счетъ грабительства, произведеннаго волынскимъ мѣстнымъ начальствомъ, принесенныя Государю Императору сенаторомъ графомъ Ильинскимъ, увѣренія его жъ Ильинскаго, что Комбурлей, которому поручено сдѣлать о томъ слѣдствіе, намѣренъ сокрыть истину отъ его императорскаго величества, и доносъ другаго сенатора, графа Стройновскаго, что Комбурлей насильственнымъ образомъ исторгалъ отъ дворянъ свидѣтельства и потому мѣры его клонятся къ сокрытію злоупотребленій, во вторыхъ—отношенія фельдмаршала Барклая-де-Толли къ министрамъ полиціи и финансовъ, коими приглашалъ онъ ихъ принять неукоснительныя мѣры къ пресѣченію происходившихъ по таможенной части злоупотребленій, въ третьихъ—отзывъ министра финансовъ, что власть и мѣры, входящія въ составъ таможеннаго начальства, не достаточны къ пресѣченію зла, естьли мѣстное начальство и земская полиція не будутъ ему содѣйствовать Въ сихъ трехъ пунктахъ и заключается существенная надобность, по которой посланъ Сиверсъ ревизоромъ въ волынскую губернію. Пока дойдемъ до развязки дѣла, объяснимъ посылку сенатора подобіемъ. Напримѣръ: къ богатому и знатному помѣщику, живущему по должности въ столицѣ, доходитъ черезъ нѣкоторыхъ его офиціалистовъ до свѣденія, что въ одной изъ отдаленныхъ его вотчинъ крестьяне раззоряются и утѣсняются экономіею; контора посылаетъ изъ столицы приказъ главному той вотчины управителю разыскать по жалобамъ крестьянъ. Объявляется въ деревняхъ на мірской сходкѣ, чтобъ всякъ изъ жителей, имѣющій претензіи къ десятцкимъ ли, соцкимъ, бурмистрамъ или старостамъ, объявилъ оныя передъ главнымъ управителемъ; крестьяне, не имѣя повода къ жалобамъ на экономію, отзываются о служителяхъ наилучшимъ образомъ; офиціанты, враги главнаго управителя, видя неудачу, вкось клевещутъ, что онъ старается скрыть истину отъ владѣльца и что насильствен-

ными мѣрами вынуждаетъ отъ крестьянъ въ пользу свою свидѣтельства. Наряжается отъ помѣщика ревизоръ съ повелѣніемъ осмотрѣть всю вотчину и войтить въ состояніе крестьянъ. Онъ отправляется медленно, а одинъ изъ официантовъ-доносщиковъ беретъ отпускъ, ѣдетъ прежде его въ вотчину, собираетъ своихъ родственниковъ и пріятелей, поселяетъ въ деревняхъ раздоръ и по личной злобѣ на управителя внушаетъ имъ, чтобъ приготовили сколько можно больше на экономическое управленіе жалобъ, не щадя и главнаго управителя. Друзья его помогаютъ волновать умы крестьянъ, во всѣхъ деревняхъ происходитъ большая суматоха, а между тѣмъ одинъ бурмистръ, ближайшій его родственникъ, коему обѣщано управительское мѣсто, нападаетъ на самого коммисара и чрезъ разсылаемыхъ отъ себя вѣстовщиковъ твоего партіи, научаетъ недовольныхъ крестьянъ, какіе именно и на кого принести жалобы и доносы. Пріѣзжаетъ въ имѣніе ревизоръ. Смотритъ теченіе дѣлъ, входитъ во всѣ части управленія, видитъ повсюду чрезвычайный порядокъ: строенія господскія въ найлучшемъ видѣ, гумна и анбары, наполненные хлѣбомъ, заведенія, приносящія помѣщику прибыль, въ самомъ отличномъ состояніи, на крестьянахъ ни казенныхъ, ни владѣльческихъ недоимокъ нѣтъ, дороги и мосты прекрасные, лѣса сбережены и расчищены, пруды наполнены рыбою. Ревизоръ восхищается и, отдавая должную справедливость главному управителю и его сотрудникамъ, съ величайшею объ нихъ похвалою о найденной во всѣхъ частяхъ исправности доноситъ помѣщику и домовой его конторѣ. Естьли бы послѣ этого случилось такъ, что сей самый ревизоръ, соединясь неразрывною дружбою съ бурмистромъ, враждующимъ главному управителю, ввѣрилъ всего себя его попеченіямъ, то есть на все окружающее смотрѣлъ его глазами и слушалъ его ушами, а желая узнать на мѣстѣ, отъ кого и какъ притѣснены крестьяне, поѣхалъ бы съ тѣмъ бурмистромъ по селеніямъ, и не примѣчая, что во всемъ по теченію экономіи совершенный происходитъ порядокъ, что крестьяне нисколько не разорены, что имѣютъ у себя хлѣбъ, скотъ и всякую домашнюю рухлядь, ни чѣмъ другимъ не занялся, кромѣ, по указанію недовольнаго бур-

мистра, началъ бы то у одного, то у другаго поселянина принимать просьбы на старость, на соцкихъ и на десяцкихъ и не требуя отъ просителей доказательствъ или свидѣтелей въ подтверждение справедливости жалобъ, а отъ обжалованныхъ не приемля никакихъ оправданій, сталъ бы удалять ихъ отъ мѣстъ и предавать суду, какъ преступниковъ, не разсмотря же надлежащимъ порядкомъ объ нихъ дѣлъ, доносилъ бы владѣльцу по одностороннимъ извѣтамъ, что вопль народный оглушалъ его и что на всякомъ шагу находилъ преступленіе, а между тѣмъ сопутствующій ему подуститель бурмистръ, въ глазахъ ревизора, собиралъ съ народа деньги,—чтобъ сказали о такомъ ревизорѣ, о такомъ бурмистрѣ и о конѣешномъ только незаконномъ сборѣ?—Обратимся теперь къ нашему ревизору сенатору. Когда онъ нашелъ во всѣхъ частяхъ управленія губерніею порядокъ и отрапортовалъ объ ономъ правительству, когда видѣлъ со всѣхъ дѣлъ и даже изъ свѣденій, представленныхъ ему отъ губернскаго маршала, что со стороны чиновниковъ и начальниковъ губерніи не могло быть притѣсненія дворянству, когда онъ всѣхъ ихъ чистосердечно разхвалилъ, то для чего отъ Ильинскаго или Гижицкаго не потребовалъ доказательствъ на принесенныя ими жалобы, или, по крайней мѣрѣ, для чего не спросилъ и не взялъ отъ нихъ списка, кто именно изъ помѣщиковъ ограбленъ, раззоренъ или чѣмъ обиженъ? Отвѣтъ готовъ: для того, что доказательства не было и нѣтъ. А всего болѣе, что денежная по 10 копѣекъ съ души складка не вся еще собрана и, куда по обѣщанію слѣдовало, не поступила. Одно только время откроетъ сіе важное обстоятельство. А мы посмотримъ, что дѣлается по выѣздѣ сенатора

Гижицкій, не дождавшись въ Романовѣ Сиверса, какъ предназначено было въ ихъ планѣ, прискакалъ оттоль верхомъ въ Житоміръ. Боже мой! какъ онъ смѣшался, когда, встрѣтясь съ Комбурлеемъ, узналъ о выѣздѣ сенатора. „Можно ли такъ безбожно обманывать и тайно отъ меня уѣзжать!—Не снесу, не стерплю, не попущу!“ были слова его.—Всѣмъ, кто смотрѣлъ на него, казалось, что въ то время адъ раскрылъ зѣвъ свой, чтобъ палить его жестокимъ огнемъ своимъ и терзать всѣми возможными

муками. Но притворство и въ семъ случаѣ не стоило его. Отобѣдалъ у Комбурлея, съ дружескою улыбкою пожалъ у него руку, сѣлъ на перекладную телѣжку и пустился догонять сенатора. Тутъ въ послѣдній разъ видѣли мы въ маскѣ того, который поѣхалъ отсель человѣкомъ, а возвратился къ намъ звѣремъ. Естьли бы Гижицкій тремя или двумя часами поспѣшилъ пріѣхать въ Новоградъ-Волынскъ, Сиверсъ не ревизовалъ бы тамошнихъ присутственныхъ мѣстъ, ибо недовольные начальствомъ дворяне того повѣта были всѣ въ Романовѣ, а безъ нихъ какая ревизія? Все найдено въ отличномъ порядкѣ, градская и земская полиція въ исправности и просьбъ никакихъ. Изумился сенаторъ, какъ это такъ сдѣлалось, что въ томъ повѣтѣ, гдѣ живетъ Ильинскій, ни одна душа ему не жалуется; но, увидѣвъ свою ошибку, въ другихъ за то четырехъ повѣтовыхъ городахъ, по тракту лежащихъ, какъ то: въ Острогѣ, Ровномъ, Дубнѣ и Кременцѣ не смѣлъ противу воли Гижицкаго приступить къ ревизіи. И для того пробѣжали сіи города *incognito*, а 24 и 25 апрѣля стали въ Радзивиловѣ, съ намѣреніемъ заняться преимущественно злоупотребленіями по таможнѣ.

Здѣсь позвольте мнѣ отступить нѣсколько отъ матеріи, нами продолжаемой, и въ откровенности изъяснить слѣдующую мысль мою. Когда всѣ части въ государствѣ, по естественному вещей порядку, съ начала составляются, потомъ возвышаются, процвѣтаютъ, а затѣмъ повреждаются, падаютъ и наконецъ изчезаютъ попеременно, для чего таможенная всегда въ совершенствѣ? Когда удары оружія, на большомъ пространствѣ пограничныхъ губерній, мѣшали посѣву земледѣльца и причиняли то, что хлѣбопашество сдѣлалось невозможнымъ, скотъ похищенъ, житницы опустошены, хижины сожжены, хозяева тысячами бѣжали въ иностранныя земли,—для чегожъ таможенные и пограничной стражи чиновники не только не похудѣли, но въ такое приведены состояніе, что обувь и платье стало имъ не въ пору? Когда въ тайномъ провозѣ товаровъ обвиняютъ исправниковъ, засѣдателей и всю полицію, для чего жъ награждаютъ главнаго начальника таможенной, а смотрителей и объѣзчиковъ не только не наказываютъ, но даже по-

дозрѣній не оставляютъ? Не потому ли сіе происходитъ, что у всякаго преступающаго законъ есть страхъ, а у нихъ никакого? Или для того, что у каждаго изъ нихъ, сверхъ привычки даромъ ничего не пропускать чрезъ границу, есть непонятное самонадѣяніе, будто никакой ревизоръ не возможетъ и не захочетъ причинить имъ зла? Кажется, убѣдительнымъ примѣромъ въ семъ случаѣ самъ г. Сиверсъ послужитъ, который за контрабанды перевернулъ вверхъ дномъ цѣлую волынскую губернію, однако-жъ таможенныхъ и пограничную стражу не только оставилъ въ покоѣ, но выгналъ изъ Радзивилова слѣдственную коммиссію, крайне имъ докучившую; сверхъ того начальнику округа Булгарію, за усмотрѣнное только имъ отличное усердіе къ службѣ, исходатайствовалъ повышеніе чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника. Правду сказалъ Лафонтенъ: «мы вѣчно будемъ то, чѣмъ быть намъ суждено. Гони природу въ дверь, она влетитъ въ окно».

Теперь приступимъ опять къ нашему предмету.

Какъ скоро узнали въ Романовѣ, что сенаторъ выѣхалъ въ Радзивиловъ, а Гижицкій побѣжалъ догонять его, такъ и данъ сигналъ ко всеобщему по всѣмъ повѣтамъ на губернское и мѣстное начальство возстанію недовольнаго дворянства. Наступило время анархіи. Не дѣйствовали ни угрозы губернскаго правленія, ни предписанія начальника губерніи. Дворянство обратилось къ Гижицкому, Гижицкій къ Сиверсу, а Сиверсъ къ насильственнымъ мѣрамъ. Наемные ораторы, ко многимъ тайно подсылаемые шпіоны были вездѣ виною гнусныхъ сценъ, при которыхъ даже святая истина служила коварнымъ людямъ игралищемъ. Безвластіе въ губерніи казалось единственнымъ средствомъ для достиженія недовольной партіи къ ея цѣли. Путь къ тому надлежало проложить безпорядками.—Ударили тревогу, выступили впередъ маршалы, со спирами донощиковъ, клеветниковъ и ябедниковъ: въ первомъ раду стояли промотавшіе въ чужихъ краяхъ свое имѣніе и въ замѣну того привезшіе съ собою развратъ благовоспитанные помѣщики, во второмъ—разорившіеся отъ процессовъ владѣльцы, коихъ имѣніе пожрали юристы, адвокаты, депутаты и судьи, въ третьемъ—по уши въ долгахъ сидѣвшіе дворяне, которые, намѣ-

реваясь отдать подъ разборъ свое имущество, искали благовидныхъ причинъ раззорить своихъ кредиторовъ, въ четвертомъ—заставные и арендные поссесоры, кои, безпрестанными въ пользу свою работами измучивъ крестьянъ, хотѣли сложить вину съ себя на мѣстное начальство, будто они довели ихъ до такого состоянія, въ пятомъ—эксъ-презесы, эксъ-маршалы, эксъ-подкоморіе, эксъ-хоронжіе, эксъ-депутаты, эксъ-судьи, получившіе по службѣ отъ начальства выговоры или понесшіе штрафы, либо имѣющіе личную къ кому-либо изъ русскихъ чиновниковъ претензію, въ шестомъ—кандидаты, дожидавшіеся мѣстъ городничскихъ, исправничьихъ, засѣдательскихъ, частныхъ приставовъ и квартальныхъ, въ седьмомъ—всѣ великопомѣстные и малопомѣстные владѣльцы, кои за участіе въ прежде бывшихъ мятежахъ и войнахъ, или за свое клятвопреступленіе, терпѣли сами или родственники ихъ изгнаніе, съ потерянiемъ имѣнія, и кои, чтобъ польстить свое мщеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ на прежнія поступки свои бросить оттѣнокъ, покрывающій самыя мрачныя черты ихъ характера, вздумали всю вину сложить съ себя на ключвойтовъ или на членовъ земской полиціи. Сенаторъ засталъ въ Радзивиловѣ слѣдственную комиссію, составленную изъ людей отличныхъ, командированныхъ туда министрами. Сіи чиновники, зная порядокъ и законное теченіе слѣдственныхъ дѣлъ, при всей своей готовности открыть истину, не могли даже въ теченіи восьми мѣсяцевъ, найти доступъ къ ней, потому что графъ Булгарій оказывался первою причиною всякихъ безпорядкозъ и виновникомъ явныхъ злоупотребленій Но Булгарій, надѣясь на права свои, ускакалъ въ Вѣну, желая видѣть конгрессъ, а заступавшій его мѣсто не понравился г. сенатору, который, желая все дѣлать хоть непрочно, да скоро, на третій день по пріѣздѣ въ Радзивиловъ, подъ видомъ якобы найденнаго имъ къ дѣлахъ коммисіи безпорядка, представилъ 30 апрѣля съ нарочнымъ с.-петербургскому военному губернатору объ уничтоженіи оной. И въ самомъ дѣлѣ, на что ей быть очевидною свидѣтельницею тѣхъ сенаторскихъ распоряженій, подъ защитою которыхъ самыя важнѣйшія преступленія пограничной стражи вообще и начальника ея въ осо-

бенности, ради непроницаемой какой-то запутанности обстоятельствъ, преданы вѣчному забвенію. Къ томужъ сенаторъ, посѣщая въ Радзивиловѣ таможню, не замѣтилъ никакого безпорядка и злоупотребленія, кромѣ, что въ пакгаузѣ множество контрабандныхъ товаровъ, оцѣненныхъ во сто тысячь рублей, приходили въ большую порчь отъ лежанія. Для чегожъ, говорили сенатору, не продать ихъ съ публичнаго торгу, а во время продажи за чѣмъ быть членамъ слѣдственной коммисіи? Надобно непремѣнно прогнать ихъ. Когдажъ по секрету спрашивалъ нѣкто у таможенныхъ служителей, какіе то были товары, что отъ полугодоваго лежанія начали портиться? Конечно, лимоны или апельсины?—„нѣтъ, говорили улыбаясь объѣзчики,—то шелковыя и бумажныя дорогія матеріи, да тонкое сукно и полотно", и прибавляли: «Наши господа долго, очень долго говорили, пока могли увѣрить Сиверса, что пакгаузъ не магазейнъ и не лавка, гдѣ такого сорта товары могутъ лежать по десяти лѣтъ безъ порчи», а сенаторъ и былъ такъ добръ, что, не дождавшись отъ министра финансовъ отвѣта, назначилъ заблаговременно никому другому, а только Ерингу, таможенному 2-му члену, быть при продажѣ съ публичнаго торгу оныхъ товаровъ. Да, продолжалъ разсказывающій мнѣ исторію о волынской революціи чиновникъ, цѣлой Бердичевъ—свидѣтель, какъ ловко сіи или только имъ уже подобные товары продавались Ерингомъ въ квартирѣ самаго сенатора, при глазахъ его. Они всѣ святые люди, ничѣмъ не пользуются. Другое не менѣе важное дѣло сдѣлалъ г. сенаторъ 2-го мая, пославъ приближеннаго къ себѣ чиновника Кіянова, съ радзивиловскими факторами, ловить товары по чертѣ границы; а 4-го мая далъ ему знать Гижицкій, что въ повѣтахъ все готово къ принятію ревизора.

Тотчасъ собрались къ отъѣзду. Устроился парадъ: впереди нѣсколько молодыхъ дворянъ, сопутствующихъ обыкновенно Гижицкому въ жидовскихъ бричкахъ; за ними два или три маршала въ колясках, потомъ секретари ихъ на перекладныхъ телѣжкахъ, далѣе многочисленная канцелярія губернскаго маршала, за нею въ огромной бричкѣ писцы, договоренные къ сочиненію и перепискѣ просьбъ, а на особой повозкѣ тюкъ съ гербовою бума-

гой; вслѣдъ за ними сенаторскіе секретари, въ собственныхъ недавно купленныхъ бричкахъ, на рессорахъ, и такъ много наполненныхъ всякою всячиною, что едва сидѣть можно; наконецъ четвероместная карета сенатора-ревизора, въ которой, кромѣ ревизора, сидѣли Гижицкій, Вейдемееръ и чухонка Анхенъ. Любопытные примѣтили, что карета выѣзжала изъ Радзивилова гораздо грузнѣе, нежели туда въѣхала и что дѣвка Анхенъ отъ шкатулки ни на шагъ не отходила.—Приближаются къ городу Дубно. Приготовленный для встрѣчи народъ гонятъ десяцкіе впередъ палками. Жиды заняли замковые ворота и стояли съ балдахиномъ и десятью Моисеевыми приказаніями, а вдоль по улицѣ мѣщане держали свои цеховые знаки. Сенаторъ скромный, не любящій церемоніи и не терпящій никакихъ оказываемыхъ ему почестей, еще передъ городскими воротами вылѣзъ изъ кареты, и въ сопровожденіи многочисленной свиты своей, въ мундирѣ съ генеральскими эполетами и въ шарфѣ, изволилъ идти пѣшкомъ, потомъ милостиво выслушавъ подъ балдахиномъ сказанную въ похвалу себѣ жидовскую рѣчь, продолжалъ путь съ открытою головою до самой площади. Всѣ окружающіе его шли безъ шляпъ. Естьли бы при семъ случаѣ звонили въ колокола, то бы всякъ подумалъ, что идетъ по большой улицѣ похоронная процессія. Земской и градской полиціи члены съ трепетомъ шли впереди, за то повѣтовой судъ, магистраты и всѣ отъ выборовъ зависящіе чиновники терлись пола объ полу съ сенаторомъ.

— Ведите меня въ нижній земскій судъ, сказалъ онъ Гижицкому.

— Тамъ нечего дѣлать, отвѣчалъ сей, а дубенскій маршалъ подхватилъ:

— У насъ исправника нѣтъ, переведенъ въ другой повѣтъ, а засѣдатели съ нашей руки.

— Ну, такъ пойдемъ въ полицію. Кто у васъ полицемейстеръ?

— Отставной подполковникъ Корфъ, такой дерзкій старикъ, что никому не даетъ покою, не смотритъ ни на дворянина, ни на его ордена, однимъ только русскимъ генераламъ угождаетъ и за то любимъ Комбурлеемъ.

— Вотъ я жъ его! только приготовьте жалобъ побольше.

Приходятъ въ полицію; сенаторъ вдругъ встрѣчаетъ Корфа сими словами:

— Гдѣ ты служилъ?

— Цѣлой вѣкъ въ военной службѣ, ваше превосходительство.

— Не тотъ ли ты Корфъ, что тридцать лѣтъ тому назадъ командовалъ арнаутами?

— Тотъ самый.

— А... а... Такъ я знаю сего буяна.—У тебя дѣла запущены?

— Нѣтъ, ваше превосходительство, только есть два не исполненныхъ по краткости времени.

— Инструментовъ пожарныхъ нѣтъ.

— Ежели угодно посмотрѣть, найдете всѣ, сколько быть должно.

— Десяцкіе не одѣты и не въ комплектѣ.

— Вотъ 25 человѣкъ, какъ положено, и всѣ по образцу въ новомъ одѣяніи.

— Что ты оправдываешься? на тебя цѣлой городъ кричитъ, что ты грабишь и разоряешь жителей.

— Напротивъ того, ваше превосходительство, на меня кричитъ одинъ только помѣщикъ, владѣлецъ здѣшній, что я запретилъ учрежденную имъ монополію на хлѣбъ и прочіе съѣстные припасы, а жители всѣ мною довольны. Извольте спросить сами. Тутъ Гижицкій, Гостынскій и другіе дворяне отозвались въ одинъ голосъ:

— Какой грубіянъ! Какая дерзость!

А сенаторъ:

— Я вижу, что Комбурлей васъ избаловалъ. Завтра же тебя подъ судъ, стараго негодяя!

И хлопнулъ дверями, выходя изъ полиціи.

А Фіялковскій и Михельсонъ, секретари Сиверса, приступили къ Корфу съ совѣтами, чтобъ онъ просилъ о пощадѣ своей Гижицкаго или бы искалъ прощенія у сенатора чрезъ дворянъ.— Корфъ отвѣчалъ имъ лаконически:

— Я такимъ подлецомъ, какъ ...... не былъ и никогда не буду.

На другой день тридцать просьбъ и столько же доносовъ

поступило на Корфа къ сенатору, изъ коихъ важнѣйшія были слѣдующія: что Корфъ играетъ въ карты съ графомъ Булгаріемъ и однажды, примѣтивъ нескромность его пальцовъ, поступилъ съ нимъ очень неделикатно, что когда одинъ жидъ, дѣлая для пожарныхъ лошадей упряжь, перепортилъ хомуты, то Корфъ, примѣряя ихъ къ его головѣ, сказалъ, видишь, какъ они узки, что на тебя не взойдутъ; слѣдовательно, онъ запрягалъ жида въ хомутъ; что чрезъ Дубно идутъ контрабанды, которые провожаются таможенными и, въ глазахъ Булгарія и Байкова, переправляются за рогатку контрольной таможни; слѣдовательно, Булгарій и Байковъ правы, а Корфъ виноватъ, зачѣмъ не видѣлъ и не заарестовалъ ихъ. Прочіе доносы были въ ближайшемъ родствѣ съ выпущенными на всѣхъ русскихъ чиновниковъ. Однакожъ сенаторъ еще столько былъ милосердъ, что отдалъ Корфа не подъ судъ, а подъ слѣдствіе, а чрезъ нѣсколько мѣсяцей, когда донесено, что Корфъ, по указу губернскаго правленія, объявилъ въ городѣ объ окончаніи ревизіи сенатора, то тогда уже отрѣшилъ его отъ мѣста и, по упомянутымъ жалобамъ, велѣлъ судить. Корфъ въ Житомірѣ умеръ, такъ сказать, съ голоду; жена тоже за нимъ пошла во гробъ, а мщеніе исполнено настояще по рыцарски.

Послѣ полиціи, ревизія прочихъ судебныхъ мѣстъ оставлена до утра. Между тѣмъ ночью сенаторъ, не выступая изъ своихъ правилъ, ходилъ по всѣмъ смраднымъ жидовскимъ закоулкамъ, собиралъ свѣденія о провозѣ контрабандовъ, о расположеніи жителей къ начальникамъ губерніи, о состояніи кагальныхъ, и слушалъ съ умиленіемъ, какъ нижній классъ евреевъ, извѣстный подъ именемъ цеховыхъ, лгалъ и клеветалъ на купцовъ, на сборщиковъ податей и на зажиточнѣйшихъ своихъ собратій изъ гражданъ. А Гижицкій съ своими поборниками цѣлую ночь упражнялся въ сортированіи просьбъ.

Какъ бы, вы думали, происходило ихъ приготовленіе?—Вы скажете, что всякій дворянинъ, имѣющій поводъ къ жалобамъ, изъяснивъ оные кратко и основательно, по пунктамъ, самъ или посредствомъ другаго, составитъ изъ того, какъ должно, просьбу, потомъ на гербовой бумагѣ перепишетъ и подпишетъ и съ пріобщеніемъ къ ней доказательствъ подастъ лично г. сенатору?

— Да.

— Такъ, по вашему, сколько бы гдѣ поступило просьбъ къ сенатору, выключая пересылаемыхъ черезъ почту, столько долженствовало и просителей быть у него на лицо?

— Конечно.

— Хорошо, и по закону такъ слѣдовало; а естьли я вамъ раскажу совсѣмъ противное?

— Быть не можетъ.

— Божусь и увѣряю въ томъ моею честію. Вотъ какъ происходило.

Извѣстно изъ предыдущаго, что, кромѣ повѣтовыхъ маршаловъ, въ каждомъ уѣздѣ было по нѣсколько человѣкъ отборныхъ зачинщиковъ волынской революціи, дѣйствовавшихъ за одно съ Гижицкимъ, Ильинскимъ, Стройновскимъ и Ворцелемъ; напримѣръ въ житомирскомъ—Букарь и Охоцкій, въ новоградъ-волынскомъ—Ольшевскій и Вележинскій, въ острогскомъ—Кароль Яблоновскій и Прушинскій, въ ровенскомъ—Яловицкій и Стецкій, въ дубенскомъ—Ледуховскій и Яновскій, въ кременецкомъ—Држевецкій и Дениско, въ луцкомъ—Быстрый и Шиметъ, во владимірскомъ—Гостынскій и Ропикеръ, ковельскаго—Черницкій и Весоловскій, заславскаго—Валѣвскій и Янишевскій, староконстантиновскаго—Ржеуская и Кохановскій, овруцкаго—Галецкій и Залынскіе. Извѣстно, что когда, по возвращеніи Ильинскаго и Гижицкаго изъ столицы, были въ Романовѣ и въ другихъ мѣстахъ мятежныя сборища, что когда получено увѣдомленіе о назначеніи сюда ревизора, то маршалы, и сами собою, и черезъ наемныхъ ораторовъ, то силою, то просьбами, то происками, кого могли, возбуждали къ участвованію въ ихъ конфедераціи. Наконецъ извѣстно о томъ, что едва Сиверсъ занесъ ногу свою въ Житомиръ, то вся губернія пришла въ судорожное движеніе. Чтожъ дѣлали всѣ сіи образцовые люди?—Открыли для пиршествъ собственные и друзей своихъ дома, учредили небывалыя празднества, приглашали на оныя богатыхъ и бѣдныхъ сосѣдей и среди забавъ толковали безпрестанно, что настоящее и будущее ихъ счастіе зависитъ отъ единомыслія, что не порознь, а совокупно должно дѣйствовать противу Комбурлея и противу губернскаго и мѣстнаго начальства, что сенаторъ Сиверсъ уже на ихъ сторонѣ, что онъ все то сдѣлаетъ, чего желать и просить будемъ. Потомъ говорили: вспомните, что мы терпѣли и терпимъ. И начали изчи-

слять. Погонщики за рекрутъ не зачтены, рекруты изъ ревизіи не исключены, помѣщики за взятой хлѣбъ не удовлетворены, обывательскія тройки не спущены, разоренные повѣты отъ дачи лошадей не освобождены, засѣдатели, отъ короны определенные, не удалены, маршалы наши не знаютъ ни о какихъ указахъ и распоряженіяхъ правительства и даже увольнены, мы не пользуемся ни подрядами, ни откупами, продовольствуемъ въ пути арестантовъ безъ платежа, отводимъ пастбища для войскъ въ самыхъ сѣнокосныхъ мѣстахъ, раззоряемся воинскими командами, а начальство не защищаетъ. Въ какомъ теперь состояніи наши поселяне? А что стоятъ рекруты? Что отдача лошадей? Что платежъ въ казну податей?—Неужели вы не имѣете причинъ къ жалобамъ? Противу сего нѣкоторые изъ благомыслящихъ отзывались такъ: чтожъ виноватъ Комбурлей или мѣстное начальство, естьли я или другой не просилъ и не взялъ на погонщика квитанцію, если не представилъ требуемыхъ неоднократно списковъ рекрутамъ, естьли на удовлетвореніе за хлѣбъ денегъ изъ казны не отпущено, естьли о снятіи троекъ повелѣнія не послѣдовали, естьли брать лошадей и съ раззоренныхъ повѣтовъ приказано, естьли засѣдатели отъ короны гораздо способнѣе къ должности, нежели служащіе по выборамъ, естьли не маршальское дѣло публиковать указы, естьли мы сами никогда не являемся къ торгамъ на подряды и откупы, а когда и пріѣзжаемъ, то безъ залоговъ, естьли на пустыхъ и голыхъ мѣстахъ пастбищъ для казенныхъ лошадей быть не можетъ, естьли военнымъ командамъ о нераззореніи насъ даемъ сами квитанціи и естьли сами же мы запускаемъ подати въ недоимку? А въ разсужденіи отдачи рекрутъ и лошадей виновато ли правительство, что насъ обираютъ и обманываютъ наши отдатчики, которые потомъ на наши же деньги купили себѣ недвижимыя имѣнія или отъ насъ же самихъ взяли деревни въ аренду? Но всѣ таковыя выраженія оставались безъ успѣха, ибо гдѣ дѣйствуютъ страсти, тамъ не слушаютъ голоса благоразумія. Послѣ споровъ и противурѣчій садились за столъ. Покалы съ венгерскимъ и самыхъ скромныхъ дѣлали дерзкими. Послѣ обѣда попойка удвоилась, разговоры возвышались, претен-

зіи прибавлялись, ненависть къ начальству часъ отъ часу возрастала, партія недовольныхъ усиливалась, а хозяинъ дома или одинъ изъ друзей его, ставъ на возвышенномъ мѣстѣ, проситъ *о голосъ*, то есть, чтобы позволили ему говорить. Пьянственный шумъ умолкаетъ, а онъ, показывая собранію заблаговременно составленныя и въ общую просьбу обращенные дворянскихъ жалобъ пункты, начинаетъ точно то читать, о чемъ я вамъ говорилъ прежде, только добавляетъ лица и Комбурлея вмѣшиваетъ во всякое дѣйствіе. Окончивъ чтеніе, возглашаетъ: кто любитъ отечество и благо своихъ земляковъ, тотъ да приступитъ сюда и подпишетъ на сей бумагѣ свое имя. Партія недовольныхъ бѣжитъ къ столу первая, потомъ однихъ ведутъ, а другихъ несутъ туда и никто не смѣетъ не приложитъ руки своей къ толико непринужденной, справедливой и безпристрастной просьбѣ. Подаютъ вновь покалы. Виватъ, Сиверсъ! Ильинскій! Гижицкій! виватъ, повѣтовые маршалы!—раздается по всему пространству дома. Напослѣдокъ вся сія комедія-опера оканчивается колѣнопреклоненіями одного передъ другимъ, признаніями въ совершенномъ невѣденіи, что они подписали, увѣреніями въ постоянной ненависти къ русскимъ чиновникамъ и всеобщимъ недоумѣніемъ, какой успѣхъ имѣть будетъ клевета. Хозяинъ, унося просьбу, оповѣщаетъ всѣхъ, что сей же часъ представляетъ пункты жалобъ ихъ повѣтовому маршалу, а собраніе отвѣчаетъ крикомъ, что истину общеподписанную готовы утвердить частными показаніями.

На другой день хозяинъ и его друзья, каждый особенно подхвативши себѣ писаря, по русски силлябизующаго, и взявъ нѣсколько дестей гербовой бумаги, отправляются по вчерашнимъ гостямъ, куда кому назначено, и пока еще не простылъ въ головахъ у нихъ жаръ, принуждаютъ сдержать данное слово и по обѣщанію дать частное показаніе. Полупьяный претендаторъ косвеннымъ языкомъ бормочетъ о Комбурлеѣ, о губернскомъ начальствѣ, о насиліяхъ полиціи, о вымогательствахъ, о грабежѣ отъ войскъ, о ключвойтахъ и Богъ знаетъ о чемъ. Безграмотный писарь чертитъ по словамъ его планъ просьбы къ Сиверсу, а ново-пріѣзжій наблюдаетъ, чтобы не вкралась туда жалоба на кого либо изъ

польскихъ чиновниковъ. Симъ образомъ поспѣвшая просьба тамъ же подписуется, а послѣ пріобщается къ прочимъ таковымъ же, а когда ихъ соберется пятьдесятъ, сто и болѣе, тогда всѣ разомъ препровождаются къ повѣтовому маршалу, который, доставъ въ свои руки столь богатый скарбъ, хранитъ его, какъ зѣницу ока, до пріѣзда господина сенатора. Но на этомъ еще не конецъ. Даютъ сигналъ, что въ такой то день Сиверсъ выѣзжаетъ для ревизіи городовъ повѣтовыхъ. Отъ маршала летятъ по деревнямъ письма и повѣстки, чтобъ явились всѣ претендаторы туже минуту. Начинщики раздоровъ всѣ въ городъ, а изъ подписавшихъ просьбы иной забылъ, что послалъ жалобу, другой боится, третій не помнитъ, къ какой бумагѣ приложилъ свою руку, четвертый жалѣетъ издержекъ, пятый говоритъ, что и безъ него дѣло обойдется. Итакъ не пріѣхало и третьей части, за то другіе изъ любопытства или по надобности явились въ городъ безъ особаго приглашенія. Тутъ-то уже недовольные начальствомъ общими силами старались и сихъ преклонить на свою сторону. Для нихъ то Гижицкій приготовлялъ жалобы самъ, а наемная канцелярія переписывала. Какъ же теперь представлять жалующихся? Ихъ на лицо сто или еще меньше, а просьбъ триста или четыреста? Бѣглый въ махіавелевой наукѣ умъ нашелъ прекрасное къ тому средство, и вотъ какое: какъ скоро сенаторъ пріѣзжаетъ въ повѣтовый городъ, то тамошній маршалъ Гижицкому, а Гижицкій сенатору доноситъ, что нѣсколько сотъ несчастныхъ обывателей съ жалобами на обиды и притѣсненія, отъ губернскаго начальства претерпѣваемыя, ожидаютъ отъ него справедливости, милосердія и покровительства. Потомъ Гижицкому вручаютъ списокъ, кто изъ дворянъ есть на лицо, а кого изъ подписавшихъ жалобы нѣту. На другой день рано собираются всѣ наличные къ повѣтовому маршалу. Гижицкій видитъ, что ихъ очень мало, уговариваетъ судій, подсудковъ, юристовъ, палестрантовъ, а гдѣ есть, то и студентовъ соединиться съ первыми. И такимъ образомъ умноживъ число, ведетъ ихъ въ препровожденіи маршала къ сенатору на дворъ, гдѣ между тѣмъ стоитъ собранная тѣмъ же манеромъ толпа жидовъ, мѣщанъ, женщинъ, дѣтей и разнаго званія людей,

вводятся дворяне въ комнату сенатора, и тѣ, кои въ рукахъ держатъ просьбы, ставятся въ первые ряды. Выходитъ сенаторъ-ревизоръ. Гижицкій представляетъ ему повѣтоваго маршала, дворянство и толпу народа съ перваго взгляда многочисленную. Сиверсъ проговорилъ предъ ними длинную рѣчь о достоинствѣ власти и могуществѣ ревизора, о выборѣ къ тому въ его особѣ учиненномъ, о высочайшемъ къ нему довѣріи, обыкновенно оканчиваетъ слово свое вопросомъ: не имѣете ли какихъ отъ кого либо обидъ и притѣсненій? Тутъ слышимы становятся со всѣхъ сторонъ голоса. Насъ угнетаютъ, притѣсняютъ, раззоряютъ, грабятъ и вымучиваютъ поборы въ-двое и въ-трое, а къ тому запрещаютъ жаловаться. Кто? что? какъ?—На сіи вопросы иной отвѣчалъ: губернское начальство, другой говоритъ: мѣстная полиція, исправники, городничіе, тотъ кричитъ: стрянчіе, засѣдатели отъ короны и ключвойты, а сей войска, провіантскіе смотрители и пріемщики.—Не забыли нѣкоторые о казначеяхъ, секретаряхъ и канцелярскихъ служителяхъ; всѣ же вообще объявили, что они не довольны начальникомъ губерніи. (Пройдите всю Россію, спросите у крестьянъ въ деревняхъ, довольны ли они своими прикащиками или старостами? Что они скажутъ? Принесутъ тысячи жалобъ—для чего? для того, что рады всякую недѣлю имѣть новаго управителя). Сенаторъ опять къ нимъ отзывается: „ахъ, какъ вы несчастны! отдайте просьбы свои губернскому маршалу, а мы разсмотримъ ихъ. Я донесу моему государю и правительству о вашихъ бѣдствіяхъ. Я знаю, все знаю, что вы терпите. Будьте покойны!“—Когда дворяне уходили, то впускали тѣмъ же порядкомъ жидовъ, мѣщанъ и всю на дворѣ стоявшую сволочь. Тѣже были вопросы, тѣ отвѣты, тѣ восклицанія, тѣ увѣренія и тѣмъ же путемъ достигали просьбы къ сенатору. Еще не конецъ исторіи. Гижицкій, чтобъ представить Сиверсу, сколь многочисленно жалующееся дворянство, послѣ ревизорской аудіенціи, одну часть изъ прежнихъ просителей командируетъ въ повѣтовый судъ, чтобъ тамъ стояли и ожидали бъ прибытія его съ сенаторомъ, другую такимъ же образомъ въ нижній земскій судъ, а третью въ казначейство. Итакъ куда сена-

торъ не приходитъ, вездѣ встрѣчается съ жалобами. Лица тѣже, но дѣйствія новыя и явленія безпрестанно перемѣняются; слѣдовательно, судя по числу просьбъ, не трудно было увѣрить сенатора, что въ такомъ-то городѣ было дворянъ просителей триста, въ такомъ-то четыреста, тамъ двѣсти пятьдесятъ, а въ томъ двѣсти—вездѣ-же около трехъ тысячъ, а въ самомъ дѣлѣ не было ихъ во всѣхъ городахъ и пятисотъ. Вотъ какъ по всѣмъ повѣтамъ происходили наборы просителей, доступъ ихъ къ сенатору и пріемъ жалобъ. Надобно повѣтовымъ маршаламъ быть слѣпымъ, дабы не видѣть, что они во все время конфедераціи романовской были ничто иное, какъ гладіаторы, подстреваемые недовольною партіею къ тому, чтобъ, во вреду своей чести, поддерживать вражду, обѣщавшую вѣрную пользу двумъ только человѣкамъ: Ильинскому и шурину его Гижицкому.

— Извините меня,—сказалъ мой историкъ:—я такъ заговорился, что позабылъ, гдѣ мы оставили сенатора.

— Въ Дубнѣ, отвѣчалъ я,—поднявшаго десницу свою на Корфа и готоваго разить всякое русское чиноначаліе.

— Правда, правда, и продолжалъ такъ:

Послѣ осмотра полиціи, на другой день г. ревизоръ былъ страдательною причиною тѣхъ дѣйствій и явленій, которые по порядку выше сего мною описаны, то есть принималъ дворянство, мѣщанство и жидовъ, говорилъ къ нимъ рѣчь, слушалъ ихъ словесныя жалобы, письменныя поручилъ Гижицкому, показывалъ на словахъ и на лицѣ своемъ неудовольствіе къ Комбурлею, отзывался весьма худо на счетъ губернскаго начальства, членовъ градской и земской полиціи величалъ мошенниками, казначеевъ ворами, а ключвойтовъ разбойниками. Потомъ, расхваливъ въ повѣтовомъ судѣ и въ магистратѣ служащихъ по выбору членовъ, побранивъ нижній земскій судъ и стряпчаго за дѣла, по случаю бывшихъ военныхъ обстоятельствъ неконченныя, подтвердивъ казначею, чтобъ былъ въ своей должности еще исправнѣе, отдавъ подъ слѣдствіе Корфа и кагальныхъ, выѣхалъ въ Луцкъ, провожаемый далеко за городъ зрителями таковой небывалой никогда въ здѣшнемъ краю скороспѣшной ревизіи.

Въ Луцкѣ тѣже сцены, тѣже дѣйствія, но съ нѣкоторою перемѣною въ явленіяхъ. Въ Дубнѣ не было исправника, для того обрушилось мщеніе на полицмейстера; а въ Луцкѣ не было городничаго, для того напали на нижній земскій судъ. Трудно было при такихъ обстоятельствахъ остановить стремленіе пристрастныхъ побужденій. Исправника луцкаго не возлюбили съ тѣхъ поръ въ повѣтѣ, какъ имъ стали довольны военные генералы, войска и гражданское начальство, слѣдовательно во время переворота нельзя было уже удержаться ему на своемъ мѣстѣ, а какъ средства къ удаленію всякаго отъ должности состояли въ томъ, чтобъ кто нибудь его обжаловалъ, то безъ дальняго труда нашли двадцать помѣщиковъ, подписавшихъ вообще и порознь просьбы съ жалобою на исправника, а на другой день, не спрашивая отъ просителей доказательствъ и оправданія отъ отвѣтчика, отрѣшеніе его было готово. Странно, что уже и бумага о томъ была сенаторомъ подписана, но не имѣла дѣйствія. Говорятъ, что на сторонѣ исправника была канцелярія. Итакъ строгость, наказывая въ жару гнѣва, всегда почти заблуждается, и милость ея не въ милость. Исправникъ подалъ послѣ въ отставку и увольненъ съ честію. Да и самые тѣ дворяне, кои его обжаловали, дали черезъ годъ свидѣтельство, что никакой обиды отъ него не чувствовали и никакой претензіи къ нему не имѣютъ. Впрочемъ въ Луцкѣ, какъ и въ Дубнѣ, по всѣмъ присутственнымъ мѣстамъ найденъ совершенной порядокъ, отдана благодарность и путь взятъ во Владиміръ.

Тутъ таже церемонія, таже процессія, но съ большими декораціями. Дворянству надобно было сбыть съ рукъ исправника Фаеріуса и городничаго Янковича; Фаеріуса за то, что онъ во времена браней съ Наполеономъ, ревностію къ службѣ и усерднымъ отправленіемъ своей должности столько отличался, что командующіе арміями: фельдмаршалъ князь Кутузовъ, князь Багратіонъ, графъ Тормасовъ и адмиралъ Чичаговъ, кромѣ прочихъ генераловъ, отдавали трудамъ его и дѣятельности величайшую похвалу, начальникъ-же губерніи, въ вознагражденіе таковыхъ заслугъ, исходатайствовалъ ему два ордена: Владимірской и Анненской, да

пожалованіе чиномъ колежскаго ассесора. Къ тому-жъ еще говоритъ, что въ 1812 году, по случаю неоднократнаго впаденія его, Фаеріуса, съ передовыми козачьими командами въ предѣлы тогдашняго варшавскаго герцогства, отъ тамошняго правительства положена даже была за его голову плата. Преступленіе Янковича состояло въ томъ, что онъ съ молодыхъ лѣтъ знакомъ Комбурлею и что, по усердію къ своей обязанности, доносилъ начальнику о неблагопристойности и измѣнѣ нѣкоторыхъ владимірскихъ помѣщиковъ. При обревизованіи сенаторомъ нижняго земскаго суда, окружающая его вмѣстѣ съ Гижицкимъ толпа дворянства и письменно и словесно просили удалить Фаеріуса отъ должности, а естьли сего не послѣдуетъ, то они выѣдутъ жить за границу. Любопытно было видѣть, какъ обжалованный исправникъ, при глазахъ ревизора Сиверса, одинъ противу многихъ возставшихъ на него помѣщиковъ огрызался и доказалъ, что просьбы ихъ неосновательны, желанія пустыя, а жалобы ничего незначущія. Однако-жъ едва-ли-бы успѣлъ Фаеріусъ, естьли-бы не оправдывался и не объяснялся съ г. Сиверсомъ на нѣмецкомъ языкѣ, отъ котораго звуки, а особливо ланцманства такъ много подѣйствовали на сердце сенатора, что онъ, дабы, чрезъ отрѣшеніе отъ мѣста и отдачу Фаеріуса подъ судъ, не причинить ему несчастія, милостиво совѣтовалъ проситься въ отставку. Просьба подана; онъ увольненъ, и дворяне вострубили побѣду. Янковичъ сербинъ, по нѣмецки не знаетъ, а къ тому-же голъ и немощенъ, для того по одной безъдоказательной просьбѣ помѣщика, будто городничій опустошилъ его лѣсъ, отрѣшенъ отъ должности и преданъ суду. Забавно слушать, что черезъ восемь мѣсяцей потомъ, когда проситель на Янковича, Пригоцкій, оказался по слѣдствію безъдоказательнымъ клеветникомъ, а городничій во всемъ правъ, то сенаторъ, предписавъ отдать перваго подъ судъ за ябеду, послѣдняго не допустилъ къ мѣсту, а еще забавнѣе, что отданный подъ судъ клеветникъ Пригоцкій, безъ судоваго оправданія, избранъ въ должность владимірскаго исправника и Гижицкимъ утвержденъ, а 65-ти-лѣтній Янковичъ, не имѣя куска хлѣба и прибѣжища, считается подъ судомъ, и выѣздъ ему изъ губерніи запрещенъ. Хорошо такъ искоренять

злоупотребленія! Кромѣ сихъ двухъ жертвъ сенаторской политики, отрѣшены, изъ угожденія дворянству, засѣдатели отъ короны, а послѣ обыкновеннаго одобренія и похвалы за найденную во всѣхъ частяхъ по повѣту и городу Владиміру исправность, повезъ ревизора Гижицкій въ Ковель.

Здѣсь такимъ-же образомъ забравши приготовленный запасъ жалобъ, расхваливши всѣ присутственныя мѣста, разругавши жидовскихъ кагальныхъ, сенаторъ Сиверсъ принужденъ былъ показать безпристрастную справедливость надъ земскимъ исправникомъ Смирницкимъ. Вы, можетъ быть, подумаете, что у него въ повѣтѣ дороги, мосты и гати неисправны, что недоимка запущена, что много важныхъ колодничьихъ дѣлъ слѣдствіемъ неконченныхъ? Совсѣмъ нѣтъ. Юристъ Веселовскій, да еще какая-то помѣщица, подали сенатору на него жалобу о грубомъ обращеніи исправника съ дворянами. Веселовскій представилъ въ доказательство письмо Смирницкаго, изобличающее самаго-же просителя въ клеветѣ, а помѣщица голословно представляла, что исправникъ въ 1813 году, внезапнымъ для войскъ требованіемъ изъ деревни ея подводъ и личнымъ затѣмъ въ оную своимъ прибытіемъ, перепугалъ ее до смерти. Дворянство не хотѣло имѣть у себя Смирницкаго. Повѣтовый маршалъ шепнулъ о томъ Гижицкому, Гижицкій представилъ столь важную причину сенатору. Жалобы изготовлены, подписаны и поданы. Чего-жъ долго дожидаться? Отрѣшить Смирницкаго отъ должности и предать суду. Отрѣшенъ и судится Но ни одинъ судъ не знаетъ, какъ взяться за это дѣло, а подсудимый бѣдникъ, страдая напрасно, не находитъ нигдѣ помощи, ибо рука Сиверса лежитъ на немъ. Помышляя о семъ, по неволѣ скажемъ такъ: снѣжный шаръ тѣмъ болѣе увеличивается, чѣмъ болѣе его катаютъ.

Между тѣмъ какъ удобопреклонностію сенатора къ слушанію пустыхъ жалобъ насыщалась недовольной партіи жадность къ перемѣнѣ исправниковъ и другихъ полицейскихъ чиновниковъ, въ губернскомъ правленіи состоялись два опредѣленія и по онымъ посланы указы: первое о томъ, что буде-бы не имущимъ крестьянамъ помѣщики не давали пропитанія (какъ то случилось въ

одной сказанной тамъ деревнѣ, гдѣ поселяне пухли съ голоду), то велѣно земскому начальству брать господскій хлѣбъ и кормить голодныхъ крестьянъ, а второе—по поводу перехваченныхъ и къ начальству доставленныхъ маршальскихъ повѣстокъ о незаконномъ сборѣ съ души по десяти копѣекъ для Гижицкаго, чтобъ впредь повѣтовые маршалы посылали къ дворянамъ повѣстки свои не прямо отъ себя, но посредствомъ нижнихъ земскихъ судовъ, съ увѣдомленіемъ содержанія оныхъ, а въ случаѣ незаконности, судамъ предписано—не приводить ихъ въ исполненіе; а какъ причиною тому былъ Гижицкій, то о поступкѣ его, вышедшемъ изъ предѣловъ власти и его обязанности, представлено на благоуваженіе сенатора-ревизора. Но сенаторъ-ревизоръ нетолько не взялъ на себя труда розыскать объ ономъ и поступить съ преступникомъ по строгости законовъ, но, не взирая на установленные обряды правосудія, не могъ будто-бы, какъ говорятъ, по весьма важнѣйшимъ причинамъ не простить его; а чтобъ на вѣки уморить сіе дѣло, яко памятникъ дворянской признательности къ ревизору, то оправдалъ Гижицкаго предъ самимъ государемъ императоромъ, какъ свидѣтельствуетъ высочайшій на имя его данный указъ отъ 28-го ноября 1815-го года. Что-жъ худого заключали въ себѣ означенныя два опредѣленія губернскаго правленія? Однакожъ маршалы такъ разошлись, что готовы были вызывать на поединокъ совѣтниковъ подписавшихъ указы и вѣчными остались имъ за то мстителями. Они кричали со всей мочи по повѣтамъ и жаловались сенатору, что ихъ подъ надзоръ отдали земской полиціи, а опубликованіемъ помѣщика, у коего крестьяне умирали съ голоду, нанесено безчестіе всему дворянству. Ревизоръ Сиверсъ не разсудилъ за благо обратить ихъ на другія мысли, боясь, что Гижицкій противу него самаго воздвигнетъ страшную бурю; къ тому-же Сиверсъ крайне подружился съ Гижицкимъ, а быть другомъ его гораздо опаснѣе, нежели непримиримымъ врагомъ.

Изъ Ковля отправился г. сенаторъ обратно, чрезъ владимірскій, луцкій и дубенскій повѣты, въ городъ Ровно. Тутъ ожидалъ его графъ Ильинскій. Увидѣлись, обнялись, поцѣловались и заплакали отъ радости: одинъ, что его предпріятія и затѣи вѣн-

чаются толикими успѣхами, а другой, что доставленный интригою случай быть волынскимъ ревизоромъ открылъ для честолюбія его ту дорогу, по которой на высоту славы восходитъ только одна истинная заслуга и отличныя дарованія. Но оба гг. сенаторы забыли, что сильные земли за всякую слезу подвластныхъ имъ, невинно пролитую, должны дать отчетъ Господу силъ и Богу отмщеній. Гижицкій и со всѣхъ обревизованныхъ повѣтовъ маршалы слѣдовали за ревизоромъ. Трепещите, градская и земская полиція, и вы, засѣдатели отъ короны, и ты, стряпчій! Конецъ вамъ приближается.

— Кто здѣсь исправникъ? спросилъ Сиверсъ.

— Царенко.

— Царенко? (тотъ самый, который посылалъ экзекуцію въ романовскій замокъ, который не исполнилъ воли его сіятельства графа Августа Ивановича Ильинскаго, который дерзнулъ клеветать на Валевскаго, на Яловицкихъ, на Ленкевичеву и на многихъ другихъ помѣщиковъ, высылавшихъ дѣтей и друзей своихъ за границу въ несчастное время прошедшей войны, будто они подозрительны и неискренно привязаны къ высочайшему престолу, который помѣщика Кашевскаго осмѣлился преслѣдовать за то, что онъ завелъ у себя фабрику для дѣланія убійственныхъ орудій и для запрещенной подчинки ружей, раздаваемыхъ секретно неизвѣстнымъ людямъ на извѣстное употребленіе, который прежде другихъ исправниковъ доносилъ Комбурлею о подозрительныхъ собраніяхъ и о всякихъ движеніяхъ въ его совѣтѣ?)—Подъ судъ его, непремѣнно подъ судъ.

— А городничій кто?

— Кутузовъ.

Услыша сіе имя, спросилъ опять сенаторъ:

— Каковъ онъ?

— Человѣкъ добрый; — но... княгиня, владѣлица города Ровно, не любитъ его (а особливо арендари ея не терпятъ такого градоначальника, который запрещаетъ имъ брать мыто, мостовое и разныя пошлины, взимаемыя по контракту отъ продажи печенаго хлѣба и всѣхъ прочихъ жизненныхъ припасовъ).

— Есть-ли на его жалобы?

— Будутъ.

— Подъ судъ его.

— Стряпчій хорошъ ли?

— Великій интригантъ.

— Вонъ и его негодяя изъ повѣта.

Рече и быша!

На другой день, послѣ подачи на аудіенціи установленнымъ порядкомъ многочисленныхъ по заведенному обыкновенію просьбъ на губернское и мѣстное начальство, посыпались жалобы на городничаго, на исправника, на стряпчаго, на засѣдателей, на ключвойтовъ. Можетъ быть поступили-бы претензіи и на соцкихъ и на десятскихъ, но они помѣщичьи крестьяне, для того сама благопристойность запрещала жаловаться. Не взирая однако жъ на жалобы, г. сенаторъ, обревизовавъ присутственныя мѣста и видя во всѣхъ частяхъ исправность, долженъ былъ, хотя съ принужденнымъ удовольствіемъ, отдать справедливость и градской полиціи, и нижнему земскому суду, и стряпчему. Но выѣзжая изъ Ровного, исправника и стряпчаго отрѣшилъ отъ мѣстъ и отдалъ подъ судъ, а городничему позволилъ проситься въ отставку. Вотъ въ полномъ значеніи слова роскошь милосердія и человѣколюбія! Представьте себѣ, когда начали стряпчаго судить и потребовали доказательствъ отъ обжаловавшихъ его помѣщиковъ, то всѣ отъ просьбъ своихъ отреклись и дали стряпчему свидѣтельство, что онъ имъ никакой не причинилъ обиды, а главному суду удостовѣреніе, что и они съ своей стороны никакой къ нему претензіи не имѣютъ. Вотъ каковы волынскіе помѣщики! Исторія сего дѣла извѣстна сенату и министру юстиціи, который велѣлъ дать стряпчему мѣсто въ другомъ повѣтѣ. Царенко такимъ-же образомъ давно-бы оправдался, естьли-бъ не впутали его въ другія дѣла, а Кутузовъ хотя совершенно не виноватъ, однакожъ уволенъ затѣмъ, что не умѣлъ угодить помѣщицѣ города Ровно, княгинѣ Любомирской, ревностнѣйшей патріоткѣ, извѣстной еще до замужества по своимъ любовнымъ интригамъ съ ославленнымъ предводителемъ мятежныхъ польскихъ войскъ, генераломъ Костюшкою.

Изъ Ровного въ Острогъ, кромѣ Гижицкаго и маршаловъ съ знатнѣйшими изъ недовольной партіи дворянами, препровождалъ сенатора Сиверса самъ графъ Ильинскій, мнимый князь мнимаго острогскаго княжества. Тутъ хотѣли сыграть какую-то странную комедію, подъ предлогомъ, что не вездѣ по губерніи русскіе чиновники дурные люди, а есть и хорошіе. И для того, представъ предъ сенатора, многочисленное дворянство и по извѣстному уже церемоніалу, принявъ отъ него аудіенцію, а ему насказавъ столько жалобъ, сколько говорить имъ приказано, и подавъ столько просьбъ, сколько было изготовлено, пустились всѣ въ запуски рекомендовать полиціймейстера, исправника и стряпчаго. Хвалятъ и улыбаются. Сенаторъ слушаетъ и самъ усмѣхается. Ахъ, какъ вредно для глазъ смотрѣть на такія сцены послѣ того, какъ наглядишься на лукавство, неправосудіе и неукротимую жестокость! Однако-жъ пойдемъ вслѣдъ за сенаторомъ. Онъ въ городническомъ правленіи. Удивляется порядку и скорому теченію дѣлъ, одобряетъ прочность пожарныхъ инструментовъ, хвалитъ чистоту улицъ, одѣяніе десятскихъ и исправность вѣсовъ и мѣръ. Отдавши благодарность словесно и на письмѣ начальнику города и его подчиненнымъ, вотъ онъ идетъ въ нижній земскій судъ. И тутъ все прекрасно, все исправно. Обращается въ казначейство и тамъ находитъ казну и книги въ совершенномъ порядкѣ. Куда-же онъ теперь поспѣшаетъ? Въ жидовскій кагалъ, и въ семъ старозаконномъ собраніи видитъ все на своемъ мѣстѣ. Тамъ кагальскія книги, тамъ счеты, а тамъ наличная казна. Повѣряетъ самъ приходъ съ расходомъ, вѣрно; читаетъ порознь статьи издержекъ, нѣтъ незаконныхъ; подзываетъ къ себѣ кагальныхъ и, въ знакъ благоволенія, гладитъ ихъ по бородѣ и даетъ отъ себя кагалу наилучшее свидѣтельство. Надобно замѣтить, что все сіе происходило безъ бытности настоящаго города Острога владѣльца, князя Кароля Яблоновскаго, крайне недовольнаго городничимъ, стряпчимъ и самимъ сосѣдомъ своимъ Ильинскимъ. Княжеская партія жидовъ, числомъ небольшая, но голая, дерзкая, во всему рѣшительная, хотя и приходила къ сенатору съ жалобами по наущенію управителя владѣльческаго, но его превосходительство, ненавидя-

щій доносовъ и пустыхъ извѣтовъ, приказалъ прогнать ябедниковъ. Что жъ потомъ дѣлаетъ упрямый князь?—Прибѣгаетъ въ Острогъ, одѣваетъ на свой счетъ оную дерзкую сволочь въ новые кафтаны, нанимаетъ двѣнадцать брикъ, везетъ ихъ къ сенатору въ Радзивиловъ, представляетъ ихъ, яко добычу мщенія градской полиціи и стряпчаго, клевещетъ обще съ ними на чиновниковъ; но сенаторъ пребываетъ непреклоненъ. Князь съ ничѣмъ возвращается назадъ, ищетъ по всему городу матеріаловъ къ жалобамъ, поитъ непотребныхъ сыновъ израилевыхъ и, наполнивъ ими пятнадцать брикъ, въ другой разъ везетъ ихъ къ огорченному и раздраженному на Комбурлея Сиверсу въ Бердичевъ. Ищетъ у него, то чрезъ Михельсона, то чрезъ любимца его Кіянова, то чрезъ дѣвку чухонку Анхенъ, словомъ атакуетъ со всѣхъ сторонъ и хотя съ потеряніемъ, говорятъ, двухъ или трехъ тысячь червонныхъ, но возвращается, поставивъ на своемъ. Онъ испросилъ повелѣніе удалить отъ должностей полицмейстера, стряпчаго и одного засѣдателя, отрѣшить кагальныхъ, коихъ недавно сенаторъ гладилъ по бородѣ, по жалобамъ княжескихъ клевретовъ, отдать всѣхъ ихъ подъ судъ, къ произведенію-же надъ ними слѣдствія послалъ нѣкоего хоронжего Грибинскаго, о которомъ и его неслыханныхъ подвигахъ разскажу вамъ послѣ. Вотъ какъ иногда безчеловѣчно играютъ судьбою людей!

Обратимся назадъ. Сенаторъ изъ Острога отправился въ Заславъ и оттоль въ Кременецъ. Ни тутъ, ни тамъ ничего не сдѣлалъ достопамятнаго, кромѣ того, что все хвалилъ, всему удивлялся и принималъ жалобы на губернскія присутственныя мѣста и на коронныхъ чиновниковъ. Хотя по всѣмъ повѣтамъ было дѣлаемо ему чрезвычайное угощеніе, но въ Кременцѣ, гдѣ славная гимназія и три женскихъ пансіона, гдѣ много ученыхъ, а мало добрыхъ, гдѣ собираются пожилыя дамы и убиваютъ время, а молодыя учатся разврату, приняли сенатора отличнѣйшимъ образомъ. Но среди великолѣпнаго балу пріѣзжаетъ нарочный и доноситъ сенатору, что генералъ-адъютантъ Кутузовъ дожидается его въ Радзивиловѣ съ повелѣніями отъ императорскаго величества. И такъ г. сенаторъ-ревизоръ, выѣхавшій четвертаго числа мая, возвра-

тился паки въ Радзивиловъ 23 того-же мѣсяца. Какая неимовѣрная дѣятельность! въ двѣнадцать дней проѣхать семь сотъ верстъ, обревизовать восемь повѣтовъ, принять болѣе двухъ тысячь никѣмъ не читанныхъ и никому непонятныхъ жалобъ, вездѣ видѣть порядокъ и исправность и нигдѣ ни малѣйшаго злоупотребленія, всѣхъ хвалить, а послѣ отрѣшать отъ должностей!! А какъ Кутузовъ, по увѣренію Сиверса, вручилъ ему разныя бумаги, относящіеся до радзивиловской слѣдственной коммисіи, до угнетеній и притѣсненій, чинимыхъ волынянамъ отъ губернскаго начальства, до злоупотребленій губернскихъ и таможныхъ чиновниковъ и до существовавшей въ Бердичевѣ складки отъ запрещенныхъ товаровъ, съ высочайшимъ повелѣніемъ произвести на мѣстѣ строжайшее изслѣдованіе, каковыя бумаги, говоритъ Сиверсъ, весьма сильно поколебали въ немъ тѣ впечатлѣнія на счетъ Комбурлея, которые онъ вывезъ съ собою изъ Петербурга, то матерія о сихъ пространныхъ предметахъ столь нова и столь занимательна, что на объясненіе ея надобно употребить гораздо болѣе времени, нежели сколько мы имѣемъ онаго свободнымъ.

Я благодарилъ любезнаго моего собесѣдника, который дѣйствительно устоялъ въ словѣ, ибо въ послѣдующіе затѣмъ три дни разсказалъ мнѣ окончательно не только объ интригахъ дворянства и всеобщемъ онаго непослушаніи къ начальству, но подробно далъ знать о дѣлахъ таможенныхъ, о дѣлахъ до ревизіи еврейской касающихся, о Булгаріи, о злоупотребленіяхъ помѣщиковъ по части ввоза контрабандовъ, о вызовѣ Гижицкаго въ армію, о собраніи дворянъ въ Кременцѣ, потомъ въ Житомірѣ, о подписаніи ими акта противу начальства, о сопротивленіи маршаловъ законной власти, о путешествіяхъ г. сенатора Сиверса въ Романовъ, изъ Романова въ Житоміръ, изъ Житоміра въ Бердичевъ, о неотступномъ повсюду слѣдованіи за Сиверсомъ Ильинскаго и всей вообще партіи недовольныхъ, о началѣ, продолженіи и окончаніи слѣдствія, о бердичевской складкѣ, о ужасныхъ сценахъ при томъ бывшихъ, о новыхъ доносахъ на Комбурлея, Хруцова и на всѣхъ вообще губернскихъ чиновниковъ, объ отрѣшеніи ихъ, о выѣздѣ сенатора въ Петербургъ и о возвращеніи, о новыхъ ужасахъ, насильствахъ и несправедливостяхъ и о всеобщемъ торжествѣ волынянъ. Разговоры наши и мѣстныя удостовѣренія о справедливости мнѣ пересказаннаго такъ важны и такъ къ объясненію трудны, что я, дабы не утомить разомъ вашего вниманія, рѣшился помѣстить ихъ въ четвертомъ письмѣ, коимъ и заключу пространное мое описаніе о волынской революціи.

Имѣю честь быть и прочее.

I.

# Изъ писемъ къ М. А. Максимовичу.

*(Письма С. Т. Аксакова).*

«Шепнулъ душѣ привѣтъ бывалой;
Душѣ блеснулъ знакомый взоръ:
И зримо ей минуту стало
Незримое съ давнишнихъ поръ!»...
Жуковскій.

Бывшій профессоръ московскаго университета, профессоръ и первый ректоръ кіевскаго университета М. А. Максимовичъ оставилъ по себѣ рѣдкую добрую память. Отношенія къ нему многихъ лицъ, выдающихся представителей литературнаго и ученаго міра, были весьма дружественны и постоянны. Его любили и уважали не только товарищи и знакомые, но и цѣлыя ихъ семейства, отъ старшаго до самаго меньшаго грамотнаго члена. Ему помогали многіе не только добрымъ словомъ и ходатайствомъ, но весьма часто и „презрѣннымъ металломъ" и не напоминали о долгѣ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Все это доказывается обширнымъ собраніемъ ихъ писемъ къ нему, уцѣлѣвшихъ доселѣ. Изъ этихъ писемъ мы и хотимъ сдѣлать здѣсь нѣкоторыя извлеченія. Весьма вѣрный и теплый очеркъ симпатичной личности Максимовича читатели могутъ найти въ „Русскомъ Архивѣ" 1874 г., т. II, стр. 1055—1087, въ статьѣ П. А. Чаева, читанной въ публичномъ засѣданіи общества любителей россійской словесности. Мы здѣсь хотимъ говорить о лицахъ, которые любили Максимовича и помогали ему бороться съ сильною нуждою, угнетавшею его до конца жизни. Много этихъ лицъ еще остается въ живыхъ; теперь мы будемъ говорить только о почившихъ.

---

Личность С. Т. Аксакова, какъ *писателя,* извѣстна всякому читателю; но весьма немногіе знаютъ его, какъ *человѣка.* Пора намъ ближе присматриваться къ нашимъ славнымъ дѣятелямъ и узнавать въ нихъ не только степень таланта, но и мощь души,—не только силу слова, но и дѣло сердца. Большая часть современниковъ С. Т. Аксакова уже отошла, а въ настоящемъ поколѣніи немногіе знаютъ, что цѣлые десятки лѣтъ домъ его, равно и А. П. Елагиной, былъ яркимъ, грѣющимъ средоточіемъ, куда стекались всѣ даровитые дѣятели—отживающіе и начинающіе, вполнѣ обезпеченные счастливцы и труженики, сами пробивающіе себѣ дорогу. И всѣхъ одинаково радушно встрѣчалъ и покоилъ гостепріимный, сердечно-заботливый хозяинъ...

Но воспоминаніе объ Аксаковскихъ вечерахъ—весьма долгая пѣсня, которую не намъ заводить... Вмѣсто всякаго слова съ своей стороны, мы лучше приведемъ отрывки изъ его переписки съ Максимовичемъ, которые ясно откроютъ читателямъ высокосердечную личность *старика Аксакова.* Къ этимъ отрывкамъ присоединимъ нѣсколько историческихъ напоминаній.

---

Въ 1833—1834 годахъ Максимовичъ, по долгой болѣзни, сталъ хлопотать о своемъ переводѣ въ кіевскій университетъ; вмѣстѣ съ Жуковскимъ, Гоголемъ, кн. Вяземскимъ, принялъ участіе въ переселеніи Максимовича и С. Т. Аксаковъ; вотъ записка его по этому поводу къ Максимовичу:

Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ!

„Если вы не послали еще извѣстнаго письма въ Питеръ, то удержите его на нѣсколько времени. Я имѣю вамъ сообщить кое-что отъ Брадке. Надѣюсь, что пріѣдете щей хлебать, и по-раньше, чтобъ потолковать“.

Вашъ душою С. Аксаковъ.

Многія записки Аксакова не имѣютъ на себѣ никакого обозначенія—ни года, ни мѣсяца, и мы размѣщаемъ ихъ только приблизительно. Вѣроятно къ этому-же времени относится слѣдующая записка:

„Пейкеръ весьма желаетъ познакомиться съ вами, почтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ. И такъ я готовъ ѣхать съ вами, когда

вамъ (угодно), только не сегодня. Всего лучше утромъ, часу въ 10-мъ. Обнимаю васъ". С. А.

(Пейкеръ Ив. Ив., бывшій потомъ главнымъ начальникомъ межеваго корпуса и усердный ревнитель раціональнаго сельскаго хозяйства, ум. въ 1844 г.).

Переводъ Максимовича состоялся наконецъ; ему надо было ѣхать, а онъ въ долгахъ по-уши; провѣдалъ объ этомъ Аксаковъ и пишетъ къ нему:

„Возлюбленнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Надеждинъ сказалъ мнѣ вчера, что вы затрудняетесь въ *нѣкоторыхъ обстоятельствахъ;* если вы ихъ не уладите, то я готовъ охотно служить вамъ". Вашъ С. А.

„Только подъ секретомъ".

Такіе-же „секреты" заводилъ Аксаковъ со многими,—и секреты конечно были крупные... Въ іюлѣ 1834 года Максимовичъ уѣхалъ въ Кіевъ; тамъ дѣятельность его профессорская по *новому* для него предмету и суета ректорская не давали ему возможности вести частую переписку съ своими многочисленными московскими друзьями. Изрѣдка отзывался онъ къ Сухово-Кобылинымъ (въ домѣ которыхъ нѣкогда давалъ уроки), къ Елагиной, къ Надеждину, къ Погодину, Морошкину, а предъ Аксаковымъ помалчивалъ и, какъ видно, довольно долго. Но мысль о своемъ обязательствѣ его тревожила, и онъ писалъ своему ближайшему пріятелю Погодину о помощи, сдѣланной Аксаковымъ, и поручилъ освѣдомиться объ отношеніи Аксакова. Погодинъ въ ноябрѣ 1835 года отвѣчалъ ему: „Сергѣй Тимофѣевичъ на тебя не сердится". Между тѣмъ воспитаніе сестры, поддержка отца, устройство памятника на могилѣ матери поглощали всѣ средства Максимовича, и онъ не собрался съ силами уплатить свой долгъ. Въ февралѣ 1838 г. Погодинъ уже тормошитъ его на проломъ: „съ мѣсяцъ тому назадъ мнѣ послышалось, что ты не заплатилъ еще денегъ Аксакову. Помилуй, что́ ты это?" И въ декабрѣ того-же года: „что ты дѣлаешь съ Аксаковымъ! Ахъ, братецъ!"...

Наконецъ въ августѣ (1835 г.) пишетъ самъ Аксаковъ.

„Не могу думать, чтобы любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ совершенно забылъ меня, своего искренняго пріятеля! Хочу думать, что онъ писалъ ко мнѣ, даже не одинъ разъ,—не получалъ отъ меня отвѣта, подосадовалъ на меня, рѣшился молчать, но не разлюбилъ лѣ-

ниваго пріятеля. Впрочемъ я знаю, что вы поживаете хорошо, и что дѣла ваши идутъ прекрасно. Пейкеръ мнѣ нѣсколько разъ говорилъ объ отзывахъ вашего попечителя. По старой дружбѣ, вы вѣрно хотите знать наше положеніе. Мы всѣ здоровы. Я сдѣланъ директоромъ и приступаю къ преобразованію моего училища въ институтъ. Костя мой выпущенъ кандидатомъ и тѣломъ становится богатырь. Онъ рѣшительно посвящаетъ себя ученой жизни и, можетъ быть, явится къ вамъ въ Кіевъ. Прилагаю у сего письмо къ Николаю Ивановичу [1]). Прошу васъ *содержать въ секретѣ полученіе сего письма и ожиданіе его прибытія.* Онъ хозяинъ своихъ тайнъ, онъ объяснитъ вамъ все; я увѣренъ, что вы, какъ добрый его пріятель, примете въ немъ искреннее участіе".

„Простите, любезнѣйшій Михайла Александровичъ! Будьте здоровы и счастливы. Всѣ мои вамъ кланяются и желаютъ того-же".

Вашъ С. Аксаковъ.

„Хоть мнѣ совѣстно вамъ напоминать, но если васъ не затруднитъ, то я просилъ-бы о высылкѣ денегъ".

---

Конечно, Максимовичъ отозвался на это письмо, послалъ Аксакову свой „Кіевлянинъ" (и прежде постоянно посылалъ ему свои изданія) и, безъ сомнѣнія, просилъ объ отстрочкѣ, объ извиненіи, сохраненіи расположенія... Аксаковъ отвѣчалъ ему при одномъ изъ Погодинскихъ писемъ въ апрѣлѣ 1840 г.

„Давно уже хвораю, но не хочу пропустить случая написать нѣсколько строкъ. Будьте спокойны, любезнѣйшій Михайла Александровичъ, на счетъ извѣстнаго дѣла. Вѣдь я обвинялъ васъ только за молчаніе, котораго вначалѣ хранить было не надобно. Я ужасно пораженъ сейчасъ мною полученнымъ извѣстіемъ: сегодня въ 1-мъ часу утра кончилъ жизнь ударомъ Михаилъ Григ. Павловъ. Положеніе жены и 10 человѣкъ дѣтей ужасно; а онъ убрался славно"...

„Очень благодарю за „Кіевлянинъ" и за прежніе подарки".

---

[1]) Надеждину, который ѣздилъ за границу и на возвратномъ пути долженъ былъ ѣхать черезъ Кіевъ.—С. П.

Какъ ни обширно у Максимовича собраніе писемъ къ нему, но значительная часть ихъ роздана была имъ разнымъ лицамъ, собиравшимъ для чего-то автографы; поэтому и писемъ Аксакова у него сохранилось немного. Приводимъ здѣсь ихъ всѣ, какія уцѣлѣли.

„Здравствуйте, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Хотя не своей рукой пишу къ вамъ, но съ прежней своей дружбой. Въ короткихъ словахъ скажу вамъ, что я ослѣпъ лѣвымъ глазомъ и плохо начинаю видѣть правымъ... Но дѣло не объ этомъ. Я прошу вашего вниманія, участія и содѣйствія къ общему нашему литературному предпріятію, исполненіе котораго вручено Вас. Ал. Панову, прекрасному и достойному уваженія молодому человѣку, мною и всѣми нашими очень любимому [1]). Онъ просилъ меня, чтобъ я познакомилъ его съ вами, что я съ удовольствіемъ исполняю“.

„Когда-же мы съ вами увидимся? Когда вспомнимъ доброе старое время? Что ваши глаза? Напишите или продиктуйте ко мнѣ нѣсколько строчекъ и вложите въ ваше отвѣтное письмо Панову. Прощайте! Обнимаю васъ по старинному“.

Душевно преданный С. Аксаковъ.

„Жена и всѣ мои вамъ очень кланяются. Ѣду въ Питеръ къ доктору Исупову“ (?).

1846 г., янв. 2. Радонежье, Подмосковная, близъ Троицы.

---

Осенью 1849 г. Максимовичъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ прожилъ до іюня 1850 г. И, безъ сомнѣнія, къ этой порѣ относятся двѣ записки Аксаковыхъ:

„24 апрѣля. Пишу лежа въ постели. Сыновья обѣдаютъ сегодня у дяди, а Гоголь будетъ у насъ въ среду; но если вамъ не скучно будетъ, любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, отобѣдать со мной наединѣ—почти, то я очень буду радъ. Пріѣзжайте и сегодня и въ середу.

Вашъ душою С. Аксаковъ.

Чтó съ вами дѣлается, любезнѣйшій Михайло Александровичъ? Я слышу, вы больны... Пріѣхала-бы сама навѣстить васъ, но не могу

---

[1]) Рѣчь идетъ о «Московскомъ Сборникѣ», задуманномъ Пановымъ, при содѣйствіи Аксаковыхъ, Языкова, Хомякова, Самарина, Попова и друг. Изданъ на счетъ Панова.

отлучиться отъ Сергѣя Т.—Посылаю вамъ сушеной клубники отъ ревматизма; настойте ее, какъ чай, и кушайте съ сахаромъ; еще баночку варенья изъ клубники-же полевой. Прощайте, до свиданія! Ваша Ольга Аксакова.

---

Не знаю, какъ васъ, читатель, а меня, случайнаго переписчика этихъ простыхъ записокъ, строки эти чрезвычайно трогаютъ и умиляютъ... Писанныя на какихъ-то лоскуткахъ сѣрой бумаги, карандашомъ, торопливой рукой—они такъ и переносятъ меня въ грѣющую, сочувственную, животворящую среду. И какъ легко вѣрится, что въ такой средѣ и чужому было легко, какъ въ родной семьѣ, и больной скорѣе выздоравливалъ, и дѣло скорилось, и веселѣе глядѣлось на Божій свѣтъ... Благо и вспоминать о такихъ людяхъ... особенно теперь, когда не слышно о подобныхъ литературныхъ кружкахъ. Къ 1850 году относится слѣдующая записка Константина С. Аксакова:

„*31 августа, Кіевъ.* Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Мы въ *Кіевѣ!..* Каково! Извѣщаемъ васъ объ этомъ, какъ обѣщали мы вамъ въ Москвѣ. Очень жалѣемъ, что васъ нѣтъ здѣсь. Вы-бы показали намъ Кіевъ со всѣхъ возможныхъ сторонъ. Если-бъ мы поѣхали ранѣе, мы-бы поѣхали на Переяславль непремѣнно. Теперь погода становится уже такъ дурна, что мы спѣшимъ обратно въ Москву и пробудемъ здѣсь не болѣе недѣли“.

„Сестры вамъ кланяются и очень жалѣютъ, что васъ нѣтъ здѣсь. Чтó вы и Николай Васильевичъ [1]) не дали извѣстія о себѣ? Кіевъ всѣхъ насъ привелъ въ восхищеніе. Но Малороссія вздумала угостить насъ морозомъ и холодной погодой, что мѣшаетъ нашимъ обозрѣніямъ. Мы остановились въ гостинницѣ Лондонъ, близъ Печерска“.

„Прощайте, можетъ быть до скораго свиданія здѣсь или въ Москвѣ“.

Вамъ душевно преданный Константинъ Аксаковъ.

„Вяземскій здѣсь и также очень желаетъ васъ видѣть“.

---

[1]) Гоголь, выѣхавшій лѣтомъ 1850 года изъ Москвы вмѣстѣ съ Максимовичемъ на родину.

Кн. П. А. Вяземскій въ это время возвращался изъ Палестины, встрѣченный въ Одессѣ литературнымъ обѣдомъ, чрезвычайно его порадовавшимъ. Кіевъ проглядѣлъ его. Москва оказала ему блистательный пріемъ (См. „Москвитянинъ“ 1850 г., № 21, с. 33, Моск. Лѣтопись).

---

Возвращаемся къ письмамъ старика Аксакова.

*5 іюля 1854 г.*

„Давно уже получилъ я письмо ваше, любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, писанное вами 13 и 19 мая, а черезъ недѣлю послѣ письма получилъ и двѣ первыя книги „Кіевлянина“. Благодарю васъ за все; крѣпко обнимаю и поздравляю отъ души съ милою жинкою. Я недавно узналъ объ этомъ пріятномъ и великомъ событіи въ вашей жизни и попенялъ вамъ, что вы не увѣдомили объ этомъ немедленно стариннаго вашего пріятеля. Я потому только не отвѣчалъ въ первые дни на ваше дружеское, теплое письмо, что вы не написали мнѣ своего адреса. На Михайлову гору почта вѣрно не ходитъ; но на посылкѣ вашей написано „Золотоноша“, и такъ вѣроятно можно туда адресовать вамъ письма, что я теперь и дѣлаю и что я могъ-бы сдѣлать назадъ тому двѣ недѣли, еслибъ все это время не былъ очень боленъ. Теперь поправляюсь немножко и спѣшу отвѣчать вамъ.

„Выраженіе *„соколъ въ мытахъ бываетъ“* рѣшительно означаетъ то время, когда соколъ линяетъ, т. е. перемѣняетъ свои перья; этотъ процессъ сопровождается у птицъ всегда мытомъ, т. е. поносомъ.

„Очень радъ, что Ивану удалось побывать у васъ... Спасибо ему, онъ описалъ мнѣ подробно ваше житье-бытье“.

„Благодарю васъ за доброе слово о моей книгѣ: оно мнѣ очень дорого и пріятно [1]). Есть-ли у васъ второе изданіе „Объ уженьѣ рыбы“? Если нѣтъ, то я непремѣнно пришлю вамъ. Вы, вѣрно, получаете „Москвитянинъ“, а потому знаете все, что я напечаталъ. Но я написалъ довольно и многое желалъ-бы прочесть вамъ, потому что не все будетъ пропущено цензурой, да и не все можетъ быть напечатано“ [2]).

---

[1]) Это конечно «Записки ружейнаго охотника» оренбургской губерніи, вышедшія незадолго передъ тѣмъ новымъ изданіемъ.

[2]) Аксаковъ въ этомъ случаѣ самъ смотрѣлъ на себя сквозь очки тогдашней цензуры.

„Вы вѣрно уже знаете, какъ я познакомился съ Паликопомъ и какъ мы полюбили другъ друга [1]). Я уже послалъ ему кое-что и обѣщалъ окончаніе; но хворость и знойное лѣто отнимаютъ у меня руки“.

„Безсмысленная цензура не пропускаетъ ничего, что пишетъ Константинъ, даже патріотическихъ стиховъ, даже грамматики! Согласитесь, что это тяжело. Теперь лѣто, и мы съ нимъ наслаждаемся природой и удимъ рыбу; но къ зимѣ надо будетъ употребить всѣ усилія, чтобъ выйти изъ такого тяжелаго положенія. Голоса украинскихъ пѣсенъ по прежнему вьются и въ Абрамцевѣ, и число ихъ увеличивается“.

„Чаялъ и я также, что громы святой Руси возгремятъ во славу ей, за святое дѣло, во благо всеміpное; но послѣднія событія, кажется, доказываютъ, что еще не пришло то время. Впрочемъ, можетъ быть, путемъ испытанія и всякихъ скорбей дойдемъ мы до великой цѣли. Во всякомъ случаѣ: быть грому великому!“

„Отъ всей души желаю, чтобъ вы съ милою жинкою перебрались съ Михайловой горы въ Москву; тогда-бы и мы увидали обоихъ васъ въ моемъ мирномъ Амрамцевѣ“.

„Крѣпко я постарѣлъ и похилѣлъ тѣломъ... Славя Богу, покуда сохраняю бодрость духа; но на долго-ли? Скверное дѣло—старость!“

„У насъ сегодня настоящее лѣто: 25 град. въ тѣни. Я люблю лѣтній зной. Въ немъ есть что-то роскошное и привольное“.

„Моя старуха и всѣ мои дочери очень вамъ кланяются, а также вашей милой супругѣ: вы вѣрно заочно познакомили ее съ нами. Константинъ васъ обнимаетъ. У насъ съ 25 марта совершенный лазаретъ. Старуха моя была очень больна, а я хвораю безпрестанно съ 22 августа прошлаго года. Нынѣшнимъ лѣтомъ еще не наслаждался. Авось теперь удастся запастись лѣтнимъ тепломъ на зиму. Прощайте, мой любезнѣйшій Мих. Алекс.! Не забывайте насъ, а мы васъ всегда помнимъ. Крѣпко обнимаю“.

Душою вашъ С. Аксаковъ.

---

[1]) Здѣсь вѣроятно разумѣется Кулишъ, занимавшійся тогда біографіей Гоголя; Аксаковъ дѣйствительно доставилъ ему не мало матеріаловъ въ то время.—С. П.

*Москва, 10 апрѣля 1856 г.*

„Лучше поздно, чѣмъ никогда"—говоритъ французская пословица; но она не оправданіе мнѣ, мой любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ! Прошло слишкомъ мѣсяцъ, какъ я получилъ письмо ваше отъ 17 февраля... Не оправдываюсь также суетою московской жизни, отъ которой я поотвыкъ въ продолженіи безвыходной 4-хъ лѣтней жизни въ деревнѣ, суетой, которая удесятерилась въ сравненіи съ прежней. Едва я имѣю 3 или 4 часа свободныхъ утромъ, которые посвящаются исключительно литературному дѣлу... Но я не хочу оправдываться, а прошу васъ вѣрить моей искренней, неизмѣнной дружбѣ. Какъ обрадовали вы меня извѣстіемъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ вы пріѣдете въ Москву! Авось, Богъ дастъ, увидимся, потому что до моего Абрамцева всего 56 верстъ; да я и самъ въ концѣ лѣта, къ коронаціи намѣренъ пріѣхать со всей семьей недѣли на двѣ въ Москву, а въ исходѣ октября надѣюсь переѣхать въ Москву на всю зиму и даже до половины мая.

„Вы не можете себѣ представить, какъ мнѣ прискорбно, что до 17 февраля вы не имѣли моей „Хроники", которую я немедленно выслалъ къ вамъ; но, увы! имѣлъ глупость сдѣлать это черезъ Кулиша, потому что на ту минуту не зналъ вашего адреса [1]). Ежели вы и до сихъ поръ не получили моей книги, то это приведетъ меня въ отчаяніе. Кулишъ явился ко мнѣ въ Москву совсѣмъ неожиданно и объявилъ мнѣ, что ожидалъ васъ въ Кіевѣ и потому книги вамъ не послалъ. Онъ однакоже написалъ немедленно, чтобъ книга была вамъ сейчасъ доставлена. Если вы ее получили и прочли, то прошу васъ написать мнѣ настоящую правду. Я требую этого отъ васъ во имя нашей 30-ти лѣтней пріязни. Замѣтьте все, что васъ непріятно остановитъ въ какомъ-бы то ни было отношеніи; ради Бога, не бойтесь показаться взыскательнымъ и придирчивымъ: мнѣ это необходимо, потому что я приступаю къ исправленію книги для втораго изданія [2]).

[1]) Максимовичъ съ 1856 г. часто ѣзжалъ въ Кіевъ и проживалъ тамъ по нѣскольку мѣсяцевъ.

[2]) Это желаніе С. Т. Аксакова замѣчательно, какъ въ томъ отношеніи, что оно показываетъ, какъ много довѣрялъ онъ эстетическому вкусу Максимовича, такъ и въ томъ еще, что онъ вовсе не былъ отуманенъ громкими похвалами, раздавшимися почти одновременно со стороны авторитетныхъ цѣнителей, какъ гг. Анненковъ, Гиляровъ, Дудышкинъ, Плетневъ...—С. П.

Я написалъ четвертый отрывокъ „Сем. Хроники“ и пишу пятый. Уступаю общему желанію узнать, какъ начнутъ свою жизнь молодые Багровы, хотя для меня это очень трудно и щекотливо.“

„Я тогда-же передалъ Погодину данное вами мнѣ порученіе; но у него идетъ какая-то темная исторія съ „Москвитяниномъ“: то онъ его уничтожаетъ, то передаетъ, то самъ выдаетъ“ [1]).

„Въ Русской Бесѣдѣ я не принималъ участія, но сыновья мои участвуютъ. Иванъ на дняхъ воротился и долженъ теперь заняться отчетами географическому обществу. Константинъ печатаетъ „Луповицкаго“ [2]). Кулишъ (онъ проситъ, чтобъ его болѣе не называли Кулѣшъ), слава Богу, отдохнулъ теперь; онъ получилъ право общей цензуры [3]) и печатаетъ теперь въ Петербургѣ „Записки о жизни Гоголя“, которыя немедленно выходятъ. Вѣроятно, онъ началъ уже печатать свои этнографическія „Записки о южной Руси“ и проживетъ въ Петербургѣ до іюня. Я очень полюбилъ этого энергическаго и преданнаго своему дѣлу человѣка“.

„Много любопытнаго и новаго происходило у насъ въ Москвѣ. Если вы читаете газеты, то вѣрно замѣтили праздники черноморскимъ морякамъ. Жаль, что вы не узнаете до пріѣзда въ Москву рѣчи Погодина на обѣдѣ Сакену и также рѣчей моего Константина. Много пріятныхъ надеждъ зашевелилось въ сердцахъ честныхъ людей; но я боюсь, что онѣ рановременны. Впрочемъ будемъ надѣяться. Государь нашъ добръ и разсудителенъ. Нельзя вдругъ освободиться отъ тины, которая полтораста лѣтъ постоянно наплывала.“

„Успѣхъ моей книги удивилъ меня. Вы знаете, что мое самолюбіе незаносчиво, и оно остается такимъ, не смотря на всѣ печатныя, письменныя и словесныя похвалы, которыя иногда доходятъ до нелѣпостей. Я всегда зналъ, что у меня есть дарованіе, и говаривалъ, что я потому не пишу, что некому меня заставить писать; и меня заставили писать полуслѣпота и деревня. Я прожилъ жизнь, сохранилъ

---

[1]) «Москвитянинъ» прекратился въ 1856 г.

[2]) Эта комедія лѣтъ пять не была дозволяема къ печати, но списки ея ходили въ провинціи уже въ 1852 г.; мнѣ самому случилось ее переписывать подъ строжайшимъ запретомъ—никому не показывать...

[3]) До той поры онъ печаталъ подъ псевдонимомъ «Николай М.».

теплоту и живость воображенія, и вотъ отчего обыкновенный талантъ производитъ необыкновенное дѣйствіе".

Прощайте, до свиданія! Крѣпко васъ обнимаю.

Душою вашъ С. А.

На этомъ-же самомъ письмѣ, глазамъ не вѣря, читаешь слѣдующую приписку самаго Аксакова:

„Сегодня съ Хомякова полиція беретъ подписку—не ходить въ русскомъ платьѣ и бородѣ!!! Печальное событіе, глубоко оскорбляющее всѣхъ русскихъ людей, способныхъ уважать честь, честность, умъ и всѣ дары Божіи въ Хомяковѣ".

Аксаковъ могъ-бы прибавить: любовь къ Россіи, ко всему ея завѣтному и многія гражданскія доблести въ Хомяковѣ, которыя онъ въ сто разъ болѣе проявилъ, чѣмъ его запретители...

Въ 1857 г. Максимовичъ былъ вызываемъ въ Москву для завѣдыванія редакціей „Русской Бесѣды", и онъ извѣстилъ Аксакова о своемъ скоромъ пріѣздѣ. Вотъ отвѣтъ Аксакова:

*1857 г., 3 мая.*

„Извините меня, любезнѣйшій пустынникъ Михайловой горы, мой добрый, старый собесѣдникъ Михаилъ Александровичъ, что я до сихъ поръ не отвѣчалъ на ваше дружеское письмо. Московская хлопотня, да еще сватьба дочери [1]), совершенно вскружили мою голову, и я хотѣлъ отвѣчать вамъ уже изъ деревни; но вчера былъ у меня Осипъ Максимовичъ и прочелъ мнѣ по секрету ваше письмо [2]). Благодарю васъ за память о старомъ и за новую довѣренность. Кажется, это не трудно будетъ уладить. Въ свое время Бодянскій увѣдомитъ васъ обо всемъ подробно. Не нужно васъ увѣрять, какъ мы, старинные ваши пріятели, т. е. я и сватъ мой Антонъ, будемъ рады вашему переѣзду въ Москву. Авось, мы съ вами вмѣстѣ еще что-нибудь поработаемъ".

„Вы встрѣтили новую «Молву» [3]) точно съ такимъ-же чувствомъ въ вашемъ письмѣ, съ какимъ я встрѣтилъ ее печатно въ 1 №. Война

---

[1]) Маріи Серг. за Томашевскаго.

[2]) Ос. Мак. Бодянскій. Секретъ касался предполагаемаго переѣзда въ Москву.

[3]) «Молва»—газета, основанная въ 1857 г. К. С. Аксаковымъ подъ его-же редакціею; номинальнымъ редакторомъ былъ г. Шпилевскій. Она просуществовала только годъ. Говоря о «Молвѣ», Бодянскій писалъ Максимовичу: «это—конница при пѣхотѣ» («Рус. Бесѣдѣ»).—С. П.

загорѣлась кровавая! Не за литературныя мнѣнія, а за убѣжденія душевныя: народныя и политическія. Покуда—дѣло идетъ хорошо; но когда мы съ Константиномъ переѣдемъ въ деревню, то оно неминуемо испортится. Разумѣется, Константинъ каждую недѣлю дня на два будетъ пріѣзжать въ Москву, но это все уже будетъ не то. Отвѣтственный редакторъ—неопытный юноша, и ему не справиться съ такой обузой.

„Я дописываю большую книгу. Кажется, я писалъ къ вамъ о моей работѣ. Это *должно* быть (хорошо, если *будетъ*) художественнымъ воспроизведеніемъ моихъ дѣтскихъ лѣтъ, начиная съ третьяго до девятаго года моей жизни. Спачала—отрывочныя воспоминанія, а потомъ—цѣльный и подробный разсказъ. Кое-что я читалъ всѣмъ нашимъ друзьямъ и знакомымъ, и они увѣряютъ меня, что это лучше всего того, что я написалъ. Я самъ такъ думаю о *нѣкоторыхъ* мѣстахъ, но совсѣмъ не увѣренъ еще въ достоинствѣ цѣлаго сочиненія, и, совершенно увѣренъ, оно не можетъ возбудить такого общаго сочувствія, какое возбудила „Хроника и воспоминанія". Жизнь человѣка въ дитяти не всѣмъ будетъ понятна, и подробности разсказа многимъ покажутся мелкими и ничтожными. Отрывокъ будетъ помѣщенъ въ 3-й книгѣ „Бесѣды" [1]).

„Прощайте, любезнѣйшій другъ! Если вздумаете писать ко мнѣ, то адресуйте въ Сергіевскій посадъ. Да подкрѣпитъ Богъ ваше здоровье. Всѣ мои усердно кланяются вамъ и вашей женѣ и я также. Обнимаю васъ по старому".

Душою вашъ С. Акс.

„Обнимите за меня Чижова. Я душевно скорблю объ его болѣзни".

---

Это было послѣднее письмо С. Т. къ Максимовичу. Въ 1858 и отчасти въ 1859 г. Максимовичъ жилъ въ Москвѣ, а 30 апрѣля 1859 г. скончался С. Т. Аксаковъ...

---

[1]) Послѣдняя половина письма этого является новымъ доказательствомъ здраваго и вѣрнаго взгляда автора на свое сочиненіе («Дѣтскіе годы») и вмѣстѣ съ тѣмъ критическимъ предвидѣніемъ, которое оправдалось на опытѣ.

„Самыя полныя, искреннія записки — говоритъ кн. Вяземскій — не имѣютъ въ себѣ того выраженія истинной жизни, какими дышутъ и трепещутъ письма, написанныя бѣглою, часто торопливою и разсѣянною, но всегда проговаривающеюся рукою. Письма — это самая жизнь, которую захватываешь по горячимъ слѣдамъ ея“.

Раздѣляя эти мысли, мы и предлагаемъ вниманію читателей былую „жизнь по горячимъ слѣдамъ ея“.

---

## II.

## ИЗЪ ПИСЕМЪ КЪ М. А. МАКСИМОВИЧУ.

*(Мерзлякова, Раича, Одоевскаго, М. Г. Павлова, Чижова, стихи Максимовича).*

«И много славныхъ тѣней встало!»...
Жуковскій.

Въ послѣдніе годы своей жизни Максимовичъ самъ собирался печатать нѣкоторыя извлеченія изъ писемъ къ нему, подъ общимъ заглавіемъ „Перекати-поле“. Помнится, одна тетрадка была уже готова и отправлена въ какую-то редакцію, и тамъ пропала... Намъ случалось видѣть ее у Максимовича, и мы ясно помнимъ, что первыя свои извлеченія и воспоминанія онъ посвятилъ „наставникамъ, хранившимъ юность“ [1]). Слѣдуя его завѣту, мы предлагаемъ нынѣ кажется все то, что было избрано имъ самимъ.

Въ началѣ 1826 г. Максимовичъ, служившій тогда еще въ Москвѣ, былъ назначенъ помощникомъ проф. Гофмана въ наблюденіи за ботаническимъ садомъ, а по смерти Гофмана (въ мартѣ) принялъ въ самостоятельное завѣдываніе садъ и гербаріи университетскіе; въ ботаническомъ саду онъ провелъ все время своей московской жизни. Туда къ нему очень часто обращались товарищи и добрые знакомые за цвѣтами и пр., и онъ не отказывалъ, особенно когда просительная записка привѣтливо обвивалась около его

---

[1]) Погодинъ писалъ къ Максимовичу въ 1871 г.: «Перекати-поле» я прочелъ съ живѣйшимъ удовольствіемъ. Непосвященные, непонимающіе (чтобъ не сказать—дурни) забраковали его. Не сердись.

сердца. Въ бумагахъ Максимовича сохранилась одна подобная записка *Мерзлякова:*

,,Къ юному, доброму русскому Линнею обращаюсь съ извѣстною просьбою и посылаю моего человѣка, которому поручено сокровища милостивой Флоры переселить въ мою колонію, то есть, въ Сокольники. Вы спрашивали, какихъ надобно цвѣточковъ? Отвѣтъ: какіе можно. Я не хозяинъ въ вашемъ добрѣ. Разумѣется женщины любятъ, что поцвѣтнѣе, что подушистѣе, покрасивѣе. Женѣ хочется поглядѣть и полюбоваться въ продолженіи вакаціи: и потому она просила у васъ напр. маргаритокъ, резеды и пр. и пр., что придумаете. Надѣюсь на ваше ко мнѣ благорасположеніе и пріязнь, безпокою васъ такой коммисіей и увѣренъ, что вы на меня не разсердитесь. Что дѣлать? Отъ женщинъ не отговоришься. За то обѣщаютъ онѣ вамъ прелестную невѣсту.

Съ истиннымъ почтеніемъ"... и проч.

Записка помѣчена „3 мая", безъ означенія года, но несомнѣнно относится къ концу 20-хъ годовъ. Это единственный, извѣстный намъ образецъ дружеской записки Мерзлякова, о которомъ Жихаревъ говорилъ: „нѣтъ человѣка любезнѣе его, когда онъ на распашку". Вспомнимъ при этомъ прекрасное выраженіе Мерзлякова: „десятокъ умныхъ головъ не стóитъ одной веселой и доброй души: всѣ умны *по своему*".

По тому-же поводу обращается не разъ къ Максимовичу незаслуженно-забытый, добродушный Раичъ-Амфитеатровъ Егор. Сем. (родной братъ кіевск. митроп. Филарета), и притомъ въ стихахъ; вотъ образчикъ:

„Хотѣлось-бы васъ просить
Стихами или прозой—
Мой садъ обогатить
И тополемъ и розой,
Лилеей, сирингой;
Хотѣлось-бы въ садикъ мой
Переманить шевръ-фёли,—
А впрочемъ—то-ли, то-ли
Пришлете,—все равно!

Раичъ былъ когда-то предсѣдателемъ одного изъ литературныхъ кружковъ московскихъ, въ которомъ членами были А. Н. Муравьевъ (паломникъ), Вл. П. Титовъ, С. П. Шевыревъ, Д. П. Ознобишинъ, Н. И. Рожанинъ, переводчикъ „Страданій Вертера“, А. И. Писаревъ, остроумный водевилистъ, А. И. Кошелевъ, Н. В. Путята и кн. Вл. Ѳ. Одоевскій. Единственныя свѣдѣнія объ этомъ обществѣ, и то невѣрныя, сохранены К. А. Полевымъ въ его неоконченной книгѣ „Записки о жизни и сочиненіяхъ Н. А. Полеваго“ (Спб. 1860 г.). Нѣсколько бѣглыхъ, разбросанныхъ воспоминаній можно найти въ нашей литературѣ о каждомъ изъ этихъ лицъ; но лучше всякихъ воспоминаній для насъ—ихъ собственныя письма, которыхъ хотѣлось-бы больше и больше видѣть въ печати. Мы очень рады, что можемъ привести здѣсь два письма кн. Вл. Ѳ. Одоевскаго къ Максимовичу, относящіяся къ 1833 году и имѣющія біографическое значеніе. Надо замѣтить, что князь писалъ письма очень рѣдко.

Сближеніе кн. Одоевскаго съ Максимовичемъ началось еще въ 1824 году. Первая книга, изданная Максимовичемъ „Зоологія“, вызвала у кн. Одоевскаго весьма сочувственную рецензію (въ Сынѣ Отечества); мало того: князь позаботился отыскать самаго Максимовича, познакомился съ нимъ, ввелъ его въ кругъ литераторовъ и вседушевно радовался успѣхамъ его научнымъ и литературнымъ. Чуть только вышла у Максимовича „Книга Наума о великомъ Божіемъ мірѣ“, князь немедленно послалъ ему слѣдующій привѣтъ:

*Спб., 10 іюня 1883 г.*

„Поздравляю и благодарю васъ отъ сердца, любезнѣйшій Михаилъ Максимовичъ [1]); я отъ вашей книги Наума безъ ума отъ восхищенія и доказательствомъ тому можетъ служить то, что я пишу къ вамъ,—дѣло, на которое, какъ вы сами знаете, я рѣдко покушаюсь. Чтó будешь дѣлать? Время бѣжитъ такъ быстро, такъ быстро, работы на семъ свѣтѣ такъ много, такъ много, что если давать сердцу свободу слѣдовать своему влеченію, то не успѣешь оглянуться, какъ исчезнутъ силы для дѣятельности, а останется только одна охота ничѣмъ неудовлетворимая. И это письмо есть письмо полудѣловое: знаете-ли вы,

---

[1]) Sic! Князь или запамятовалъ отчество, или титулуетъ его прямо по фамиліи.

что мы встрѣтились съ вами на дорогѣ литературной? Можетъ быть, вы слышали уже, что я теперь прилежно занимаюсь естественными науками и въ особенности химіею; я здѣсь весь прошедшій годъ бралъ уроки у академика Гессе (ужаснаго атомистика, но того-то мнѣ и надобно было), съ цѣлію написать „Народную Химію". Образчикъ моей работы „*Краткое понятіе о химіи, необходимое для свѣчныхъ мастеровъ*", можете прочесть во 2-й книжкѣ „Журнала общеполезныхъ свѣдѣній". Не можемъ-ли мы соединить наши труды? Увѣдомьте меня, какія части вашего изданія еще вами не обработаны, или—не сообщите-ли вы мнѣ, прежде напечатанія, уже готовые ваши труды? Сверхъ того, что я стану для васъ работать даромъ, т. е. *не* участвовать въ выгодахъ, я могу помочь вамъ и въ издержкахъ изданія; а если Богъ поможетъ мнѣ въ нѣкоторыхъ моихъ предпріятіяхъ, то мнѣ возможно будетъ взять на себя и всѣ издержки на печатаніе безъ возврата; это вамъ дастъ способъ пустить книгу дешевле, что мнѣ кажется необходимымъ. Подумайте о семъ и сообщите мнѣ ваше мнѣніе, безъ всякихъ обиняковъ и церемоній, ибо въ такомъ дѣлѣ, котораго цѣль единственно общая польза, всякія вѣжливости почти преступленіе. Вы меня знаете и потому можете вѣрить, что это не пустыя фразы, а дѣйствительно то, что я думаю и чувствую. Когда вы согласитесь на мое предложеніе и напишете мнѣ подробно, какъ вы думаете соединить наши работы, тогда я вамъ сообщу нѣкоторыя замѣчанія на 1-ю книжку вашего изданія. Она вообще прекрасна, вы совершенно попали на тонъ, необходимый въ семъ родѣ книгъ; но боюсь, будетъ-ли книга ваша совершенно понятна: по странному стеченію обстоятельствъ, вы пропустили именно то, что мнѣ казалось необходимымъ выяснить въ моей химіи для свѣчныхъ мастеровъ, а именно: увѣрить ихъ, что воздухъ есть дѣйствительно тѣло. А напротивъ мнѣ и въ голову не входило, что можно сдѣлать краткую географію столь занимательною для простолюдина, какъ ее сдѣлалъ г. Наумъ. Слава и честь ему! Это самое навело меня на мысль, что въ дѣлѣ такого рода соединеніе трудовъ можетъ быть полезно больше, нежели въ чемъ другомъ, ибо что не придетъ на мысль одному, то придетъ другому. За всѣмъ тѣмъ я повторяю, что появленіе вашей книжки произвело во мнѣ радость, какой я давно ужь не испытывалъ при появленіи русскихъ книгъ; она хороша

и сама по себѣ, и съ прекрасною цѣлію, и во время. Вы знаете, что теперь вошло въ моду и между самыми образованными людьми сомнѣваться въ благѣ просвѣщенія и не вѣрить уму человѣческому. Я-же не перестаю говорить этимъ господамъ: „Мм. гг., чтобы видѣть ясно, надобно освѣтить комнату, а безъ того вы не имѣете права даже сомнѣваться". Тѣ чудеса, которыя должно произвести просвѣщеніе русскихъ, подтвердятъ слова мои, и способствовать тому почитаю цѣлію всякаго человѣка, у котораго есть мозгъ въ головѣ и сердце въ груди. Сею мыслію я руководствуюсь во всѣхъ моихъ поступкахъ, и она-же заставила меня порадоваться отъ души вашему прекрасному труду. Я теперь пишу статью о вашемъ Наумѣ для Журнала Мин. Вн. Дѣлъ. Пришлите мнѣ нѣсколько экземпляровъ вашей книги, я спущу ихъ съ рукъ. Прилагаю при семъ для васъ экземпляръ моихъ „Сказокъ", который давно уже былъ вамъ назначенъ и который я забывалъ послать вамъ".

Васъ душевно любящій и уважающій кн. Вл. Одоевскій.

---

Другое письмо кн. Одоевскаго не имѣетъ на себѣ никакой помѣты; но оно несомнѣнно относится къ концу 1833 года, какъ видно изъ самаго содержанія письма и изъ того обстоятельства, что въ немъ идетъ рѣчь объ альманахѣ Максимовича („Денница"), который готовился онъ издать на 1834 годъ.

„Не имѣю времени, любезнѣйшій Михаилъ Максимовичъ, отвѣчать порядочно на ваше письмо, ибо дѣла у меня по уши. Отыщите у Кирѣевскаго мою статью „*Сцена изъ Петра Пустынника*" и пришлите мнѣ ее, ибо ее надобно переплавить; я вамъ обѣщаю ее отправить обратно на другой-же день; сегодня 23-е, слѣдов. чрезъ 10 дней она можетъ у васъ уже печататься. Чрезъ мѣсяцъ буду свободнѣе и буду подробно писать вамъ. Вашъ „Наумъ" будетъ взятъ для школъ канцелярскихъ служителей; это будетъ довольно большое количество экземпляровъ, въ семъ случаѣ какую вы цѣну ему назначите? Увѣдомьте меня".

„Я печатаю — ужасъ — что! — съ Гоголемъ „Двейчатку“, книгу, составленную изъ нашихъ двухъ новыхъ повѣстей [1]); сверхъ того: „*Дѣтскую книжку для воскресныхъ дней*“, почти всю составленную изъ моихъ оригинальныхъ піесъ и сверхъ того еще особенно дѣтскую фантастическую сказку „Городокъ въ табакеркѣ“; корректуры на меня рѣкой льются, а пуще всего къ концу года *служебныя дѣла* обыкновенно умножаются, и потому не имѣю минуты свободной. О Наумѣ буду писать къ вамъ, когда все это угомонится; я для него много приготовилъ, а еще болѣе пріискалъ. Прощайте! Вашъ кн. Од.“

„Да напишите мнѣ вашъ адресъ“.

---

Съ переѣздомъ Максимовича изъ Москвы въ Кіевъ, письма къ нему московскихъ друзей уже именно рѣкой полились. Въ главѣ ихъ мы поставимъ письмо любимаго его наставника Мих. Григ. Павлова.

*Москва, 1834 г., ноября 13.*

„Очень радъ вашему, хотя довольно позднему, отзыву, почтеннѣйшій Михайло Александровичъ! Пыланіе хоть куда! Васъ посѣщаетъ, видно, и тамъ вдохновеніе; не изъ Москвы-ли оно прилетаетъ? Думаю, что Кіевъ не могъ еще сдѣлаться для васъ тѣмъ, чѣмъ была Москва. Мы сами очень объ васъ жалѣемъ, но что-жъ дѣлать! Мое по крайней мѣрѣ побужденіе — не удерживать васъ — доселѣ остается въ томъже видѣ Весь сѣверъ погруженъ въ атомизмъ; нельзя-ли хоть на югѣ распространить динамизмъ? Увѣренъ, что вы въ этомъ успѣете. Вотъ моя мысль, когда я вамъ совѣтовалъ ѣхать въ Кіевъ“.

„Видите-ли: вышла еще „Физика“ въ Петербургѣ, какого-то Щеглова, вѣрно — это потомокъ перваго. „Сѣверная Пчела“ прожужжала, что эта „Физика“ превосходитъ не только всѣ русскія, но и всѣ иностранныя. Я ея еще не читалъ, но видно по полёту; тамъ-же, въ

[1]) Вовсе не выходила. А «Дѣтская книжка» вышла въ 1833 г., на заглавіи сказано: *Издан. В.* и *О.* «Городынъ» вышелъ въ 1834 г. Если предполагается полное собраніе сочиненій кн. Одоевскаго, то надо будетъ обратить вниманіе и на его «Дѣтскую книжку», и на сцену изъ «Петра пустынника», которыя въ Денницѣ не появлялись, и на рецензію «Наума».

„Сѣверной Пчелѣ“ сказано: Щегловъ и Перевощиковъ суть представители современной Физики. Теперь судите: какъ атомистика крѣпко еще держится. Жаль, что у насъ, гдѣ все ново и юно, поддерживается старая нелѣпость. Помогите мнѣ совершить побѣду надъ атомистами. Знаю, что вы уже воевали противъ нихъ, но боюсь, чтобъ дѣла ректорства не отвлекли васъ отъ сего полезнаго дѣла въ русскомъ просвѣщеніи“.

„Съ сею почтою отправляются къ вамъ 7 экземпляровъ моей „Физики“ и 2 „Земледѣльческой Химіи“. За первую съ пересылкою полагаю по 5 р. асс. за экземпляръ, за вторую—10 р. асс. Это та цѣна, за которую получаютъ эти книги изъ московскихъ книжныхъ лавокъ; слѣдовательно“...

„Пишите чаще, не лѣнитесь; переписка ваша съ нами должна служить вамъ вмѣсто освѣженія и успокоенія отъ дѣлъ ректорскихъ, отъ скуки непривычной жизни“.

„У насъ всё по старому; право, нѣтъ никакого движенія, ни взадъ, ни впередъ, хотя двигатели и хлопочутъ. За обѣдомъ у меня 8 ноября пито было здоровье и кіевскаго ректора; видите-ли, какъ мы васъ помнимъ; на что-жъ и вамъ забывать насъ? Повторяю: пишите чаще“.

Вамъ преданнѣйшій Мих. Павловъ.

„Убѣдите вашего Абламовича, что французы—дѣти въ теоріяхъ своихъ“.

---

Щегловыхъ было два: одинъ—Никол. Прокофьевичъ (1793—1831) былъ профессоромъ въ санктпет. университетѣ, издавалъ книги о физикѣ въ 1823, 24 и 29 годахъ и на его „Руководство къ физикѣ“ отчасти ополчился Максимовичъ, какъ на слѣдовавшее системѣ атомистической (рец. въ „Моск. Телегр.“ 1830, № 7, с. 339—354). Но въ 1834 г. вышли „Начальныя основанія физики“ другого Щеглова, Николая Тихоновича, бывшаго адъюнктомъ въ петерб. университетѣ; объ его сочиненіи Максимовичъ уже не имѣлъ времени отозваться, чтобы исполнить желаніе своего учителя. Мнѣніе Максимовича о „Физикѣ“ самаго Павлова было напечатано въ „Сѣв. Пчелѣ“ 1833 г. (№№ 192 и 207); онъ-же разбиралъ и его „Земледѣльческую Химію“ („Моск. Телегр.“ 1825 г., №№ 21 и 24).

Абламовичъ Игн. Карл. былъ профессоромъ физики въ кіевскомъ университетѣ, поступилъ туда изъ волынскаго лицея и не оставилъ никакихъ ученыхъ трудовъ. Въ генварѣ 1835 г. пытался было перейти на службу въ Кіевъ и Д. М. Перевощиковъ, какъ видно изъ письма его къ Максимовичу, но переводъ его почему-то не состоялся.

Слова Павлова о письмѣ Максимовича *„посланіе хоть куда!“* могутъ быть примѣнены ко многимъ его письмамъ. Многочисленные его корреспонденты и корреспондентки, безъ сомнѣнія, живо помнятъ то радостное чувство, съ какимъ они встрѣчали его письма, которыя мы не можемъ иначе характеризовать, какъ словами—*свѣтлыя и теплыя.* И потому весьма желательно было-бы, еслибы всѣ, имѣющіе у себя письма Максимовича, печатали хотя нѣкоторыя изъ нихъ. Та искренность и теплота, которыя дышутъ въ письмахъ его, дадутъ имъ несомнѣнную цѣнность и въ глазахъ стороннихъ читателей. Иногда въ своихъ письмахъ Максимовичъ помѣщалъ по нѣскольку строчекъ стиховъ, большею частію экспромптовъ, и они блестѣли животрепещущимъ вдохновеніемъ. Хорошо-бы собрать и ихъ, это была-бы прелестная антологія, не чуждая историко-литературнаго характера. Стихи его цѣнили самые знатные судьи въ дѣлѣ поэзіи. Въ письмахъ Хомякова къ Максимовичу мы нашли, между прочимъ, слѣдующія строки:

„Благодарю за милые стихи, которые бережно спряталъ и хранить буду“.

Но что это за стихи—рѣшить навѣрно не можемъ. Въ бумагахъ Максимовича мы встрѣтили слѣдующій черновой набросокъ, который всего скорѣе можетъ быть отнесенъ къ словамъ Хомякова:

Господь тебя благословилъ
  На пѣснопѣнье и на слово,
И мысль высокую внушилъ,
  И сердце далъ къ добру готово.
И много истинъ ты вѣщалъ
  Въ простыхъ рѣчахъ и въ пѣснопѣньи,
И русскій человѣкъ внималъ
  Тебѣ въ сердечномъ умиленьи...
И вотъ великій часъ пришелъ,
  Часъ лучшей жизни въ русскомъ мірѣ:

Пускай же нынѣ твой глаголъ
Звучитъ на вдохновенной лирѣ!
Пусть утвердитъ и ладъ и строй
Въ немолчномъ шумѣ словопреній...

Стихотвореніе не кончено... Въ другомъ мѣстѣ мы нашли видимый варіантъ послѣдняго неоконченнаго куплета, также не конченнымъ:

Не изживай себя съ толпой
Въ немолчномъ шумѣ словопреній,
Ты дашь имъ лучшій ладъ и строй..

Въ бумагахъ Хомякова, конечно, сохранился исправленный листокъ этого стихотворенія; пожелаемъ, чтобы онъ былъ отысканъ... Легко догадаться, что стихи эти относятся къ 1858 году, когда у насъ начались „словопренія", по поводу крестьянскаго вопроса.

Иногда случалось Максимовичу произносить и живые экспромты, въ которыхъ если не было блестящей формы, за то сіяла мысль и теплилось чувство; таковъ напр. его застольный экспромтъ на обѣдѣ 25 марта 1858 г.

За „Русскую Бесѣду" — сей бокалъ —
И „Сельское Благоустройство":
Чтобъ русскій умъ просторъ позналъ,
И русскій міръ вкусилъ довольство!

Чего и хотѣть больше, послѣ „простора уму" и всеобщаго довольства!

Всѣ подобныя блестки ума и чувства были-бы своего рода иллюстраціей въ будущей исторіи нашего развитія, и потому весьма желательно было собраніе во-едино всѣхъ подобныхъ поэтическихъ отголосковъ, производившихъ столько радости и ободренія въ дружескихъ кружкахъ. Намъ вѣрится, что подобное дружеское слово не мало вліяло на энергію главнѣйшихъ подвижниковъ въ великомъ дѣлѣ. Въ подтвержденіе своей мысли прибавимъ слѣдующее:

Максимовичъ когда-то собирался писать свои воспоминанія, но сборами дѣло и кончилось, какъ ни подстрекалъ его къ этому Погодинъ [1]). Узнавъ отъ кого-то о мысли Максимовича, вотъ что писалъ къ нему Ѳ. В. Чижовъ:

[1]) Чуть-ли не единственнымъ исключеніемъ являются «Письма о Кіевѣ» Максимовича, гдѣ онъ переписалъ почти всѣ письма къ нему Иннокентія и обставилъ ихъ интересными фактическими объясненіями. — С. П.

„Душевно радъ слышать, что вы желаете писать ваши воспоминанія; въ настоящее время они дороги, какъ изображеніе уже невозвратнаго и непонятнаго настоящему поколѣнію времени. Все, начиная съ понятій и чувствъ до обыденной жизни, такъ перемѣнилось, что наше дѣтство стало истинною стариною, и чѣмъ оно подробнѣе и ярче изобразится, тѣмъ дороже будутъ такія воспоминанія для исторіи нашего развитія".

Ѳ. В. Чижова, какъ общественнаго дѣятеля, знаютъ хорошо многіе; но какъ писателя, какъ человѣка, едва-ли его знаютъ въ нашемъ читающемъ обществѣ, и потому приведемъ одно изъ его писемъ къ Максимовичу. Оно относится къ февралю 1850 г., когда Максимовичъ гостилъ въ Москвѣ, а Чижовъ въ Кіевѣ.

„Радъ душевно, почтеннѣйшій, многоуважаемый и душевно любимый мною Михаилъ Александровичъ, что наконецъ я пишу къ вамъ. Почему-бы, казалось, не писать раньше? Я думаю—по лѣни, первое; второе—потому, что не было положительнаго дѣла, а безъ дѣла писать—какъ-то не писалось. Съ радостію узналъ изъ письма вашего, что Москва вызвала васъ снова на литературную дѣятельность; вѣрьте слову человѣка, не имѣющаго нужды ни льстить, ни угождать, вѣрьте, что ваша дѣятельность для насъ нужна. День-ото-дня болѣе и болѣе теряемъ мы изъ немногаго числа тѣхъ писателей, которые еще по преданію сохранили художественность языка. Вы изъ нихъ на первомъ планѣ, и потому ваше молчаніе вредно. Мы можемъ писать дѣльно, умно, положимъ—занимательно; но не знаю—чѣмъ объяснить то, что мы совершенно какъ будто-бы потеряли художественное чувство и забыли, что идея, являясь на свѣтъ, требуетъ тѣла, проситъ художественнаго слова, какъ своего непремѣннаго выраженія, а безъ его цѣлости органической она сама дѣлается неполною. У васъ эта гармонія мысли со словомъ является сама собою. Радуюсь искренно вашей дѣятельности; разумѣется, я не отказался-бы способствовать ея обстановкѣ моими посильными трудами, и благодарю васъ за честь—участвовать въ вашемъ изданіи. Но есть препятствіе, вотъ оно: я обязанъ, во первыхъ, устнымъ приказаніемъ, во вторыхъ—подпискою: все, что ни напишу, представлять на цензуру въ собственную его величества канцелярію; это можетъ весьма много задержать мою статью; если-же

напечатать безъ этой цензуры, то, по силѣ подписки, и я, и издатель мною предупрежденный, подвергнутся справедливому наказанію. Если я успѣю скоро написать, тогда я пришлю къ вамъ для переписки и отсылки при моемъ письмѣ къ генералу Дубельту. Отвѣтьте на это письмо поскорѣе, тогда быть можетъ я еще и успѣю написать о софійскомъ соборѣ и объ иконостасѣ въ церкви села Романовки, черниговской губерніи, мглинскаго уѣзда, написанномъ Боровиковскимъ".

„Жаль, что вы не написали раньше, а то я только сегодня возвратился изъ мглинскаго уѣзда, куда я ѣздилъ къ сильно больному графу Гудовичу; только что возвратился и уже собираюсь ѣхать въ Одессу для занятія шелководствомъ. Все это время я прожилъ въ братскомъ монастырѣ, гдѣ занимался чтеніемъ церковныхъ писателей, то есть всего относящагося къ иконописи. Сказать правду, я пріобрѣлъ немного; но не виню въ этомъ прочитанныхъ мною писателей, а возлагаю всю вину на мою глупую голову; самъ не понимаю, отчего она отказывается глубоко входить въ смыслъ прошедшаго, между тѣмъ какъ чувствуетъ присутствіе этого смысла. Иконописаніе одно изъ такихъ явленій церковной, а слѣдовательно и народной нашей жизни, которое передаетъ многое, указываетъ на то, какъ нашему племени Богъ судилъ принимать неискаженную чистоту священныхъ преданій, точно также, какъ нѣкогда избранному народу Божію далъ обѣтованіе провести во всей чистотѣ преданіе о своемъ существѣ и довести его до минуты воплощенія Своего въ Спасителѣ міра. Не знаю, связно-ли я пишу (только что возвратился съ дороги), но знаю, что мысль есть, только видно еще она не возросла до того, чтобъ явиться въ словѣ и явиться со всею ясностію и отчетливостію".

„Въ заключеніе всего скажу вамъ: простите, если не умѣю написать статьи для „Кіевлянина", и вѣрьте, что это не моя вина, а немножко ваша. Есть у меня большая статья—разборъ италіянскаго сочиненія о политической экономіи, написанный еще въ 1843 году, но и тотъ не отдавался еще въ назначенную мнѣ цензуру. Окончу желаніемъ успѣха вашему начинанію и дружескимъ пожатіемъ вашей руки. Если увидите общихъ нашихъ пріятелей, всѣмъ по низкому поклону, особенно Хомякову, Гоголю и почтеннѣйшей, благословенной семьѣ Аксаковыхъ".

Душевно васъ уважающій Ѳ. Чижовъ.

Кромѣ біографической черты, письмо это ясно указываетъ читателю на чрезвычайную многосторонность свѣдѣній и дѣятельности этого человѣка и вмѣстѣ съ тѣмъ на его полное уваженіе къ другому, выдающемуся лицу въ ученомъ и литературномъ мірѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, чего не дѣлалъ, чѣмъ не занимался этотъ человѣкъ! Онъ изучаетъ иконописаніе [1]), онъ занимается политической экономіею, онъ развиваетъ шелководство, онъ завѣдуетъ постройкою желѣзныхъ дорогъ, и все это съ полнымъ знаніемъ дѣла и строжайшей добросовѣстностію.

Будемъ-же собирать и хранить воспоминанія о всѣхъ подобныхъ дѣятеляхъ, знакомство съ которыми, даже заочное, посмертное, согрѣваетъ сердце и подымаетъ душу къ неослабному веденію труда, какой кому Богъ послалъ.

Въ другой разъ мы приведемъ здѣсь письма Венелина, Хомякова, Самарина, Елагиной, Кирѣевскихъ...

**С. Пономаревъ.**

25 февраля 1883 г.

---

[1]) Не только въ Россіи, но и за границей.

# Письма Т. Г. Шевченка къ Бр. Залескому.

**(1853—1857 г.).**

*Сообщилъ М. Т—овъ.*

**(Окончаніе)*).**

**12.**

*8 ноября 1856 г.*

Давно, очень давно я не пишу тебѣ, друже мой единый. Не было о чемъ писать, не было матеріала и ни малѣйшихъ событій въ нашемъ забытомъ захолустьи. Отвратительное бездѣйствіе и однообразіе! 15 сентября посѣтилъ насъ Бюрно, но такъ не на долго (на пять часовъ), что я потерялъ надежду увидѣться съ нимъ. Онъ однако-жъ вспомнилъ обо мнѣ передъ самымъ выѣздомъ своимъ. Принялъ меня, какъ давно и хорошо знакомый человѣкъ. Свиданіе наше длилось нѣсколько, и въ эти короткіе минуты я успѣлъ полюбить этого счастливаго человѣка. Я его называю потому счастливымъ, что такіе люди, какъ онъ, не требуютъ долгаго и пристальнаго взглядыванья въ свой характеръ. Такіе любимцы Бога однимъ движеніемъ, однимъ взглядомъ говорятъ вамъ: намъ можно все довѣрить. Въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ (такому сообщишь то), чего иному въ продолженіи жизни не скажешь.

Онъ не обѣщалъ мнѣ много, чѣмъ я особенно доволенъ; много обѣщать—значитъ ничего не сдѣлать. Онъ просилъ меня писать ему и присылать куски матеріи. Но я этого не дѣлаю, мнѣ кажется неделикатной подобная корреспонденція. И встрѣтились, и простились мы съ

*) См. март. кн. «Кіев. Старины» на 1883 г., стр. 611—622.

нимъ, какъ старые и добрые пріятели. Надолго останется въ моемъ сердцѣ это кратко-длинное свиданіе, эта симпатическая благородная физіономія, издающая тихіе кроткіе звуки. Напиши ему отъ меня самое глубокое сердечное привѣтствіе.

О высочайшихъ помилованіяхъ, по случаю коронаціи, у насъ еще ничего неизвѣстно. Я не ласкаю себя ни малѣйшей надеждою. Чѣмъ и какъ я могу уничтожить предубѣжденія В. А. [1])? Есть у меня на это оправданіе, но я не смѣю привести его въ исполненіе. Необходимо, чтобы В. А. спросилъ у графа Орлова, на чей счетъ я воспитывался въ академіи и за что мнѣ запрещено рисовать? словомъ, чтобы графъ Орловъ пояснилъ мою темную конфирмацію. Но кто легко разстается съ своими предубѣжденіями? Писалъ я черезъ Михайлова тебѣ еще въ началѣ лѣта; не знаю, получилъ-ли ты мое письмо. Михайловъ не написалъ мнѣ еще и двухъ строчекъ и кажется, что и не напишетъ. Я не знаю, чтобы это значило? Не время-ли ему, или просто непростительная лѣнь, или что нибудь другое, не знаю. Во всякомъ случаѣ мнѣ это больно. Кажется, одинъ ты мой вѣрный, неизмѣнный корреспондентъ. Сердечно благодарю тебя, мой друже единый. Извини меня передъ Сигизмундомъ, что я не пишу ему. Причина натуральная, не знаю, куды писать. Если онъ еще въ Петербургѣ, то напиши ему мой искренній привѣтъ и покорнѣйшую просьбу уничтожить Варнака (я настоящій попрошайка), прислать мнѣ двѣ плитки сепіи, фирмы *Sepiadi Roma*, или фабрики Шанеля. Въ настоящее время у меня этой краски ни полграна. Хорошо еще, что и другихъ нѣтъ средствъ и главнѣйшаго—помѣщенія, а то-бы я умеръ съ досады. Недавно мнѣ пришла мысль представить въ лицахъ евангельскую притчу о блудномъ сынѣ, въ нравахъ и обычаяхъ современнаго русскаго сословія. Идея сама по себѣ глубоко поучительна, но какія душу раздирающія картины составилъ я въ моемъ воображеніи на эту истинно нравственную тему. Картины съ мельчайшими подробностями готовы (разумѣется въ воображеніи) и дай мнѣ теперь самыя бѣдныя средства, я окочснѣлъ-бы надъ работой. Я почти доволенъ, что не имѣю теперь средствъ начать работу. Мысль еще не созрѣла, легко могъ-бы надѣлать промаховъ; вынашу,

[1]) Василія Алексѣевича Перовскаго.—Б. З.

какъ мать младенца въ своей утробѣ, эту безконечно разнообразную тему, а весной, помолясь Богу, приступлю къ исполненію хотя-бы то въ собачей канурѣ.

Если Богъ поможетъ мнѣ осуществить мое предположеніе, то изъ этой темы составится порядочной толщины альбомъ и если-бы хоть когда нибудь мнѣ удалось издать въ литографіи, то я былъ-бы выше всякаго земнаго счастія. Но сохрани Боже неудачи, то я умру: идея слишкомъ тѣсно срослась съ моей душою.

Въ слѣдующемъ письмѣ я опишу тебѣ нѣсколько картинъ такъ, какъ онѣ теперь мнѣ представляются.

О чемъ-же мнѣ еще писать тебѣ, мой друже единый? Отвратительное однообразіе. Полгода уже прошло, какъ я писалъ тебѣ, и теперь писать не о чемъ. Если продлится еще годъ мое заточеніе, то я непремѣнно одурѣю, и изъ завѣтной моей мысли, изъ моего *Блуднаго сына* выйдетъ безъцвѣтный образъ разслабленнаго воображенія, и ничего больше. Грустная, безъотрадная перспектива! Для исполненія задуманнаго мною сюжета необходимы живые, а не воображаемые типы. А гдѣ я ихъ возьму въ этомъ вороньемъ гнѣздѣ? А безъ нихъ, безъ этихъ путеводителей, легко сбиться съ дороги и надѣлать самыхъ нелѣпыхъ промаховъ. Но довольно объ этомъ! Напиши ты мнѣ, какъ ты намѣренъ распорядиться своимъ будущимъ. Кого ты намѣренъ изъ себя сдѣлать—артиста или чиновника? И на томъ и на другомъ поприщѣ сердечно желаю тебѣ успѣха. Но мнѣ-бы искренно хотѣлось, чтобы ты избралъ поприще артиста. Не знаю твоихъ матеріальныхъ средствъ,—фундаментъ всѣхъ нашихъ предпріятій. Моральными средствами ты владѣешь, у тебя есть любовь къ искуству и этого достаточно; о способностяхъ не хлопочи: онѣ вѣрные спутники этого прекраснаго свѣтила. О, если-бы когда нибудь привелось мнѣ увидѣть тебя и увидѣть истиннымъ артистомъ (не истиннымъ ты не можешь быть)! Тогда радость моя была-бы безгранична. Устрой свое будущее, если можно, такъ, а не иначе; тогда, гдѣ-бы я ни былъ, пѣшкомъ прійду любоваться твоими произведеніями. Посовѣтуй, что мнѣ дѣлать съ лоскутьями шерстяной матеріи [1])? У меня ихъ накопилось кусковъ около десятка. Прошедшее лѣто благопріятствовало моей ману-

---

[1]) Съ рисунками.—Бр. З.

фактурѣ. Въ Оренбургѣ, кромѣ Бюрно, я никого не имѣю; но я ни за что не рѣшуся безпокоить его такимъ матеріальнымъ предложеніемъ. На Михайла и Карла надежда плохая, а на лѣнивыхъ земляковъ моихъ и того хуже. Они непремѣнно требують *пломбы;* простота и ничего больше. Гдѣ Аркадій и что онъ дѣлаетъ? Пиши ему и цѣлуй его за меня. Пиши Совѣ и его цѣлуй. Пиши Михайлу и его сначала поцѣлуй, а потомъ попеняй за непростительную лѣнь, если это лѣнь только; не забудь написать Сигизмунду и въ заключеніе пиши Бюрно и цѣлуй за меня этого благороднѣйшаго человѣка.

Отъ всего сердца цѣлую твою щастливѣйшую мать.

Не забывай меня, друже мой единый!

## 13.

## БРОНИСЛАВУ.

*1856 годъ.*

Какое однако-жъ себялюбивое созданіе человѣкъ вообще, а я въ особенности! Ты съ такимъ чистымъ восторгомъ (иначе и быть не можетъ) пишешь мнѣ о своемъ возвращеніи на милую родину, а я... Прости мнѣ, мой единый друже! я чуть не заплакалъ; разумѣется, разстояніе не можетъ измѣнить тебя, моего истиннаго, испытаннаго друга, но безъ тебя все-таки я сирота круглый въ оренбургскомъ безлюдномъ краю. Къ кому я въ этой пустыни прильну полнымъ сердцемъ безъ тебя? Къ кому я такъ братски откровенно адресуюсь съ моими нуждами, и кто такъ искренно, какъ ты, возьметъ на себя тяжелый трудъ сбывать мою матерію? Никто! а для меня необходимъ такой другъ въ Оренбургѣ, особенно теперь, потому особенно, что я все-таки не теряю надежды, разумѣется, не раньше зимы, перемѣнить солдатскій бѣдный бытъ на что-нибудь лучшее; но это еще въ рукахъ слѣпой фортуны! Скажи ты мнѣ: на всегда-ли ты оставляешь этотъ безлюдный край или только на время? Если только на нѣкоторое время, то я подожду тебя, если-же на всегда (чего желаю тебѣ ото всего сердца), то я долженъ буду отправить матерію къ землякамъ моимъ, которые (чудаки между прочимъ) непремѣнно требуютъ моего штемпеля, на что я никогда не рѣшуся, на каждомъ кускѣ; а иначе въ ихъ глазахъ произведеніе никакой цѣны не имѣетъ.

Изъ этого ты видишь, что земляки мои—порядочные вандалы.

Полученные мною фотографіи не совсѣмъ удачны. Портретъ С. Сѣраковскаго хотя и блѣденъ, но его даже солдаты узнаютъ, которые видѣли его когда-то въ Уральскѣ. Благодарю его за этотъ милый подарокъ, а за письмо не благодарю, потому что его до сихъ поръ прочитать не могу—ужасно неразборчиво написано. Но все таки цѣлую его всею полнотою души. Попроси его, чтобы онъ мнѣ прислалъ свой адресъ изъ Екатеринослава и чтобы хоть немного умѣрилъ свой почеркъ. Ты вѣроятно заѣдешь въ Уфу,—поцѣлуй Сову и Людвика.

Бюрно у насъ еще не былъ и вѣроятно онъ будетъ здѣсь не раньше, какъ по окончаніи курса леченія въ Пятигорскѣ, а къ тому времени ты сдѣлалъ-бы доброе дѣло, если-бы написалъ ему обо мнѣ хоть нѣсколько словъ, или, еще лучше, еслибы письмо прислалъ мнѣ; тогда я смѣло могъ-бы явиться къ нему, а то я такъ одичалъ здѣсь, что едва-ли безо-всего осмѣлюсь явиться къ военному генералу; ты не повѣришь, какіе для меня теперь это страшилища, просто ужасъ! Не полѣнися, напиши, мой добрый Брониславе!...

Сдѣлаетъ-ли безъ тебя милую для меня фотографію? Ахъ, если-бы сдѣлалъ! Какъ-бы я ему благодаренъ былъ! Устрой это такъ, чтобы сдѣлалъ и непремѣнно (попроси) уважаемаго мною Карла. Я самъ теперь пишу ему и прошу его объ этомъ. Ираклій [1]), кажется, немного охладѣлъ къ фотографіи. А знаешь-ли, что у насъ вышла маленькая контра? А. [2]) имѣла неосторожность попрекнуть меня своими благодѣяніями, и я отряхнулъ прахъ отъ ногъ моихъ, и повторяю слова великаго флорентинскаго изгнанника:

Горекъ хлѣбъ подаянія
И жестки ступени чужого крыльца.

Происшествіе непріятное, но я теперь себя чувствую гораздо спокойнѣе и свободнѣе, нежели подъ покровительствомъ этихъ, въ сущности добрыхъ, людей.

---

[1]) Усковъ, комендантъ Ново-Петровскаго укрѣпленія.—Пр. Бр. З—аго.

[2]) Агата Ускова, о которой выше съ такой горячностью говорилъ Шевченко.—М. Т.

Что мнѣ еще писать тебѣ? Ничего больше, какъ повторю мою просьбу на счетъ Бюрно, и гдѣ-бы ты ни былъ, пиши мнѣ, не забывай меня, теперь совершенно одинокого, а когда будешь дома, то поцѣлуй за меня родившую тебя моего искренняго, моего единаго друга.

Если застанетъ тебя это письмо въ Оренбургѣ, то возьми мою мизерію у Карла и передай Михайлу. Я весьма опрометчиво поступилъ съ моимъ Варнакомъ, и тѣмъ болѣе, что черновую рукопись уничтожилъ. И теперь не знаю, что мнѣ и дѣлать. Если онъ у тебя переписанъ, то пришли его мнѣ: тамъ нужно многое поправить. Слогъ вообще довольно шершавый. Во всякомъ случаѣ не посылай его Осипову. Я содержаніе помню и напишу его вновь. Будешь писать Аркадію, цѣлуй его отъ меня.

## 14.

*10 февраля 1857 г.*

Письмо твое, мой искренный друже, отъ 18 сентября [1]) минувшаго года получилъ я 28 генваря текущаго года. Что значитъ эта черепашняя медленность, я не понимаю. Ираклій говоритъ, что ты адресовалъ его черезъ Астрахань, и что оно опоздало къ послѣднему почтовому переходу, и должно было черезъ Самару и Оренбургъ путешествовать въ наше кочевье. Такъ-ли, иначе-ли, все-же оно дошло до меня и я со слезами сердечной радости прочиталъ его.

Друже мой единый! твоя радость, твое счастье такъ безпредѣльно полны, что мнѣ остается только пожелать тебѣ, твоей счастливой матери, отцу и всему близкому твоему сердцу, пожелать долгихъ и долгихъ и безмятежныхъ дней. Ты такъ искренно, такъ живо радостно описываешь свое свиданіе, что я какъ-бы присутствую при этой прекрасной сценѣ, какъ будто самъ цѣлую и слезами обливаю руки твоей такъ долго скорбящей, и теперь такъ полно счастливой матери. Ты боялся возмутить мое искренно любящее тебя сердце описаніемъ своей радости. Напрасно, твоя радость нераздѣльна съ моей радостью, нераздѣльна, какъ любящая душа съ такой-же любящей душою. Эта психологическая истина требуетъ матеріальныхъ доказательствъ.

---

[1]) Напечатано у г. Чалаго на стр. 83—84.

Ты пишешь, что кароокіе и голубоокіе siestrzeńcy твои спрашивают тебя, когда пріѣдетъ къ нимъ старый другъ твой, который любитъ добрыхъ и милыхъ дѣтей? Цѣлуй ихъ, мой единый друже, и скажи имъ, что сердце мое давно уже съ ними, и что самъ я пріѣду къ нимъ скоро и поцѣлую ихъ такъ, какъ ты ихъ теперь цѣлуешь. Фантазія! воображаемое счастіе! пока и этого довольно. Для душъ сочувствующихъ и любящихъ воздушные замки прочнѣе и прекраснѣе матеріальныхъ палатъ эгоиста. Эта психологическая истина непонятна людямъ положительнымъ. Жалкіе эти положительные люди; они не знаютъ совершеннѣйшаго, величайшаго счастія на землѣ, они, одурманенные себялюбіемъ, лишены этого безграничнаго счастія,—рабы лишенные свободы, и ничего больше.

Вмѣстѣ съ твоимъ радостнымъ письмомъ получилъ я письмо изъ академіи художествъ отъ жены нашего вице-президента графа Толстаго. Она пишетъ мнѣ, что сдѣлано все для моего искупленія, и что въ скоромъ времени она ожидаетъ счастливаго результата. Какъ ты думаешь, можно-ли на этомъ фундаментѣ строить воздушные замки? Ты скажешь: можно, а я уже ихъ и построилъ. И какіе прекрасные, какіе свѣтлые замки! Безъ бойницъ и амбразуръ, безъ золота и мрамора мои роскошные прекрасные замки! но имъ позавидовалъ-бы и самъ Несвижскій „Panie Kochanku" [1] *), еслибъ онъ могъ теперь завидовать чему нибудь. Я вотъ что построилъ на этомъ прекрасномъ фундаментѣ.

Первое, или первая поэма, интродукціо: разставанье съ пустыней, въ которой я столько лѣтъ терпѣлъ, разставанье съ Карломъ, Михайломъ и Бюрно, котораго я только разъ увидѣлъ и полюбилъ, потомъ пауза до Москвы, потомъ Москва, оставшіеся друзья и школьные товарищи, потомъ, потомъ... вотъ какой финалъ. Вмѣсто петербургской желѣзной дороги я выбираю простую почтовую дорогу—смоленскую или виленскую и пріѣзжаю прямо въ Рачкѣвичи [2]). Здѣсь начинается вторая

---

[1]) Поговорка извѣстнаго князя Карла Радзивилла, служившая ему названіемъ.—Пр. Бр. З—аго.

*) Въ нашей копіи внизу написано и зачеркнуто слово: «моспанку», выраженіе фамиліарности и пренебреженія въ отношеніи къ низшимъ и даже животнымъ. напр. кормленой свиньѣ.—М. Т.

[2]) Имѣніе родителей Залескаго, минск. губ., слуцк. у.—Пр. Бр. З—аго.

часть поэмы. Встрѣчаюся съ тобою, плачу и цѣлую руки твоей счастливой матери, цѣлую твоего счастливаго отца, сестеръ, кароокихъ и голубоокихъ *siostrzeńców* твоихъ и, въ объятіяхъ полнаго счастія, отдыхаю, повторяя стихъ великаго поэта: „Мало воздуха всей Аравіи наполнить мою свободную грудь“. Вмѣсто Аравіи я буду говорить Литвы. Отдохнувши отъ этой полной радости, я почти силою беру тебя изъ объятій твоей счастливой матери, и въ одно прекрасное утро мы съ тобою молимся передъ образомъ Божіей Матери Остробрамской. Вильно также дорого по воспоминаніямъ моему сердцу, какъ и твоему. Изъ литовской столицы по варшавскому шоссе мы летимъ прямо въ академію художествъ и дополняемъ наше и безъ того полное счастіе двумя годами студенческой затворнической жизни. А сколько радости въ этой затворнической жизни! Эта радость и это счастіе понятно только тому, кто любитъ божественное искусство такъ, какъ мы съ тобою его любимъ. Не правда-ли,—прекрасный, великолѣпный и не совсѣмъ воздушный замокъ? Фундаментъ почти ручается за его сбыточность и прочность.

Второй воздушный замокъ, или поэма на одну и туже тему: вступленіе тоже самое, сцена въ Москвѣ таже самая, но вмѣсто смоленской дороги выбрана петербургская желѣзная, и я въ Петербургѣ, въ скромной квартирѣ о двухъ комнатахъ, изучаю искусство гравированія *акватинта*, и ожидаю къ себѣ тебя, моего искренняго друга. Ты пріѣхалъ, живемъ мы съ тобою скромно, почти бѣдно, въ маленькихъ комнаткахъ, неутомимо работаемъ, учимся и наслаждаемся своимъ ученіемъ. Два года пролетаютъ незамѣтно надъ нами, и мы, ежели не полные, по крайней мѣрѣ, сознательные артисты, черезъ Вильно и Слуцкъ возвращаемся въ Рачкѣвичи, цѣлуемъ твою мать, отца, сестеръ и кароокихъ и голубоокихъ сыновцевъ твоихъ.

Вторая моя поэма немного прозаичная, но въ сущности полнѣе первой. Такъ или иначе, а ты долженъ быть въ академіи художествъ или будетъ прорѣха, не зашитая дыра въ твоей и въ моей жизни. Недостаточно видѣть, любоваться прекраснымъ, умнымъ, добрымъ челомъ человѣка, необходимо нарисовать его на бумагѣ и любоваться имъ, какъ созданіемъ живаго Бога. Вотъ что нужно для полноты нашей радости, для полноты нашей жизни!

Позычъ, выпроси 25 рублей на мѣсяцъ, въ продолженіи двухъ лѣтъ. Какъ знаешь, сдѣлай, только сдѣлай; это для тебя и даже для меня необходимо: для меня потому, что я желаю видѣть и цѣловать моего друга совершеннаго, а для твоего совершенства необходима академія художествъ. Безъ разумнаго пониманія красоты человѣку не увидѣть Всемогущаго Бога въ мелкомъ листочкѣ малѣйшаго растенія. Ботаникѣ и зоологіи необходимъ восторгъ, а иначе ботаника и зоологія будетъ мертвый трупъ между людьми. А восторгъ этотъ пріобрѣтается только глубокимъ пониманіемъ красоты, безконечности, симметріи и гармоніи въ природѣ. О, какъ-бы мнѣ хотѣлось теперь поговорить съ тобою о Космосѣ и послушать, какъ ты читаешь пѣсни Вайделоты!

Пускай молятся твои кароокіе и голубоокіе siostrżeńċy: молитва ангеловъ внятнѣе Богу.

*15 февраля.*

Я остановился на высшемъ градусѣ моей сердечной фантазіи, остановился для того, чтобъ дождать слѣдующей почты и подкрѣпить мои предположенія яснымъ и положительнымъ документомъ. Почта пришла 14 февраля и не привезла мнѣ ничего такого, на чемъ-бы основываясь я могъ продолжать свои предположенія. Предвѣстіе, вѣра, надежда, и ничего больше.

Получилъ-ли ты мое письмо отъ октября, не помню, котораго дня, адресованное прямо въ Слуцкъ, а не въ Рачкѣвичи? Я писалъ тогда о свиданіи моемъ съ сердечнымъ старымъ Бюрно. Если не получилъ, то напиши мнѣ: я тебѣ другой разъ опишу это короткое и безконечно длинное свиданіе. А теперь, какъ и тогда, прошу тебя, мой сердечный друже, пиши ему, цѣлуй его сѣдую—молодую голову, цѣлуй его чистое живое сердце, цѣлуй его божественную христіанскую душу. Цѣлуй его, какъ артиста, какъ брата, какъ человѣка. Я ничего теперь не могу больше сказать. Сердце мое переполняется любовью и изнемогаетъ при воспоминаніи о немъ.

Цѣлуй Аркадія, жену его и дѣтей его. Цѣлуй Сигизмунда и желай ему самаго блестящаго успѣха на избранной имъ дорогѣ. Писалъ-бы тебѣ еще много и много, но, какъ я сказалъ, документа нѣтъ; а безъ него самая яркая фантазія ничего больше, какъ сальная свѣча

въ казармахъ. Фантазія должна опираться на положительное. Сѣмена Джугары и двѣ штуки матеріи шерстяной пошлю тебѣ въ послѣдней половинѣ марта, а когда ты его получишь, Богъ знаетъ. Цѣлую твою счатливую мать, твоего отца, твоихъ сестеръ и твоихъ ангеловъ siostrzeńców. Не забывай меня, друже мой единый!

## 15.

*8 мая, 1859 г. (1857 г.).*

Мой единый друже, Брониславе! Ради нашей святой дружбы ростолкуй ты мнѣ, что значитъ твое упорное молчаніе? [1]) или ты облѣнился и прокисъ наконецъ въ деревнѣ, или ты заболѣлъ? Да хранитъ тебя Господь! или ты скрылся въ невѣдомое тридесятое государство, гдѣ о почтѣ и понятія не имѣютъ? или я не знаю, что и думать. До полученія послѣдняго письма твоего отъ 18 сентября минувшаго года, я писалъ къ тебѣ два раза, по адресу Балинскаго. Первый разъ въ ноябрѣ, а второй разъ въ генварѣ, вмѣстѣ съ Б., и ни на одинъ привѣтъ не получилъ отвѣта; что это значитъ, и ума не приложу. Письмо твое отъ 18 сентября получилъ я въ послѣднихъ числахъ марта, на которое отвѣчаю только теперь. Я все дожидалъ отъ тебя позднѣйшихъ извѣстій и, не дождавшись, рѣшился адресовать тебѣ третье посланіе въ твои милые задушевные Рачкѣвичи. Вмѣстѣ съ твоимъ послѣднимъ письмомъ, получилъ отъ тебя письмо и Ираклій, въ которомъ ты просилъ (его) о присылкѣ сѣмянъ Джугары, а меня просилъ прислать тебѣ для извѣстнаго употребленія два куска матеріи собственнаго рукодѣлія. Просьба твоя исполнена не совсѣмъ удовлетворительно; посылка отправлена поздно, сѣмена не получишь ты ко времени посѣва. Тебѣ не безъизвѣстно, что на время зимы денежная и вообще интересная корреспонденція у насъ прекращается. Вотъ причина запоздалости. Вмѣстѣ съ сѣменами послано тебѣ и мое рукодѣлье, три штуки. Двѣ для твоего собственнаго употребленія, т. е. для продажи по твоему усмотрѣнію, а третья съ надписью для графини Т., которой и прошу тебя немедля

[1]) У г. Чалаго напечатано письмо 3—скаго отъ 3 марта 1857 г.

переслать съ письмомъ или безъ письма, какъ знаешь, по нижеслѣдующему адресу:

Въ С.-Петербургъ, графинѣ Наталіи Ивановнѣ Толстой, въ академію художествъ,

а деньги, вырученныя за остальные два куска, отошли на имя Михайла Матвѣевича Лазаревскаго въ С.-Петербургъ, на Большой Морской улицѣ, въ домѣ графа Уварова. Сдѣлай такъ, какъ я тебя прошу, друже мой единый! На дняхъ мы дожидаемъ почты, и потому я не кончаю моего письма. Почта должна привезти мнѣ твое письмо и.... но я боюся выговорить... Ты замѣчаешь-ли перемѣну моего почерка? Добрый знакъ, друже мой единый, знакъ свободы! Но подождемъ, что скажетъ почта.

*10 мая.*

Сегодня пришла почта и принесла твое отъ 3 марта, такъ долго-долго ожиданное, дорогое письмо; но чего я дожидалъ съ судорожнымъ замираніемъ сердца, того не привезла, и причина простая, которую объяснилъ мнѣ М. Лазаревскій своимъ братскимъ письмомъ, полученнымъ съ этою-же почтою. Не въ генварѣ, какъ я тебѣ писалъ, а только къ 7 апрѣля представленъ я со многими другими; но чѣмъ разрѣшилось это представленіе, неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ я не унываю, но ожиданіе, какъ и всякое ожиданіе, самое несносное чувство. Не говоря уже о разумномъ какомъ занятіи, я даже романа читать не могу. Несносное состояніе, и оно должно продлиться еще по крайней мѣрѣ мѣсяцъ, если не больше.

Глубоко уважаю твои чувства, друже мой милый, въ отношеніи къ матери; но все таки не могу не пожалѣть, что ты рѣшительно отказался отъ моей милой академіи. Два года только, и ты артистъ, по крайней мѣрѣ для себя, если не для публики. Мелкіе города опасны, а столицы нечего бояться ни въ какомъ отношеніи; а какое неизъяснимое блаженство увидѣть волшебное искусство во всемъ его блескѣ, во всемъ его магическомъ очарованіи! Рай, заповѣданный только святымъ! Но если ты уже рѣшительно посвятилъ себя идилліи, то сдѣлай-же эту идиллію полною, совершенною. Женись, а иначе идиллія будетъ вяла, суха и однообразна; а впрочемъ ты не Улиссъ, а я не Менторъ.

Отъ Сигизмонда я не получилъ до сихъ поръ ничего, а для „Блуднаго сына“ мѣшалъ бистру съ тушью и вышелъ тонъ почти сепіи. Готовыхъ уже у меня 8 штукъ. Первыхъ четырехъ сценъ еще не начиналъ за неимѣніемъ модели. Необходимъ русскій типическій купецъ, чего здѣсь не имѣется. Я отложилъ это до Москвы или до Петербурга. Разскажу тебѣ о „Блудномъ сынѣ“ подробно въ слѣдующемъ письмѣ, а теперь тороплюсь, завтра почта отходитъ.

Ты пишешь, друже мой единый, на счетъ матеріи; въ слѣдующей почтѣ пошлю тебѣ еще двѣ штуки, не знаю, какого содержанія, а для виленскаго альбома пришлю нѣсколько штукъ изъ нашего каратаускаго вояжа и изъ здѣшнихъ окрестностей, а что пришлю, о томъ напишу. Изъ посланныхъ тебѣ кусковъ одинъ можетъ быть покажется тебѣ непонятнымъ. Это преданіе о происхожденіи рисованія. Дочь хіоскаго горшечника нарисовала на дверяхъ хижины силуетъ своего возлюбленнаго, и это была первая рисовальщица.

Экспедиція по Виліи можетъ быть чрезвычайно интересна. Какъ-бы я желалъ поплавать по этой матери литовскихъ рѣкъ.

Цѣлую Бюрно, Аркадія, Сигизмунда, цѣлую твоего старика, твою добрую, любящую мать, сестеръ и твоихъ каро и голубоокихъ siostrzeńców.

*13 мая.*

Почта отправляется еще черезъ два дня, что и дало возможность мнѣ устроить для тебя посылку.

Посылаю тебѣ 17 штукъ для В. А. Выбери изъ нихъ, которые тебѣ покажутся лучшими и пригоднѣйшими къ дѣлу, и самъ назначь имъ цѣну, какую найдешь приличною. Поторгуйся, мнѣ теперь болѣе, нежели когда, деньги необходимы. Кромѣ предстоящей дороги я похожъ теперь на турецкаго святого, а турецкіе святые, какъ тебѣ извѣстно, не разборчивы въ отношеніи костюма: они щеголяютъ иногда *au naturel*. Если-бы заплатили по 15 рублей, я былъ-бы болѣе нежели доволенъ, и эти деньги посвятилъ-бы на дорогу отъ Москвы до Рачкѣвичъ.

Еще посылаю тебѣ *счастливаго ловца* и *ловкаго продавца*. Этимъ молодцамъ тебѣ цѣна извѣстна. Устрой, друже мой, все это най-

лучше и найскорѣе, и жди меня, твоего искренняго друга, въ свои теплыя объятія.

Форму и величину 17 штукамъ можно дать одну, это не повредитъ эффекту;—такую, напримѣръ, какъ 17 № *Когакъ*.

*20 мая.*

Сегодня только отходитъ почта и я прибавляю еще двѣ штуки. Я назвалъ ихъ молитвою по умершимъ. Это религіозное повѣрье киргизовъ. Они по ночамъ жгутъ бараній жиръ надъ покойниками, а днемъ наливаютъ воду въ ту самую плошку, гдѣ ночью жиръ горѣлъ, для того, чтобы птичка напилася и помолилась Богу за душу любимаго покойника. Не правда-ли, поэтическое повѣрье?

**16.**

Пишу тебѣ менѣе, нежели мало, но пишу изъ Астрахани, на пути въ Петербургъ, и слѣдовательно это миніатюрное письмо родитъ въ твоемъ благородномъ сердцѣ огромную, роскошную библіотеку. Въ одинъ день съ твоимъ письмомъ отъ 30 мая получилъ я офиціальное извѣстіе о моей свободѣ. Добрый Ираклій далъ мнѣ отъ себя пропускъ прямо въ Петербургъ, минуя Уральскъ и Оренбургъ, а слѣдовательно и 1000 верстъ лишняго и дорогого пути. Сердечно ему благодаренъ за эту экономію денегъ и времени, теперь для меня такъ драгоцѣннаго. 15 августа понесетъ меня пароходъ изъ Астрахани до Нижняго-Новгорода, а оттуда дилижансъ въ Москву, а изъ Москвы паровозъ въ Петербургъ. Весело, друже мой единый, невыразимо весело, когда наши волшебные воздушные замки начинаютъ быть осязательными. Я спѣшу теперь въ Петербургъ для того единственно, чтобы поцѣловать руки моей святой заступницы, графини Наталіи Ивановны Толстой. Послалъ-ли ты ей моего Киргизенка? или, лучше сказать, получилъ-ли ты самъ его, и его родныхъ братьевъ—счастливаго рыбака и смышленнаго продавца? Въ послѣднемъ своемъ письмѣ ты мнѣ ничего не пишешь о моихъ посылкахъ. Получилъ-ли ты ихъ? Если получилъ, то распорядись ими, какъ находишь лучше, и напиши мнѣ въ Петербургъ по адресу, тебѣ извѣстному. Я также, какъ и ты, вполнѣ и совершенно вѣрую,

что мы съ тобою увидимся, но когда и гдѣ, не знаю; во всякомъ случаѣ не въ киргизской степи.

До свиданія, мой друже единый! Не забывай своего искренняго друга и теперь свободнаго художника.

Т. Шевченко.

Цѣлую твою святую мать, отца и все близкое твоему сердцу.

10 августа, 1857 г.

Астрахань.

# Библіографія.

*Покажчикъ новоі украінськоі літератури (1798—1883 р.). Зібравъ М. Комаровъ. Кіевъ 1883 г. (1—74 стр.). Ц. 50 к.*

Всякій, занимавшійся вопросомъ объ украинской литературѣ, до сихъ поръ встрѣчался съ непреодолимыми препятствіями, по отсутствію полнаго указателя всего того, что написано на малорусскомъ языкѣ, а также и того, что появлялось по этому вопросу въ русской литературѣ. Единственными справочными книгами были: «Систематическій каталогъ русскимъ книгамъ» В. Межова и «Исторія русской и всеобщей литературы, библіографическіе матеріалы» —его-же. Кто знакомъ хорошо съ этими трудами почтеннаго библіографа, тотъ знаетъ, насколько неудовлетворительны они при занятіяхъ указаннымъ выше вопросомъ, во 1-хъ, потому, что «Систематическій указатель» составленъ только о книгахъ, вышедшихъ съ 1825 года, а «Библіографія русской и всеобщей литературы» —съ 1855 г. по 1870 г., во 2-хъ потому, что въ обоихъ этихъ трудахъ встрѣчается очень много пропусковъ, особенно книгъ, издававшихся не въ столицахъ. Благодаря появленію въ свѣтъ разбираемой книги М. Комарова, теперь значительно облегчается положеніе занимающагося изученіемъ украинской литературы, такъ какъ авторъ «Покажчика», надо отдать ему полную справедливость, весьма усердно потрудился для собранія всего того, что было написано по украински, начиная съ «Энеиды» Котляревскаго (1798 г.) и кончая послѣдними произведеніями 1883 года, и при каждой книжкѣ помѣщая указанія критическихъ разборовъ, біографическихъ и библіографическихъ данныхъ, появлявшихся въ русской и галицкой періодической печати. Не можемъ впрочемъ не указать здѣсь-же на одинъ, по нашему мнѣнію, маленькій промахъ: зачѣмъ авторъ не закончилъ книгами, вышедшими въ 1882 году, а помѣстилъ и то, что появилось въ первые мѣсяцы

настоящаго года? Вѣдь черезъ нѣсколько лѣтъ кто-либо, взявъ въ руки «Покажчикъ» и не зная, что онъ вышелъ изъ печати въ концѣ февраля 1883 г., будетъ введенъ въ сомнѣніе тѣмъ, что не найдетъ въ немъ книгъ, которыя отпечатаны еще будутъ въ остальные мѣсяцы этого года. Если уже хотѣлось автору довести литературную лѣтопись до послѣднихъ дней, то нужно было объ этомъ сообщить въ предисловіи къ книжкѣ. Конечно, мы отмѣчаемъ этотъ фактъ, лишь какъ нѣкоторое неудобство для пользованія въ будущемъ.

Въ предисловіи къ «Покажчику», написанкомъ, кстати сказать, очень хорошимъ украинскимъ языкомъ, авторъ съ прискорбіемъ заявляетъ, что литература Галиціи не могла войти въ его трудъ, такъ какъ при тѣхъ слабыхъ литературныхъ связяхъ, которыя имѣются въ настоящее время съ нашими закордонными братьями, нѣтъ возможности собрать данныхъ о литературѣ въ Галиціи. Надо утѣшаться тѣмъ, что во Львовѣ готовится теперь подобный-же библіографическій указатель галицкой литературы и вѣроятно скоро появится въ свѣтъ. Что же касается писателей русской Украины, то авторъ собралъ все, что только ему было возможно узнать, включая и тѣ книги, которыя издавались за границей русскими украинцами. Тутъ мы опять сдѣлаемъ маленькое замѣчаніе. Въ «Покажчикѣ» помѣщены иногда авторы, у насъ на Руси невѣдомые, ничего въ Россіи не издававшіе,—чѣмъ-же г. Комаровъ докажетъ, что это русско-украинскіе писатели? Придется вѣрить ему на слово; напр. *Банасико Ф.* (Дикий піпъ), *Білинъ И.* (Біографія Тургенева), *В. П.*— (Дворянка). и мн. др. Намъ кажется, что правильнѣе было-бы, не помѣщая всей галицкой литературы, ограничиться только книгами, изданными въ Россіи, да заграничными изданіями сочиненій хорошо извѣстныхъ украинскихъ писателей, какъ-то: Гулака-Артемовскаго, Квітки-Основьяненка, Кулиша, Шевченка и др.; всѣхъ-же остальныхъ, о которыхъ случайно могъ узнать составитель «Покажчика», предоставить указать галичанамъ, такъ какъ большинство такихъ изданій было у нихъ, тѣмъ болѣе, что въ замѣнъ этого мы имѣемъ право помѣстить у себя (правда—въ значительно меньшомъ количествѣ) изданія галичанъ, вышедшія въ Россіи, наприм. «Пѣсни Галицкой и Угорской Руси» Я. Головацкаго.

Что касается системы расположенія книгъ въ «Покажчикѣ», то составитель указываетъ какъ на лучшую въ данномъ случаѣ—алфавитный перечень. Съ своей стороны мы вполнѣ соглашаемся съ этимъ мнѣніемъ составителя, но замѣтимъ, что алфавитный указатель имѣетъ одно неудобство при отыскиваніи той или другой книги, а именно: если при книгѣ имя автора обозначено только начальными буквами, которыя

конечно легко забываются, то приходится, зная даже заглавіе книги, пересмотрѣть весь «Покажчикъ», пока набредешь на нее; напр. нужно навести справку о книгѣ «Якъ розпізнати грунтъ»: если позабылъ, что она переведена *И. М. Р.* (а кто это будетъ помнить?), то никакъ не догадаешься, гдѣ ее искать. Равное затрудненіе встрѣчается и въ томъ случаѣ, когда книга не указываетъ автора. Въ „Покажчикѣ“ она помѣщается по алфавиту, при чемъ составитель беретъ за основу такую случайную примѣту, какъ начальная буква заглавнаго листа, что конечно очень неудобно при отысканіи книги, если точно не помнишь заглавія ея. Напр. намъ нужно было навести справку о книгѣ, трактующей о «лікахъ свойенародныхъ“,—случайно удалось ее найти скоро, раскрывъ страницу 43, гдѣ она помѣщается на букву *П*, такъ-какъ озаглавлена «Про ліки свойенародні» (замѣтимъ кстати, что книга эта въ дѣйствительсности озаглавлена такъ: «ліки свойенародні, зъ домашнего обиходу і въ картинахъ життя», ц. 7 к.) Конечно, это мелкій недостатокъ, который почти равняется нулю, если принять во вниманіе неоспоримыя достоинства труда г. Комарова; но все-таки до извѣстной степени можно было-бы избѣжать его, приложивъ въ концѣ книги предметный указатель по главному сюжету книги, расположивъ его въ алфавитномъ порядкѣ и сдѣлавъ ссылку на номеръ.

Въ «Покажчикъ» вошли не только заглавія книгъ, но и критическія и біографическія статьи, собранныя съ примѣрной тщательностью, хотя не безъ пропусковъ, о которыхъ мы скажемъ впереди.

Наименѣе полный и удобный для справокъ отдѣлъ, приложенный въ концѣ «Покажчика» — «Найглавнійші спільні писаня про українську мову, літературу і про українське питання». Тутъ ужъ алфавитный порядокъ авторовъ или періодическихъ изданій, если авторъ не указанъ, совершенно ничему не помогаетъ; отдѣлъ этотъ слѣдовало-бы составить въ систематическомъ порядкѣ, раздѣливъ на нѣсколько существенныхъ рюбрикъ.

Дѣлая эти общія замѣчанія, мы имѣемъ въ виду только тѣ измѣненія, которыя, можетъ быть, г. Комаровъ найдетъ нужнымъ сдѣлать въ въ будущемъ изданіи своего труда, а совсѣмъ не желаніе упрекнуть его въ недостаткахъ, такъ-какъ отлично понимаемъ, сколько труда пришлось затратить составителю,—труда, за который, кромѣ самаго искренняго «спасибо», никто, мы думаемъ, много не скажетъ. И вотъ, имѣя въ виду лишь будущее исправленное изданіе «Покажчика», мы прилагаемъ теперь-же тѣ мелкія добавленія и поправки, которыя на первый разъ пришли намъ на память и оказались подъ руками, и приглашаемъ всѣхъ библіографовъ послѣдовать нашему примѣру и сообщить и свои

замѣтки въ благодарность г. Комарову за цѣнный подарокъ, сдѣланный имъ любителямъ украинской литературы.

Просимъ прощенія въ томъ, что замѣтки наши будутъ носить отрывочный характеръ, такъ какъ онѣ явились при бѣгломъ обзорѣ различныхъ мѣстъ самаго «Покажчика».

1) Не указано: *Инфимовскій Ник.*, свящ., «Бесѣда въ 12 недѣлю по Пятидесятницѣ» (на малорус. яз.). Помѣщена въ «Домашней Бесѣдѣ» 1860 г. вып. 33-й.

2) *Стеценко.* «Доля, драма въ 5 діяхъ» печаталась не въ «Харьк. Губ. Вѣдом.», а въ газетѣ «Харьковъ» (прибавленіе къ Харьк. Губ. Вѣд.) 1863 г. №№ 39—43.

3) Не указана статья (по вопросу о малор. учебн. въ школѣ) *Хуторянина:* „Какія руководства удобнѣе употреблять при первоначальномъ обученіи крестьянскихъ дѣтей" (Черниг. Лист. 1862 г. №№ ?—27; точно начала статьи указать не могу).

4) Не указанъ „Сонетъ" *Кулиша,* напечатан. въ Черниг. Листкѣ 1862 г. № 27 (Кажется, нигдѣ больше не напечатано; начинается такъ: «Ще любо дивлятся на мене карі очі» ).

5) *Гречулевичъ.* «Проповѣди на малороссійскомъ языкѣ», издан. въ 1857 г. вторымъ изданіемъ, кажется, печатались въ Черн. Губ. Вѣд. въ томъ-же году; по крайней мѣрѣ, одна изъ проповѣдей на Новый годъ была помѣщена въ № 1 (см. «Украинск. Литер. лѣтоп. за 1857 г. въ Черн. Губ. Вѣд. 1857 г. № 47»).

6) «Наймычка», поэма *Шевченка* была первоначально напечатана въ «Зап. о Южн. Руси» т. 2-й, издан. Кулиша, безъ указанія автора, такъ какъ имени Шевченка тогда нельзя было поминать (1856 г.); о ней было сказано, что авторъ поэмы неизвѣстенъ и что сама поэма найдена въ альбомѣ какой-то барышни. Эту библіографич. справку, намъ кажется, слѣдовало-бы привести.

7) Статья въ Маякѣ 1840 г. т. I, ч. 2-ая, указанная въ числѣ рецензій на сочиненія *Квитки,* подписана *С. Б.* и разбираетъ «Листи до любезнихъ землякивъ».

8) Статья «О древности и самобытности южнорускаго языка» (стр. 65), помѣщенная въ Жур. Мин. Нар. Просв., перепечатана въ «Записк. о Южн. Руси» Кулиша, т. 2-ой.

9) Не указана статья *Максимовича М.* «Мнѣніе о малороссійскомъ языкѣ и правописаніи онаго, помѣщенная въ «Русскомъ Зрителѣ» 1829 г. ч. VI, № 21 и 22.

10) Не указанъ привѣтъ *Максимовича* Шевченку на обѣдѣ 25 марта 1858 г. «Привѣтъ на малорус. яз.», помѣщенъ въ Основѣ 1861 г. № 6 въ статьѣ «Значеніе Шевченка для Украйны».

11) Не указано стихотворенiе *Максимовича* на малорос. яз. «На смерть Шевченка», помѣщенное въ «Основѣ» 1861 г. № 6. Также не указано его-же стихотворенiе, помѣщенное тамъ-же «На похоронъ Т. Г. Шевченка підъ Каневомъ».

12) Не указана статья *Погодина* «О древнемъ русскомъ языкѣ», напеч. въ видѣ письма къ И. Срезневскому въ «Извѣст. 2-го Отдѣл. Импер. Акад. Наукъ» т. V, вып. 2-ой и перепечатан. въ «Москвитянинѣ». 1856 г. № 2; въ ней отрицалось существованiе въ Кiевѣ малороссiянъ до татарскаго перiода. Эта-то статья и вызвала переписку между Максимовичемъ и Погодинымъ, которая и указана въ «Покажчикѣ», хотя не вся, такъ напр.: не помѣщенъ еще одинъ отвѣтъ Погодина, напечатан. въ „Русской Бесѣдѣ" 1857 г. № 3 и перепечат. въ «Москвитянинѣ» 1857 г. № 13—16.

13) Не указана статья *А. Скавронскаго* «Кто наши обвинители» (такъ называемый украинскiй вопросъ и его враги), напечат. въ «Современ. Словѣ» 1862 г. № 157.

14) Всѣ статьи по поводу концерта въ пользу родственниковъ Шевченка гораздо большее значенiе имѣютъ для характеристики Кулиша, а потому ихъ надо исключить изъ числа статей о Шевченкѣ (стр. 57), особенно же—помѣщенная въ „Сѣверн. Пчелѣ" 1861 г. въ №№ 116 и 171. Первая пропущена совсѣмъ въ „Покажчикѣ": *Мокрицкiй П.* «Отвѣтъ на статью г-на Кулиша».

15) О „Ландышахъ Кiевской Украины" *Гр. Карпенка* помѣщенъ очень сочувственный отзывъ въ Галицкомъ журналѣ «Сборникъ» 1857 г. № 7, подъ заглавiемъ „Конвалiя Кiевской Украины". Тутъ-же для образца перепечатаны нѣкоторыя стихотворенiя въ №№ 7, 9, 10, 12 и 14.

16) Стихотвор. *Шевченка*: „Якъ би менi черевики", помѣщено въ «Народномъ Чтенiи» 1859 г. кн. 5-я.

17) Стихотв. *Шевченка:* «Балъ» («Огнi горять, музика грае») въ переводѣ Курочкина; помѣщено въ „Народномъ чтенiи" 1860 г. кн. 6-ая (Переводъ больше похожъ на передѣлку).

18) «Первоцвiтъ» Кузьменка и Щоголева, съ предисловiемъ Кулиша, помѣщенный въ „Хатѣ", изд. Кулиша, вышелъ кажется и отдѣльной книжкой. Ц. 30 к. (по крайней мѣрѣ было объявленiе отъ типографiи Кулиша въ 1859 г., что она печатается).

19) Разсказъ *Марка-Вовчка*: «Два сини», въ переводѣ на русскiй яз. Степ. Яковенка, помѣщенъ въ «Русскомъ Мiрѣ» 1861 г. № 68.

20) О „хохлацькихъ спiвахъ" *Крутоярченка* помѣщена неодобрительная рецензiя Кулиша въ „Парусѣ" 1859 г. № 2.

21) Повѣсть *И. Нечуя-Левицкаю* „Причепа“ переведена на польскій языкъ подъ заглавіемъ: „Przybłęda, powieść ukraińska“ (см. извѣстіе объ этомъ въ галицкой „Правдѣ“ 1878 г. Т. 2-ой).

22) Изслѣдованіе *М. Тулова* „О малорусскомъ правописаніи“ первоначально напечатано было въ «Филологическихъ запискахъ» 1879 г. № 4 и 5.

23) Не указана статья *Воронина:* „Мѣстные вопросы“ (объ украинофильствѣ), помѣщенная въ „Вѣстникѣ юго-запад. Россіи“ 1863 г. Т. 3-й.

24) Не указана повѣсть *Стороженка* «Якъ Богъ дасть, то і въ вікно подасть». С.-ПБ. 1862 г. ц. 3 к.

25) *Марка-Вовчка* „Народні оповідання“ изданы не въ 1857 г., а въ 1858. Не указаны также изданія повѣстей его: «Викупъ» въ 1862 г. С.-ПБ. Ц. 5 к., «Сестра» С.-ПБ. 1862 г. Ц. 7 к.

26) *Забоцня* «Гордовита пара» издана еще разъ въ С.-ПБ. 1862 г. Ц. 3 к.

27) *Мордовцева* «Салдатка» издана еще разъ въ С.-ПБ. 1862 г. Ц. 5 к.

28) *Кузьменка* „Не такъ ждалося, да такъ склалося» издано еще разъ въ С.-ПБ. 1862 г. Ц. 5 к.

29) *Гатцука* «Українська Абетка» издана не въ 1863 г., а въ 1861.

30) Не указана статья *С. Гогоцкаго* «На какомъ языкѣ слѣдуетъ обучать въ сельскихъ школахъ юго-западной Россіи», помѣщенная въ «Кіевскомъ Телеграфѣ» 1863 г. № 33—35 и изданная отдѣльной брошюрой.

31) Не указанъ „Букварь южно-русскій“. 1861 року ц. 3 к. С.-ПБ. (можетъ быть впрочемъ, я его не нашелъ, хотя выписанное заглавіе вполнѣ точно).

32) Не могу точно указать, гдѣ напечатано «Слово про мою щирость до людей убогихъ», дума *Степана Карпенка 1-го.* (Подписано: Кіевъ 1849 року; у меня имѣется эта дума вырванной изъ какого-то сборника).

33) Тоже въ какомъ-то сборникѣ помѣщены: а) «Голубка»—*Думитрашка-Раїча* (подписано: Перенсловъ 1850 р.); б) «На могильна»—его-же (подписано: Переясловъ 1850 р.); в) «Шпыгачка»—его-же; г) «Камінь»—его-же; д) «Чуже не свое»—*Романа Андріевича* (подписано: Переясловъ 1850 р.), и е) «Панъ Сюсюрченко, побрехенька въ лицедійстві»—его-же (въ Покажчикѣ указано, какъ напечатанное въ «Чайкѣ», альманахѣ изданія Пискунова).

34) Были еще и такіе писатели: а) *Надхинъ Григорій;* его малор. стих. «Землякамъ», помѣщ. въ «Русск. Инвал.» 1854 г. № 74; б) *Ваненко*

*Иванъ*, котораго «Дадимо прочухана» (малорус. стихотвор.) напечатано въ «Москов. Вѣд.» 1854 г. № 24.

35) Нѣсколько малорусскихъ думъ, сообщ. *А. Афанасьевымъ*, напечатаны были въ „Извѣст. Акад. Наукъ 1853 г.

37) Статья о *Котляревскомъ* помѣщена въ «Журн. Мин. Народ. Просв.» № 10 въ 1849 г., а не въ 1846, какъ значится въ «Покажчикѣ». (Статья эта, какъ сказано въ концѣ ея, заимствована изъ «Кіевск. Губ. Вѣд.», но въ какомъ номерѣ помѣщена—не знаю).

37) Послѣдняя моя поправка на этотъ разъ будетъ лично касаться меня.—На стр. 24-й сказано, будто-бы въ «Кіевлянинѣ» 1878 г. № 143 и 144 была помѣщена моя статья о Квиткѣ. Смѣю увѣрить, что никогда ни одной строчки не помѣщалъ въ «Кіевлянинѣ»; въ указанныхъ-же выше номерахъ былъ помѣщенъ репортеромъ «Кіевлянина» отчетъ о засѣданіи Общества Нестора лѣтописца, въ которомъ мною прочитанъ былъ рефератъ о Квиткѣ въ день празднованія его юбилея.

Не въ осужденіе пусть приметъ уважаемый составитель „Покажчика“ наши поправки и дополненія; мы признаемъ, что пропусковъ въ подобномъ трудѣ никто избѣжать не можетъ, особенно, если приходится вести его въ провинціальномъ городѣ, гдѣ достанешь далеко не все нужное для справокъ. Единственная возможность пополнить пробѣлы библіографическаго указателя—сдѣлать извѣстными имѣющіяся у каждаго свѣдѣнія путемъ печати, что мы на первый разъ и сдѣлали, обѣщая и впредь, по мѣрѣ накопленія матеріала, предавать его тисненію. А пока что, скажемъ еще разъ большое «спасибо» М. Комарову, отъ лица всѣхъ занимающихся малорусской литературой, за составленный имъ «Покажчикъ»!

**В. Науменко.**

---

## *D-r Antonij I.—Niewiasty kresowe. Warszawa. 1883.*

## *Д-ръ Антоній І.—Женщины на окраинахъ. Варшава. 1883 г.*

Новое сочиненіе доктора Антонія І., появившееся подъ этимъ заглавіемъ, содержитъ шесть біографическихъ очерковъ, обрисовывающихъ типы женщинъ шляхетской среды въ юго-западномъ краѣ; одинъ очеркъ относится къ концу XVI столѣтія, два къ первой и два ко второй половинѣ XVII ст. и одинъ къ концу XVIII ст. Первые три біографіи изображаютъ въ сущности одинъ и тотъ-же типъ женщины, выросшей и воспитанной среди безграничнаго своеволія шляхетской среды своего времени, не сдерживаемаго ни извнѣ—властью и закономъ, ни внутри—

прочными нравственными принципами и сознаніемъ гражданскаго долга. Изъ очерковъ доктора Антонія мы видимъ, что болѣе энергическія женщины не только усваивали себѣ бытовыя черты своего общества, но старались и во внѣшнихъ ихъ формахъ и пріемахъ не уступать мущинамъ; онѣ ведутъ безконечныя тяжбы, усваиваютъ себѣ страсть къ кляузамъ, умѣютъ весьма ловко пользоваться юридическою казуистикою; онѣ вчинаютъ иски или отбиваются отъ нихъ вооруженною силою, предпринимаютъ заѣзды, выдерживаютъ осады, держатъ на жалованьи вооруженные отряды и во главѣ ихъ даютъ сраженія и т. п. Первая біографія посвящена Аннѣ Борзобогатой-Красненской, урожденной княжнѣ Сокольской;—эта энергическая женщина была невѣсткою извѣстнаго епископа луцкаго и острожскаго Іоны Борзобогатаго-Красненскаго; подчиняя своему вліянію и слабохарактернаго мужа и престарѣлаго тестя-владыку, Анна Борзобогатая руководила ихъ дѣятельностью и направляла ее на безпрестанныя тяжбы, самоуправства и заѣзды, въ которыхъ и сама нерѣдко принимала лично участіе; она управляла самопроизвольно имѣніями и казною луцкой епископіи, раздавала и отчуждала ихъ въ пользу какъ свою, такъ и своихъ родственниковъ и пріятелей и отказывалась исполнять всякія требованія властей и даже распоряженія короля. Весьма интересенъ между прочимъ эпизодъ столкновенія Борзобогатыхъ съ княземъ Курбскимъ; послѣдній предъявилъ судебное рѣшеніе, подтвержденное королевскимъ приказомъ о взысканіи съ Борзобогатыхъ довольно крупной суммы, но Анна отказала на отрѣзъ въ ея уплатѣ; два раза по повелѣнію короля подымалось поголовное ополченіе дворянъ волынскаго воеводства для того, чтобы заставить ее подчиниться приговору и оба раза оказалось безсильнымъ для достиженія этой цѣли. Анна Борзобогатая встрѣтила ополчившихся дворянъ во главѣ наемной милиціи и въ рѣшительной стычкѣ, въ которой она, одѣтая въ панцырь, командовала гайдуками и артиллеріею, нанесла имъ рѣшительное пораженіе и заставила ихъ разсѣяться.

Другая аналогическая личность — это Ѳеофила Хмѣлецкая, жена кіевскаго воеводы Стефана Хмѣлецкаго; мужъ ея, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ полководцевъ XVII столѣтія, прославившійся нѣсколькими блестящими побѣдами надъ татарами, происходилъ изъ дворянскаго, совершенно бѣднаго и безземельнаго семейства. Онъ родился на Волыни и сдѣлалъ первоначальную карьеру на частной службѣ въ надворныхъ милиціяхъ сначала у князя Януша Острожскаго, потомъ у кіевскаго воеводы Ѳомы Замойскаго, который впослѣдствіи, занявъ должность подканцлера, воспользовался своимъ вліяніемъ при дворѣ, чтобы доставить должность кіевскаго воеводы полковнику своей надворной милиціи Хмѣ-

лецкому. Послѣ смерти мужа Ѳеофила Хмѣлецкая получила отъ короля на содержаніе въ пожизненное владѣніе тоборовское староство; она энергически стала вести процессы съ сосѣдями и еще болѣе энергически поддерживала эти процессы заѣздами. Д-ръ Антоній, по документальнымъ источникамъ, насчитываетъ 7 вооруженныхъ заѣздовъ, предпринятыхъ Хмѣлецкою въ теченіи 10 мѣсяцевъ; одинъ изъ нихъ, подъ личнымъ предводительствомъ воинственной вдовы, кончился совершеннымъ разореніемъ «подобнымъ татарскому» села Сабаровки, принадлежавшаго противникамъ ея дворянамъ Юшковскимъ.

Совершенно такой-же типъ представляетъ и третяя изъ описанныхъ женщинъ Софія, вдова князя Романа Ружинскаго, бывшая во второмъ бракѣ женою виленскаго кастелана, Іеронима Ходкевича. Огромное количество тяжбъ и процессовъ, заѣздовъ и насилій, наполняетъ всю ея біографію, пока наконецъ въ преклонныхъ уже лѣтахъ она не рѣшилась окончить тревожную жизнь въ монастырѣ.

Со второй половины XVII столѣтія типъ шляхетской женщины въ юго-западномъ краѣ измѣняется; по крайней мѣрѣ два эскиза, начерченные весьма талантливо д-ромъ Антоніемъ, изображаютъ намъ лица совершенно другаго характера—болѣе пассивныя, не отличающіяся ни буйствомъ, ни своеволіемъ, и мужественно переносящія бѣдствія, которыя обрушиваются на нихъ вслѣдствіе неустройства края. Самый живой и интересный очеркъ, по нашему мнѣнію, представляетъ біографія Елены Немиричевой, жены Іосифа Немирича Олевскаго. Поселившись съ мужемъ въ его глухомъ полѣсскомъ помѣстьи, она изнывала отъ скуки и тоски и рѣшилась переѣхать на жительство въ свое родовое имѣніе на Волыни, но здѣсь она встрѣтила преслѣдованіе и продолжительный процессъ со стороны своего шурина Суходольскаго, который, наконецъ, напалъ на ея домъ, убилъ ея брата и самую Немиричеву изгналъ почти нагую изъ дому, причинивши ей разныя истязанія и побои; она должна была опять отправиться къ мужу въ Олевскъ. Но этимъ не окончились ея бѣдствія: семь лѣтъ спустя татарскій загонъ, опустошавшій Полѣсье, захватилъ ее въ плѣнъ вмѣстѣ съ малолѣтнимъ сыномъ; послѣ продолжительныхъ невзгодъ татаре пригнали ее пѣшкомъ въ Крымъ, гдѣ она очутилась въ качествѣ невольницы въ домѣ одного изъ татарскихъ чиновниковъ въ Карасубазарѣ. Пока мужъ разыскивалъ ее и посылалъ агентовъ для ея выкупа, она получила неожиданно свободу: во время похода запорожскаго кошеваго Сѣрка въ Крымъ, козаки напали на Карасубазаръ и въ числѣ другихъ плѣнныхъ христіанъ увели съ собою и Немиричеву. Изъ Сѣчи она уже возвратилась къ мужу и дожила вѣку въ Олевскѣ.

Слѣдующій очеркъ представляетъ біографію женщины, принадлежавшей по рожденію къ числу околичной шляхты овруцкаго повѣта— это Анна Меленевская, вышедшая замужъ за товарища военной хоругви Яна Блоцкаго; она представляетъ типъ женщины, преданной до самопожертвованія семейнымъ обязанностямъ; она переноситъ изъ-за преданности мужу продолжительное гоненіе отъ родственниковъ своихъ и сосѣдей Меленевскихъ, неохотно принимавшихъ въ свою сельскую общину пришельцевъ, особенно католиковъ: затѣмъ, когда во время одного изъ военныхъ походовъ мужъ ея попалъ въ плѣнъ къ туркамъ, она отправилась пѣшкомъ въ Царьградъ, отыскала его на одной изъ галеръ и въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ раздѣляла его судьбу и облегчала энергическимъ трудомъ его положеніе, пока наконецъ Блоцкій не получилъ свободы по ходатайству польскаго посланника.

Наконецъ вся серія заканчивается біографіею Анны Грабянко, дочери извѣстнаго мистика и массона, жившаго въ концѣ XVIII столѣтія. Это типъ женщины, получившей исключительное, весьма солидное, научное образованіе, но, благодаря мистическому вліянію отца и тепличнову воспитанію, проведшей жизнь въ странной, повидимому безповодной и безплодной тоскѣ. Конечно, личность изображенная въ послѣднемъ очеркѣ блѣдна въ сравненіи съ предыдущими энергическими типами и притомъ она поставлена жизнью въ слишкомъ исключитетьныя условія, для того, чтобы можно было въ ней признать типъ женщины того времени и той общественной среды, къ которой она принадлежала.

**В. А.**

---

## *Julian Zacharjewicz i Izydor Szaraniewicz.—Wycieczka do Załukwi, Halicza i na Kryłos. Lwów. 1882.*

## *Ю. Захарьевичъ и Ис. Шараневичъ. Экскурсія въ Залуковъ, Галичъ и Крылосъ. Львовъ. 1882 г.*

Книга, вышедшая подъ этимъ заглавіемъ, содержитъ результаты экскурсій, предпринятыхъ авторами съ цѣлію возстановленія топографіи и открытія древностей стараго города Галича. Книга распадается на двѣ части: первая, составленная профес. Шараневичемъ, содержитъ обстоятельную исторію города Галича до половины XIII столѣтія и разсказъ о раскопкахъ предпринятыхъ въ мѣстности, занятой нѣкогда Галичемъ, съ цѣлію открытія древнихъ памятниковъ, принадлежавшихъ этому городу. Другая часть написана г. Захарьевичемъ, профессоромъ

львовскаго политехническаго института; она посвящена историко-архитектурному изслѣдованію памятниковъ церковнаго зодчества, открытыхъ во время предпринятыхъ раскопокъ.

Въ теченіи уже трехъ лѣтъ проф. Шараневичъ занимается спеціальнымъ изслѣдованіемъ топографіи древняго Галича; съ этою цѣлію онъ предпринялъ нѣсколько поѣздокъ въ этотъ городъ, собралъ многочисленныя названія урочищъ, окружающихъ его, сопоставилъ ихъ съ данными, извлеченными изъ лѣтописи и весьма тщательно комментированными и на основаніи этихъ подготовительныхъ работъ, опубликованныхъ имъ еще въ 1880 году въ отдѣльной книжкѣ («Старорусскій княжій городъ Галичъ»), онъ приступилъ къ раскопкамъ въ намѣченныхъ по его соображеніямъ мѣстностяхъ; раскопки эти увѣнчались полнымъ успѣхомъ. По мнѣнію г. Шараневича, нынѣшній Галичъ, основанный въ позднѣйшее время (въ XIV столѣтіи), построенъ не на томъ мѣстѣ, которое занималъ обширный древній Галичъ, разрушенный монголами и бывшій въ теченіи столѣтія столицею могущественныхъ князей—Ростиславичей и Романовичей; древній Галичъ занималъ обширное пространство, въ 5 верстъ длины и въ 3 версты ширины, между нынѣшнимъ Галичемъ и селами Залуквою и Крылосомъ; изслѣдуя это пространство, проф. Шараневичъ весьма удачно опредѣлилъ, руководясь лѣтописными текстами, мѣстоположеніе нѣкоторыхъ древнихъ церквей, и, произведши раскопки на намѣченныхъ мѣстахъ, дѣйствительно открылъ фундаменты церковныхъ зданій; по нынѣ обнаружены имъ основанія церквей: 1) св. Спаса, бывшей придворною замковою церковью въ XII столѣтіи, 2) церковь пресвятой Богородицы, служившей въ XIII столѣтіи какъ-бы цитаделью среди городскихъ укрѣпленій и извѣстной въ лѣтописи тѣмъ, что въ ней затворился въ 1220 году венгерскій королевичъ Коломанъ и послѣ продолжительной защиты, принужденъ былъ сдаться осадившему его Мстиславу Удалому и 3) неизвѣстной по лѣтописи церкви, построенной въ видѣ ротонды.

Желая провѣрить открытые имъ памятники въ отношеніи ихъ архитектуры и кладки, проф. Шараневичъ пригласилъ съ этою цѣлью въ качествѣ эксперта проф. Захарьевича, который занялся очень тщательнымъ изслѣдованіемъ архитектурныхъ особенностей остатковъ открытыхъ зданій. Г. Захарьевичъ, сличивъ ихъ съ извѣстными удѣлѣвшими памятниками того времени, относитъ ихъ безъ всякаго колебанія къ стилю византійскому и къ періоду времени XII—XIII столѣтія и такимъ образомъ вполнѣ подтверждаетъ мнѣніе проф. Шараневича.

Вообще оба издателя занялись предпринятымъ ими изслѣдованіемъ съ большимъ знаніемъ дѣла и съ истиннымъ увлеченіемъ научными

цѣлями своей работы и составили книгу, принесшую новый вкладъ для исторической топографіи древней княжеской Руси. Впрочемъ развѣдки и изслѣдованія древностей Галича далеко еще ими не исчерпаны и они обѣщають еще нѣсколько экскурсій для дополненія начатаго ими труда.

**В. А.**

---

*Историческіе дѣятели юго-западной Россіи въ біографіяхъ и портретахъ. Выпускъ 1-й. Составили профессора университета св. Владиміра В. Б. Антоновичъ и В. А. Бецъ по коллекціи В. В. Тарновскаго. Кіевъ. Ц. 6 р., съ перес. 6 р. 70 к.*

Изъ предисловія къ названному изданію узнаемъ, что все оно должно состоять изъ 3-хъ отдѣловъ: въ первый войдутъ «44 портрета различныхъ лицъ (?), находящихся въ коллекціи В. В. Тарновскаго», во второй — «описаніе и изображеніе старинныхъ предметовъ, домашней утвари, одежды и оружія», а въ третій — «могутъ войти факсимиле различныхъ мѣстныхъ документовъ XVII и XVIII вѣка и 1-й половины настоящаго столѣтія». Первый отдѣлъ распадается на пять выпусковъ; теперь вышелъ 1-й выпускъ перваго отдѣла, а если два другіе отдѣла будутъ имѣть также по пяти выпусковъ, то всѣхъ выпусковъ должно быть пятнадцать. Понятно отсюда, какъ великъ можетъ быть объемъ всего изданія, какъ много времени и силъ потребуетъ оно и какъ велика должна быть его стоимость, судя по цѣнѣ настоящаго выпуска.

Задуманный трудъ разсчитываетъ, повидимому, обнять всю минувшую жизнь южной Россіи и представить ее въ лицахъ и дѣйствіяхъ, памятникахъ вещественныхъ и письменныхъ. Предпріятіе не только почтенное и въ высшей степени важное, но до нѣкоторой степени грандіозное и, безъ преувеличенія, можно-бы притти отъ него въ восторгъ, если-бы были всѣ данныя для надежды на соотвѣтственное замыслу выполненіе. Полагаемъ, что болѣе или менѣе внимательное разсмотрѣніе настоящаго 1-го выпуска можетъ хотя отчасти открыть намъ, какъ много шансовъ для осуществленія такой надежды.

Предисловіе указываетъ какъ будто трехъ участниковъ предпріятія: иниціатива дѣла принадлежитъ извѣстному собирателю памятниковъ южно-русской старины, землевладѣльцу черниговской губерніи В. В. Тарновскому, въ числѣ двухъ именъ составителей стоитъ почтенное имя извѣстнаго историка В. Б. Антоновича, издателемъ-же объявляетъ себя дебютирующій въ первый разъ въ области южно-русской исторіи и этнографіи, профессоръ анатоміи въ университетѣ св. Владиміра В. А. Бецъ. Какъ ни почтенны названныя лица, мы склонны думать, что однихъ ихъ

силъ недостаточно для столь обширнаго и сложнаго труда; остается притомъ неизвѣстнымъ, будетъ-ли и все изданіе ведено названными лицами. Но обратимся къ самому изданію, начало котораго предъ нами.

Разсматриваемый выпускъ состоитъ изъ портретовъ девяти гетмановъ и одного сотника (Саввы Туптала) и десяти біографій этихъ лицъ, а также факсимиле нѣсколькихъ изъ нихъ. Біографіи идутъ въ такомъ порядкѣ: Сагайдачнаго, Богдана Хмельницкаго, Юрія Хмельницкаго, Туптала, Выговскаго, Тетери, Многогрѣшнаго, Брюховецкаго, Ханенка и Дорошенка. Портреты и факсимиле названы почему-то «таблицами», а всѣхъ таблицъ показано 20 и это потому, что Богданъ Хмельницкій представленъ въ 7-ми различныхъ изображеніяхъ, Сагайдачный, Дорошенко и Туптало въ 2-хъ. Такимъ образомъ въ изданіи надо различать текстъ и иллюстрацію къ нему, или часть научно-литературную и техническую или художественную, а кромѣ ихъ общій планъ работы и источники послѣдней его части. Что-же кому изъ трехъ названныхъ лицъ во всемъ этомъ принадлежитъ, какъ каждое изъ нихъ выполнило свою задачу и каково вообще все изданіе?—Въ предисловіи говорится, что г. Тарновскому принадлежитъ иниціатива изданія, а г. Антоновичу составленіе біографій; слѣд. все остальное принадлежитъ профессору Бецу. Но это такъ вообще, въ частностяхъ нѣсколько иначе. Во 1-хъ, судя потому, что говоритъ въ предисловіи г. Бецъ о горячей, до страсти доходящей любви г. Тарновскаго къ южно-русской старинѣ и огромныхъ затратахъ, сдѣланныхъ этимъ послѣднимъ на составленіе коллекціи ея памятниковъ, позволительно предполагать, что одною иниціативою въ этомъ дѣлѣ онъ не ограничился; во 2-хъ хотя въ заглавіи сказано, что выпускъ составили профессора Антоновичъ и Бецъ по коллекціи Тарновскаго, но изъ объясненій къ портретамъ видно, что далеко не всѣ приложенныя изображенія сняты съ портретовъ этой коллекціи, и въ 3-хъ хотя девять изъ десяти біографій, помѣщенныхъ въ изданіи, приписаны г. Антоновичу, но, кромѣ другихъ данныхъ, по самымъ біографіямъ можно догадываться, что и эти 9-ть не всѣ принадлежатъ перу даровитаго и многоученаго историка.

Переходя къ выполненію начала изданія, мы не войдемъ въ подробный разборъ историко-литературной его части, такъ какъ вошедшія въ изданіе біографіи имѣютъ спеціальное назначеніе служить пояснительнымъ текстомъ изданія, а разсматривая ихъ съ этой стороны, достаточно сказать, что написанныя съ очевиднымъ знаніемъ предмета, сжато, но довольно полно, и изложенныя въ общедоступной формѣ, онѣ вполнѣ почти достигаютъ своей цѣли, и хотя не всѣ онѣ принадлежатъ одному перу, но по нимъ прошла одна опытная и умѣлая рука. Не можемъ

впрочемъ не замѣтить, что хотя лица, которыхъ бiографiи предложены, слѣдуютъ въ порядкѣ времени одно за другимъ и всѣ они, за исключенiемъ одного, стояли во главѣ управленiя Малороссiей, но самыя бiографiи не связаны между собою въ такой степени, чтобы представляли собою очеркъ исторiи Малороссiи въ данную эпоху. Видно, что работа была заказная, что въ подборѣ сюжетовъ для части историко-литературной не участвовала мысль того, кому главнымъ образомъ принадлежитъ разработка оной, что прежде подбирались портреты, а къ нимъ пригонялись бiографiи, а быть можетъ и самыя бiографiи писались по мѣрѣ изготовленiя портретовъ. Этимъ только и можно объяснить то между прочимъ, что въ разрядъ историческихъ дѣятелей первой, выдающейся категорiи введено лице, правда весьма почтенное, но не идущее съ ними въ рядъ по своему гораздо низшему положенiю и не оставившее по себѣ въ исторiи слѣдовъ своей дѣятельности, —лице сотника макаровскаго Саввы Туптала, извѣстное въ исторiи болѣе по имени сына своего, св. Димитрiя Ростовскаго. Прибавимъ также, что бiографiи, помѣщенныя въ вышедшемъ 1-мъ выпускѣ изданiя служатъ поясненiемъ жизни и дѣянiй избранныхъ лицъ, но не ихъ портретовъ, т. е. археологическаго значенiя этихъ послѣднихъ, и въ этомъ отношенiи, кромѣ не многихъ, весьма краткихъ и не вѣрныхъ указанiй въ предисловiи, нѣтъ никакого другаго пояснительнаго текста.

Обратимся теперь къ технической или художественной части вышедшаго выпуска. Главное ея назначенiе—археологическое и въ этомъ отношенiи имѣютъ значенiе не одни точные образы историческихъ дѣятелей, но портреты, какъ предметъ искусства даннаго времени и мѣста, въ особенности костюмы и другiя принадлежности изображенiй. Выше мы замѣтили, что до необходимости археологическихъ объясненiй въ изданiяхъ такого рода почтенный профессоръ-издатель не додумался. Имѣютъ-ли по крайней мѣрѣ сами по себѣ изданные портреты археологическое значенiе? Воспроизведены они, какъ говорится въ заглавiи настоящаго выпуска, по коллекцiи В. В. Тарновскаго. Мы не имѣли случая видѣть эту коллекцiю; научнаго описанiя и оцѣнки ея предметовъ въ печати также нѣтъ. Остается въ этомъ случаѣ основаться на отзывахъ лицъ ее видѣвшихъ и ознакомившихся съ нею болѣе или менѣе обстоятельно. По обще распространенному о ней мнѣнiю, раздѣляемому и людьми вполнѣ свѣдущими въ дѣлѣ исторiи и археологiи, въ этой коллекцiи не много предметовъ, имѣющихъ историко - археологическое достоинство и всѣ признаки *автентичности;* въ составленiи оной не участвовала опытная рука, въ нее не внесены научные критическiе прiемы, даже обыкновенная строгая разборчивость и наблюдатель-

ность,—коллекція образовалась подъ вліяніемъ страсти, охватившей человѣка со средствами, но не историка и не археолога. Это отнюдь не умаляетъ его чести и заслуги; но не было-бы ни чести, ни заслуги тому, кто сталъ-бы пользоваться ею въ цѣляхъ научныхъ безъ строгаго разбора и оцѣнки каждаго избираемаго изъ нея предмета. Такъ однако поступилъ издатель разсматриваемаго выпуска, судя по тому, что онъ говоритъ о коллекціи, происхожденіи и значеніи заимствованныхъ изъ нея для изданія портретовъ; есть на то и нѣкоторыя другія данныя. Пройдите напр. въ Кіевѣ по Крещатику и остановитесь у любаго изъ двухъ лотковъ, на которыхъ продаются всякаго рода портреты—карточки и изображенія,—вы найдете между ними въ форматѣ малыхъ и кабинетныхъ фотографическихъ карточекъ портреты гетмановъ, тождественные съ тѣми, которые заимствованы г. Бецомъ изъ коллекціи В. В. Тарновскаго. Спросите продавца, откуда онъ получаетъ эти карточки для продажи и получите въ отвѣтъ: отъ кіевскаго фотографа Пастернака. Извѣстно однако, что фотографъ Пастернакъ пустилъ въ продажу свои карточки—портреты раньше появленія снимковъ художника Васька и что первые были сняты съ оригиналовъ лѣтописи Величкн, когда рукопись оной была еще въ Кіевѣ; вопросъ о томъ, кто съ кого или съ чего снималъ, остается открытымъ и невольно является предположеніе, не содержится-ли въ объясненіи издателя какой-либо недомолвки или неточности. На это предположеніе наводитъ насъ и то обстоятельство, что почтенный издатель считаетъ напримѣръ *автентичнымъ* портретъ гетмана Сагайдачнаго, находящійся въ актовой залѣ кіевской духовной академіи, и фототипный снимокъ съ котораго помѣщенъ у него на первомъ планѣ, автентичность-же эту доказываетъ ксилографическимъ изображеніемъ Сагайдачнаго, изданнымъ вмѣстѣ съ стихами на смерть его въ 1621 г. и находящимся въ императорской публичной библіотекѣ. Смутное-же понятіе объ автентичности вообще и въ частности этого портрета имѣетъ г. издатель. Не говоря о томъ, что между ксилографіею 1621 г. и ея подлинникомъ, или чертами Сагайдачнаго, срисованными съ неизвѣстнаго портрета, судя по техникѣ того времени и случайности изданія, трудно предполагать большое сходство,—живописный снимокъ съ ксилографіи, находящійся въ академической коллекціи, сдѣланъ лѣтъ 15—16 назадъ отнюдь не художникомъ и между снимкомъ и ксилографіею сходства весьма не много: на ксилографіи мы видимъ пожилаго и сановитаго человѣка, какимъ и былъ Сагайдачный, а на снимкѣ какой-то моложавый *Волько* въ шабасъ, безъ всякой мысли и выраженія. Между тѣмъ г. Бецъ, считая изданные имъ портреты антиками и объявляя оные своею собственностію, воспрещаетъ воспроизведеніе ихъ въ какую-бы то ни было величину фотографіей и иными способами. Напрасное, кажется, безпокойство...

Вообще, какъ мы раньше замѣтили, частнѣйшее содержаніе выпуска не отвѣчаетъ общему его заглавію, которое слѣпилось какъ-то

неудачно и имѣло повидимому другіе разсчеты и побужденія: изъ 18-ти помѣщенныхъ въ немъ портретовъ 10-ти дѣятелей только половина заимствована изъ коллекціи В. В. Тарновскаго, остальные сняты съ другихъ оригиналовъ и гравюръ, добытыхъ изъ разныхъ источниковъ. Лучшая изъ гравюръ—Петра Дорошенка, антверпенское изданіе конца XVII в., рѣдкій экземпляръ которой принадлежитъ А. М. Лазаревскому. Нельзя не поблагодарить издателя за собраніе и изданіе до 7-ми различныхъ изображеній Хмельницкаго, между которыми есть рѣдкіе гравюрные портреты. По такимъ изображеніямъ, съ помощію сличенія, можно будетъ впослѣдствіи опредѣлить болѣе достовѣрныя черты лица этого замѣчательнаго дѣятеля и установить типъ, по которому можно-бы опредѣлять значеніе массы находящихся въ обращеніи портретовъ Хмельницкаго.

Намъ остается сказать о воспроизведеніи собранныхъ такимъ образомъ портретовъ, равно объ общемъ планѣ и качествахъ изданія. Портреты, вошедшіе въ составъ выпуска, какъ сказано въ предисловіи къ нему, воспроизведены фототипіей, но фирма и мѣсто фототипіи почему-то не указаны. Какъ ничто не бываетъ безъ причины, то должна быть и на это какая-нибудь причина. Извѣстно, что г. Бецъ занимается самъ фототипнымъ дѣланіемъ, преимущественно для цѣлей излагаемой имъ науки анатоміи. Воспроизведены-ли выпущенные теперь портреты въ его фототипіи и онъ умолчалъ объ этомъ изъ скромности, или-же они составляютъ заграничное издѣліе—остается неизвѣстнымъ; но сличая прежнія извѣстныя намъ издѣлія фототипіи г. Беца съ выпущенными портретами, мы можемъ сказать, что если они изготовлены имъ самимъ, то его фототипія сдѣлала громадный успѣхъ: такъ отчетлива и чиста работа портретовъ, хотя и нельзя сказать, чтобы она не оставляла желать ничего лучшаго.

Относительно общаго плана изданія и настоящаго выпуска скажемъ коротко, что онъ не разработанъ въ научномъ отношеніи и не соображенъ съ источниками для главной технической его части. Это потому быть можетъ, что почтенный издатель преданъ другому дѣлу и его профессія совсѣмъ иная; но не спѣшите говорить: «Бѣда, коль пироги»... Не это намъ приходитъ на мысль, когда соображаемъ недостатки настоящаго 1-го выпуска и громадность предстоящаго труда дальнѣйшихъ выпусковъ, которыхъ можетъ быть до 15-ти и которыя могутъ представить гораздо большія трудности въ научномъ отношеніи. При видѣ теперешнихъ средствъ издателя и его какъ-бы одинокаго въ этомъ дѣлѣ положенія, намъ припоминаются слова, сказанныя кн. Хованскимъ иноку Сергію, когда тотъ вызывался одинъ «препрѣть» никоніанъ на соборѣ московскомъ 1681 года: «вижду тя, отче, кротка и блага, но не достанетъ тя на толикое дѣло»...

Цѣна выпуска, скажемъ въ заключеніе, непомѣрно высокая и едва ли сколько-нибудь соображена съ дѣйствительною его стоимостію.

---

# Извѣстія и замѣтки

(историческія, этнографическія и историко-литературныя).

---

## ПОПЫТКА ОСНОВАНІЯ ПРАВОСЛАВНОЙ АРХІЕРЕЙСКОЙ КАѲЕДРЫ ВЪ Г. НЕМИРОВѢ, ВЪ XVIII СТ.

Въ извѣстномъ сочиненіи протоіерея Андрея Іоаннова „Полное историческое извѣстіе о раскольникахъ" вскользь упоминается, что раскольники изъ окрестностей Елисаветграда отправили было въ Немировъ къ тамошнему архіерею Евсевію избранныхъ отъ себя для посвященія, но Евсевія тамъ уже не застали. Нѣкоторыя свѣдѣнія о личности Евсевія находятся въ книгѣ М. О. Кояловича „Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ". Предлагаемъ отъ себя то, что удалось намъ собрать объ этой темной личности и ея похожденіяхъ въ взволнованной уніатскимъ движеніемъ западной Украйнѣ, въ которыхъ, какъ намъ показалось, проглядываетъ мысль образованія православной архіерейской каѳедры въ отдаленной отъ центровъ тогдашняго православно-церковнаго управленія Подоліи.

Въ апрѣлѣ 1778 года прибылъ въ Могилевъ на Днѣстрѣ бывшій призрѣнскій митрополитъ Евсевій, укрывшись сюда изъ Молдавіи отъ политическихъ враговъ своихъ. Могилевъ, какъ извѣстно, до основанія Одессы бывшій важнымъ торговымъ пунктомъ по отпуску хлѣба за границу, еще съ половины XVII столѣтія имѣлъ греческую церковь для тамошнихъ греческихъ торговцевъ; при этой церкви проживалъ нѣкоторое время (1712—1719 г.) и Михаилъ, митрополитъ преславскій, встрѣчавшій Петра Великаго гдѣ-то въ Бессарабіи, послѣ прутскаго мира; онъ скрылся здѣсь, опасаясь за

свою жизнь отъ турокъ, и скончался въ г. Нѣжинѣ 1720 г. [1]). Командиръ русскихъ войскъ, занимавшихъ Немировъ, генералъ Ржевскій, вытребовалъ Евсевія къ себѣ и донесъ объ немъ фельдмаршалу Румянцеву, а Румянцевъ переслалъ его въ Кіевъ и просилъ кіевскаго митрополита Гавріила Кременецкаго (1772—1783 г.) дать ему приличное помѣщеніе. Евсевій прибылъ въ Кіевъ 20 мая и помѣщенъ въ пустынно-николаевскомъ монастырѣ. Для донесенія объ немъ св. синоду, митрополитъ поручилъ члену дикастеріи, протопопу Біелявскому, хорошо разумѣвшему греческій языкъ, отобрать отъ него показаніе, „каковъ онъ есть". Протопопъ доношеніемъ отъ 4-го іюля увѣдомилъ митрополита, что Евсевій просилъ доложить о себѣ слѣдующее:

„Рожденъ онъ въ Константинополѣ отъ знаменитѣйшей и первой по тому городу фамиліи, обучался еллинскому ученію и на собственномъ своемъ иждивеніи учителями греческими, Евгеніемъ іеродіакономъ, что нынѣ преосвященный Славенскій, философіи три года, содержа онаго три года въ домѣ своемъ, а три года у его-жъ преосвященнаго въобще съ прочими въ публичномъ преподаяніи грамматики и другихъ наукъ въ іеродіакона Іакова. Когда-же оказалась праздная епархія Ипекійская, гдѣ до того испрежде патріархи были [2]), то константинопольскій патріархъ Самуилъ и весь освященный соборъ его, безъ всякаго чьего либо прошенія и его высокопреосвященства желанія, призвавъ къ себѣ, уговорили его преосвященнаго склониться воли ихъ, что быть ему въ той епархіи митрополитомъ. Убѣгая-же онъ преосвященный такого высокаго сана и имѣвши тогда отъ роду только двадцать два года, а къ тому еще будучи и мірскимъ, отказывался тѣмъ и другими резонами. И какъ все то не подѣйствовало, то просилъ дать ему на размышленіе нѣсколько времени, что̀ получа и никому не объявляя своего на-

---

[1]) Это краткое свѣдѣніе о Михаилѣ сообщилъ намъ преосв. Никодимъ, архіепископъ ѳаворскій, нѣкогда просматривавшій обрывки греч. бумагъ въ Могилевѣ. Въ греч. церкви Могилева настали русскіе священники только съ 1814 г.

[2]) Значитъ, это происходило въ 1766 г. Къ сожалѣнію, пишущій не имѣетъ подъ руками брошюры Τά κατὰ τὰς ἀρχιεπισκοπὰς 'Αχριδῶν καὶ πεκίου—1860, χωρς, гдѣ есть актъ отъ 11 сент. 1766 г. о низведеніи каѳедры печской на степень митрополіи и переводѣ ея въ Призрѣнъ. См. *Голубинскаго* «Краткій очеркъ исторіи церквей болгарской и сербской», стр. 487.

мѣренія, чрезъ одинъ день выѣхалъ изъ Константинополя къ патріарху антіохійскому, коему и донесъ о всемъ, и жилъ у него нѣсколько, гдѣ нарочно пріѣхавшіе отъ реченнаго святѣйшаго патріарха константинопольскаго съ соборомъ за нимъ со многимъ прошеніемъ возвратиться и явиться къ его святѣйшеству“... вмѣстѣ съ патріархомъ антіохійскимъ, какимъ тогда былъ Филимонъ, проживавшій больше въ Валахіи, убѣдили его ѣхать въ Константинополь, гдѣ онъ и посвященъ въ митрополита Призрѣнскаго. „Которая епархія ажъ до его преосвященства прибытія имѣла долгу девятьдесять тысячъ рублей, то и неусыпно старался уплатить оный, для чего большею частію и жилъ въ Константинополѣ и другихъ мѣстахъ, нежели въ своей епархіи. Напослѣдокъ ѣздилъ и въ Черногорію, гдѣ отъ преосвященнаго митрополита Саввы и отъ христолюбцовъ принятъ честно и снабдѣнъ по силѣ и возможности ихъ подаяніемъ [1]). Собравъ-же онъ преосвященный отъ доброхотныхъ дателей и отъ родственниковъ и отъ знаемыхъ своихъ подаяніе, а притомъ и свое собственное имѣніе употребя, заплатилъ оный своей епархіи долгъ, однакъ не совсѣмъ, а осталось только одинадцать тысячъ. Для совершенной-же уплаты того долга онъ преосвященный прибылъ и паки въ Константинополь, и за явкою своею у святѣйшаго патріарха константинопольскаго извѣстился отъ его святѣйшества, что при Портѣ Оттоманской услышано бытіе его преосвященства въ Черногоріи. А какъ-де во оной тогда послѣдовало съ турками замѣшательство, то-де и возлагаютъ вину на его прео-

---

[1]) Посѣщеніе Черногорія состоялось вѣроятно въ концѣ 1774 или началѣ 1775 года. Въ «Магазинѣ сербско-далматинскомъ» за 1862 годъ помѣщена грамота Евсевія такого содержанія:

«Евсевие Бжею млтию православни архіепископъ пецки и скендериски и прочаіа».

(Печать: въ срединѣ какіе-то знаки съ турецкимя буквами, а около греческая надпись).

«Мѣрность наша пишетъ ва бгохранимому инорию протопопа Илие Поповича милость, миръ и благословение. и даемъ па знакъ, какога запротопопихъ, какощое изнапрнетъ било и тако знаите, и да го дрьжите и почитуете... ануарија 12. издадеся у Подгорицу 1775».

Въ 1778 году митрополитъ черногорскій Савва Петровичъ подтвердилъ протопопство Иліи, но потребовалъ «сингелію, коею имашъ отъ Евсевия исархіерея» выслать себѣ въ станевичскій монастырь.

священство, яко-бы то учинено его преосвященствомъ, по каковымъ-де обстоятельствамъ и быть въ Константинополѣ и въ епархіи своей ему невозможно, и совѣтовалъ его святѣйшество [1]) его преосвященству куда-либо отлучиться до времени. Чего для, получа онъ преосвященный отъ его святѣйшества грамоты открытыя съ дозволеніемъ священнослуженія и рекомендаціею всѣмъ преосвященнымъ принять его преосвященство Евсевія честно и страннолюбно, отъѣхалъ въ городъ Триесты, гдѣ и жилъ до 1777 году, а въ томъ годѣ прибылъ въ Яссы, гдѣ преосвященному Гавріилу, митрополиту ясскому, отъ его святѣйшества грамоты о себѣ представилъ, по которымъ какъ принятъ, такъ и священнодѣйствіе въ Яссахъ отправлялъ чрезъ семь мѣсяцевъ. Когда-же по убіеніи господаря Гики [2]) прибылъ на его мѣсто другой господарь и дѣлалъ притѣсненія дому онаго Гики, который домъ въ родствѣ его преосвященству состоитъ, то его преосвященство великаго четверга прошедшей четыредесятницы [3]), имѣя священнослуженіе въ церкви святыя Параскевы, говорилъ во оной поученіе довольное въ небытности его, господаря, во оной церкви, касающееся къ дому умершаго Гики. Нѣкоторыя-же изъ явныхъ враговъ онаго Гики дому, желавшихъ тогда отъ его преосвященства Божественныя Тайны получить, не удостоились. За что хотя отъ онаго господаря и отъ другихъ тѣхъ неудостоенныхъ и не имѣлъ онъ преосвященный опасности, однакъ въ нынѣшнее время по приближенію турецкаго войска имъ не довѣрялся. И для того съ совѣта преосвященнаго митрополита ясскаго Гавріила выѣхалъ изъ Яссъ и жилъ въ Могилевѣ-Подольскомъ, на границѣ турецкой. А оттуда по требованію господина генерала Ржевскаго пріѣхалъ въ Немировъ, и оттоль присланъ въ Кіевъ по приказанію фельдмаршала Румянцева".

Отъ 4-го ноября 1779 года кіевскій митрополитъ донесъ святѣйшему синоду, что митрополиту Евсевію съ августа того-же года

[1]) Съ 25 декабря 1774 года на константинопольской каѳедрѣ сидѣлъ Софроній.

[2]) То есть Григорія Гики, который за несогласіе передать австрійцамъ уступленную турками Буковину, принадлежавшую Молдавіи, и исканіе защиты у Россіи, обманомъ захваченъ въ самыхъ Яссахъ и убитъ 12 октября 1777 года. Послѣ него былъ господаремъ Константинъ Мурузи.

[3]) Слѣдовательно 5-го апрѣля 1778 года.

дозволено было жить въ кіево-кириловскомъ монастырѣ, но октября 12-го кіевскій оберъ-комендантъ Елчаниновъ сообщилъ, что оный преосвященный по случаю приключившейся ему болѣзни, дабы удобнѣе могъ пользоваться, проситъ о переводѣ его изъ кирилловскаго въ петропавловскій или греческій монастырь. И какъ игуменъ греческаго екатерининскаго монастыря еще отъ 8-го августа доношеніемъ просилъ не опредѣлять туда его преосвященства по прописаннымъ отъ него резонамъ, а въ петропавловскомъ монастырѣ приличныхъ келій нѣтъ, то и посланъ игумену петропавловскому указъ очистить игуменскія келіи для пребыванія оному преосвященному впредь до разсмотрѣнія. А 16-го октября кирилловскій архимандритъ Кириллъ донесъ, что преосвященный Евсевій 14 числа въ восьмомъ часу по полудни невѣдомо куда отлучился было, и на донесеніе о томъ оберъ-коменданту извѣщено, что Евсевій находится въ печерскомъ форштатѣ. Но 16-го преосвященный этотъ скрылся вмѣстѣ съ бывшимъ при немъ игуменомъ сербской націи Ѳеофиломъ и экипажемъ, находившимся въ греческомъ екатерининскомъ монастырѣ.

Евсевію было только тридцать пять лѣтъ и вѣроятно очень соскучилось въ монастырскомъ уединеніи, безъ привычныхъ ему занятій; вѣроятно кто нибудь въ случайномъ разговорѣ надоумилъ его искать выхода изъ настоящаго положенія и даже способствовалъ тому. По крайней мѣрѣ Евсевій благополучно перебрался за границу съ повозкою и багажемъ своимъ.

Неизвѣстно, куда непосредственно изъ Кіева направился Евсевій, но тогдашняя граница польская была близко, всего въ тридцати верстахъ, и онъ скоро очутился внѣ предѣловъ Россіи. „Въ концѣ зимы 1780 года", слѣдовательно въ генварѣ или февралѣ сего года, онъ былъ уже въ Варшавѣ, принятъ въ лучшемъ обществѣ, какъ человѣкъ учоный, и чрезъ какое-то „третье лицо" (по выраженію документа) видѣлся съ королемъ Станиславомъ Понятовскимъ. Дѣйствительно-ли онъ думалъ, пользуясь смертію уніатскаго архіепископа львовскаго и подольскаго, занять его мѣсто хоть въ Каменцѣ-Подольскомъ, какъ носились слухи, за достовѣрное нельзя принять. Извѣстно только, что лѣтомъ 1780 года онъ явился въ Могилевъ-Подольскій съ какою-то грамотою короля, дозволявшею ему управлять православными въ тамошней сторонѣ.

Король могъ словесно и письменно дозволить ему это, даже съ предпочтеніемъ его русскому подданному, переяславскому епископу, отъ коего зависѣли православные Подоліи. Впрочемъ „многокоролевье или безкоролевье“ въ Польшѣ было уже такъ ощутительно, что согласіе короля Станислава оказалось ненадежнымъ, положеніе же православныхъ въ томъ краѣ весьма способствовало Евсевію привлечь къ себѣ ихъ симпатіи. Послѣ усмиренія „Коліивщины“ и гайдамацкаго бунта въ Уманьщинѣ и Смилянщинѣ, уніаты взяли рѣшительный перевѣсъ и тамъ и во всей Брацлавщинѣ и всюду преслѣдовали православныхъ, не смотря на частное покровительство, оказываемое послѣднимъ со стороны крупныхъ помѣщиковъ, дававшихъ поселянамъ льготы въ видахъ привлеченія къ заселенію пустырей, а также и на присутствіе иногда русскаго войска. Любопытный найдетъ подробное и обстоятельное изложеніе тогдашняго состоянія православныхъ и движенія многихъ уніатовъ къ православію въ соч. *Кояловича*: „Исторія возсоединенія западно-русскихъ уніатовъ старыхъ временъ“. Спб., 1873 г.

Евсевій пріобрѣлъ въ Могилевѣ домъ, служилъ въ греческой церкви и рукополагалъ ставленниковъ; но безпокоимый и тѣснимый уніатскимъ деканомъ, онъ въ октябрѣ 1780 г. переѣхалъ въ брацлавское воеводство, въ городъ Немировъ, который составлялъ частное владѣніе, и гдѣ было не мало грековъ, также сербовъ и волоховъ, которымъ покровительствовалъ владѣлецъ, графъ Викентій Потоцкій, въ видахъ развитія торговли и промышленности. Тутъ-то Евсевій учредилъ консисторію и разослалъ православнымъ священникамъ ордеръ, которымъ приказывалъ имъ явиться къ нему и представить обстоятельныя донесенія, какія обиды терпятъ православные отъ своихъ пановъ-колляторовъ, поссесоровъ и поповъ уніатскихъ. Когда-же явились священники, то объявилъ имъ, „яко-бы-де онъ, митрополитъ, отъ его величества короля польскаго имѣетъ въ себе подкрѣпленіе о бытіи ему тамо и о защищеніи православныхъ отъ уніатовъ“. Протопопія немировская обнимала семь православныхъ приходовъ, но въ самомъ Немировѣ всѣ православныя церкви отняты уже были уніатами. Евсевій объѣзжалъ приходы и служилъ, напримѣръ, въ Фастовцахъ съ двумя священниками и своимъ архидіакономъ грекомъ. Кромѣ немировской протопопіи онъ служивалъ и рукополагалъ ставленниковъ и въ протопопіи брац-

лавской. Немировскій владѣлецъ, графъ Викентій Потоцкій, покровительствовалъ Евсевію, приглашалъ его къ себѣ обѣдать и по просьбѣ немировскихъ греческихъ торговцевъ дозволилъ ему устроить въ Немировѣ, въ частномъ домѣ, православную церковь. 21 ноября Евсевій торжественно служилъ въ ней съ прибывшимъ духовенствомъ, а „по литургіи чечельницкій протопопъ Романовскій говорилъ наизусть проповѣдь, въ которой приписывалъ похвалы митрополиту за подвиги, къ защищенію благочестія принятые, а владѣльцу дѣдичному за позволеніе воздвигнуть въ добрахъ его православную церковь. По проповѣди отправляли соборомъ государственное молебствіе и имѣли какъ служащіе, такъ и прочіе, случившіеся тамо православные священники, открытый въ квартирѣ онаго митрополита вмѣстѣ съ нимъ столъ". Такъ доносилъ Василій Саржинскій, намѣстникъ протопопіи немировской, переяславскому преосвященному Иларіону. Саржинскій имѣлъ приходъ въ г. Войтовцахъ, что верстахъ въ двадцати отъ Немирова, и пользовался особымъ довѣріемъ Евсевія.

Но это было едва-ли не послѣднее торжественное служеніе митрополита. Уніатскій оффиціалъ Любинскій не разъ и прежде являлся къ Евсевію и допытывался, по какому праву онъ вторгается въ уніатскую паству, жаловался и Потоцкому, но безуспѣшно. Евсевій то давалъ уклончивые отвѣты, то прямо заявлялъ, что не хочетъ никого знать, кромѣ короля и свят. синода; Потоцкій уклонялся отъ участія въ дѣлѣ, а жители Немирова внушали Любинскому опасенія за его жизнь. Тогда онъ рѣшился дѣйствовать собственными средствами и, оставивши Немировъ въ покоѣ, заняться въ окрестностяхъ его. Онъ схватилъ одного священника, рукоположеннаго Евсевіемъ, и въ самый день торжества православныхъ въ Немировѣ „съ шестьюдесятью уніатскими попами и дьячками гвалтовно наѣхалъ въ село Войтовцы", приходъ намѣстника протопопіи немировской, „отбилъ приходскую его православную церковь, изъ собственнаго его намѣстника дому жену, дѣтей и домашнихъ разогналъ и все имѣніе заарестовалъ". Вѣсть обо всемъ этомъ дошла до Саржинскаго въ Немировѣ уже послѣ обѣда. Саржинскій жаловался митрополиту, а митрополитъ, сказавъ: „поѣдемъ туда всѣ и будемъ бить за то уніатовъ", велѣлъ ему ѣхать впередъ, а самъ вслѣдъ выѣхалъ въ своей каретѣ, имѣя при себѣ не-

мировскихъ торговцевъ грековъ, вооруженныхъ саблями и пистолями, человѣкъ съ десять. „Но какъ только въѣхалъ онъ, намѣстникъ, въ свой дворъ, то вдругъ повозку и самого его окруживъ зъ дручьямъ уніаты, хотѣли бить, однакъ едва по усилной просьбѣ самъ безъ повозки выпущенъ съ двора, и о таковомъ гвалтовномъ нападеніи собравшимся около двора на позорище тамошнимъ обывателямъ протестовался, съ прошеніемъ защищенія. Между тѣмъ и митрополитъ началъ приближаться къ церквѣ своимъ поѣздомъ, котораго увидѣвъ народъ бросился на колокольню звонить, а уніаты, вслѣдъ устремившись за онымъ, начали всѣхъ звонящихъ людей безъ уваги бить, отъ чего и народъ принужденъ былъ защищаться. Митрополитъ-же, смотря на то съ двора его намѣстника, велѣлъ народу, защищаясь, бить уніатовъ за гвалтовніи нападенія на ихъ православные церкви. Потомъ митрополитъ возвратился въ Немировъ съ намѣреніемъ выѣздить другого дни въ Варшаву для взнесенія о таковыхъ уніатскихъ на православныхъ посягательствахъ его величеству польскому королю жалобы“. Такъ доносилъ преосвященному переяславскому Саржинскій, а въ извлеченіи жалобы Любинскаго своему начальству говорится, что когда онъ для успокоенія мятежнаго противъ уніи настроенія народнаго отлучился въ Войтовцы, то узнавъ о томъ Евсевій, „ночью на 4 декабря [1]) устремился съ своими новообратившимися, вооруженными фузеями и турецкими ножами на домъ [2]) оффиціала, велѣлъ въ колокола звонить и, держа въ одной рукѣ карабинъ, другою благословлялъ и собравшемуся народу кричалъ: вы, вѣрующіе во Іисуса Христа, бейте сихъ погибельныхъ уніатовъ. Вдругъ бѣшеная толпа бросилась на оффиціала, на его причетъ и слугъ. Нѣкоторые отвели сего прелата въ сторону и били его нещадно. Его вопль, его униженное прошеніе утолили наконецъ ихъ лютость и спасли ему жизнь“... По свидѣтельству Любинскаго, народъ еще болѣе сталъ бросать унію и устремляться къ Евсевію.

---

[1]) По новому стилю, а по старому 23 ноября. Можетъ быть, несоотвѣтствіе числа съ показаннымъ у Саржинскаго произошло отъ случайной обмолвки или описки; впрочемъ см. *Кояловича,* «Исторія возсоединенія», стр. 177.

[2]) Т. е. на домъ, въ которомъ находился оффиціалъ, на его квартиру въ Войтовцахъ. Самъ оффиціалъ обыкновенно жилъ въ Корсунѣ.

Узналъ объ этомъ извѣстный преслѣдователь гайдамаковъ, кіевскій кастелянъ (въ Каневѣ) Стемпковскій, и велѣлъ схватить Евсевія. Евсевій между тѣмъ и самъ выѣхалъ, должно быть въ ноябрѣ-же, въ Могилевъ на Днѣстрѣ, а отсюда мѣсяца чрезъ три въ Варшаву, по словамъ Саржинскаго—жаловаться на Любинскаго, по уніатскимъ извѣстіямъ—оправдываться. Изъ Варшавы ему не суждено было воротиться въ Подолію.

Въ Варшавѣ тогда не было еще православнаго храма и греческіе торговцы тамошніе съ своими церковными нуждами обращались то въ Калишъ (гдѣ выходцы изъ Венгріи устроили, съ позволенія польско-саксонскаго короля Августа, домашнюю церковь въ 1740 году), то въ яблочинскій монастырь, на предѣлахъ Польши и Литвы. Евсевій проживалъ у своихъ единовѣрцевъ, грековъ. Вліяніе богатыхъ торговцевъ можетъ быть и поддержало-бы домогательство Евсевія и доброжелательство къ нему короля, но тутъ встрѣтились другія препятствія, вѣроятно неожиданныя нашимъ архіереемъ. Переяславскій епископъ Иларіонъ жаловался въ святѣйшій синодъ на незаконное вмѣшательство Евсевія въ дѣла переяславской епархіи, а 11-го апрѣля 1781 года славенскій и херсонскій архіепископъ Никифоръ Ѳеотоки прислалъ въ синодъ донесеніе елисаветградскаго протоіерея Димитрія Смолодовича, въ которомъ говорилось: „слухомъ мнѣ извѣстно учинилось, что нѣякой волоскій архіерей, кой называетъ себе роднымъ братомъ волоского-жъ господаря, казненнаго турками, проживая нынѣ въ польскомъ мѣстечкѣ Могилевѣ, состоящемъ надъ рѣкою Днѣстромъ, нѣсколько человѣкъ произвелъ во священство. Раскольники стародубскихъ слободъ, прослыхавъ о таковомъ его дѣйствіи, просили его о поставленіи имъ епископа, и, будучи онъ разными образы уласканъ отъ раскольниковъ, обѣщался просьбу ихъ исполнить, а раскольники таковымъ его обнадеживаніемъ будучи обрадованы, прошедшаго февраля среднихъ чиселъ повезли къ нему для посвященія во епископа іеромонаха Іосифа изъ діаконовскаго раскольничаго скита, чему очевидніи у насъ суть свидѣтели. Но поелику оный архіерей въ мартѣ первыхъ чиселъ изъ Могилева отъѣхалъ въ Варшаву къ польскому королю съ жалобою на духовную унѣятскую власть, то раскольники, не заставъ его въ Могилевѣ, дожидаются съ кандидатомъ своимъ въ селѣ Борскомъ его прибытія“ (*Кояловичъ*, „Исторія возсоединенія“, стр. 178).

Вслѣдствіе переписки св. синода съ иностранною коллегіею, русскій посолъ въ Варшавѣ получилъ предписаніе домогаться высылки Евсевія изъ Польши, и представленіе посла имѣло рѣшающее вліяніе на исходъ дѣла. Въ уніатской краткой выпискѣ о винахъ Евсевія, приложенной на русскомъ языкѣ къ дѣлу № 312, 1778 г., архива св. синода, не сказано ни слова о посягательствѣ его на права русскаго церковнаго правительства, а только о вторженіи въ унитскую епархію, о присвоеніи унитскихъ приходскихъ церквей, и что „въ Немировѣ освящалъ публично палки, приготовленныя къ біенію уніатовъ, а особливо оффиціала брацлавскаго, хотя по истинѣ обрядовъ таковаго освященія ни въ какомъ Требникѣ не находится". Какъ видно изъ сейчасъ прилагаемаго извѣстія, повелѣніе русскому послу о высылкѣ Евсевія изъ польскихъ предѣловъ состоялось еще до полученія св. синодомъ донесенія отъ архіепископа славенскаго, и значитъ на основаніи только жалобъ преосвященнаго Иларіона переяславскаго.

Именно, отъ 5 апрѣля 1781 года довѣренное лицо митрополита Смогоржевскаго, Левинскій, писалъ ему изъ Варшавы, между прочимъ, слѣдующее: «Względem Euzebiusza już y poseł tuteyszy Rossyjski odebrał z Petersburga rozkaz, który ja czytałem, by go wypędził z Ukrainy, a to in sequetam zaniesioney skargi do Synodu przez biskupa perejasławskiego, że mu pomieniony Euzebiusz innolabat in jura y uzurpował jurisdictionem nad nieunitami ukraińskiemi. Diabeł na diabła trafił». (Относительно Евсевія уже и здѣшній русскій посолъ получилъ изъ Петербурга приказъ, который я самъ читалъ, чтобы выгнать его изъ Украйны, а это по жалобѣ въ синодъ епископа переяславскаго, что помянутый Евсевій вторгается въ его права и незаконно присваиваетъ себѣ юрисдикцію надъ украинскими дизунитами. Чортъ на чорта наскочилъ!).

Послѣднюю вѣсть о Евсевіѣ подалъ тотъ-же Левинскій въ донесеніи Смогоржевскому отъ 3-го мая: «O Euzebiuszu mam tu zapiewnienie, jż kordonem Cesarskim przejeżdżał y był widziany w Soczawie (въ австрійской Буковинѣ). Że perejasławski uskarżył go w swoim synodzie, to indubitatum, jest na to dowód w gabinecie pańskim, który czytałem». (О Евсевіѣ имѣю здѣсь достовѣрное извѣстіе, что проѣзжалъ по австрійской границѣ и что видѣли его

въ Сочавѣ. Что переяславскій (епископъ) обжаловалъ его въ синодѣ, это не подлежитъ сомнѣнію; есть на то документъ въ королевскомъ кабинетѣ, который я читалъ).

10 марта 1883 года. Спб. **Архимандритъ Арсеній.**

---

## „ОТЪ ЧЕГО ДУХЪ ГЕРОЙСТВА ВЪ МАЛОРОССІИ ИСЧЕЗЪ?"

Этотъ интересный вопросъ и отвѣтъ на оный находимъ въ слѣдующемъ письмѣ (князя) А. А. Безбородко, 3 августа 1790 г., къ одному изъ его пріятелей [1]):

„Государь мой, Петръ Никифоровичъ"!—„Вручителемъ сего будетъ дѣтина [2]), о которой вы такъ много заботились, чтобъ оно и носомъ пороху не слышало. Я признаюсь, что чадолюбіе подобное не можетъ въ моей головѣ вмѣститься. Не былъ я отцомъ, но имѣлъ по крайней мѣрѣ отца, который при началѣ бывшей турецкой войны не только не противорѣчилъ моему намѣренію оставить суддейскій стулъ и ѣхать на войну, да еще меня похвалилъ за то. Не ожидалъ я никогда отъ васъ подобнаго малодушія. У меня есть одинъ братъ и наслѣдникъ всего моего имѣнія, въ знатномъ чинѣ, и на такой дорогѣ, что почти сидя дома или веселясь въ столицѣ, могъ получить многіе почести; но и ему, и мнѣ стыдно показалось сидѣть спокойно посредѣ войны; почему онъ поѣхалъ въ армію и теперь себя пресчастливымъ почитаетъ, что посланъ къ важному посту впередъ, поближе къ непріятелю, подъ команду графа Суворова-Рымникскаго. Въ одномъ письмѣ писали вы Осипу Степановичу [3]), что вы любите козацтво и жалѣете объ немъ. Знаете-ли вы, отчего оной духъ геройства въ Малороссіи ис-

---

[1]) Изъ Сулимянскаго архива, гдѣ письмо сохранилось въ копіи, снятой вдовою нѣжинскаго полковника Петра Разумовскаго (ум. 1711 г.) Пелагеей Семеновною (ум. 1792 г.) для брата своего Акима Семен. Сулимы. Кто былъ Петръ Никифоровичъ, не знаемъ.

[2]) Т. е. дитя, такъ какъ здѣсь Безбородко беретъ малорусское слово *дитина*.

[3]) Судіенку.

чезъ?—Отъ того, что уже отъ нѣкотораго времени мѣсто козатства заняло школярство; вмѣсто Палія Белоцерковскаго, Христы Сенчанскаго, Лавра Остапскаго и другихъ имъ подобныхъ, заняты стали фирчиками и штатиками, которые сперва позакидавъ выліоты [1]), а потомъ въ нѣмецкое перебрались платье и сдѣлались прямо такими, какъ покойный старый Степанъ Афендикъ [2]) говаривалъ: въ полѣ не жолнѣръ, и дома не господарь [3]). Не вѣдаю прямо, имѣетъ-ли дѣтина ваша склонность къ военной службѣ, но ежели онъ се имѣетъ, то неужели вы его не отпустите? Онъ къ ней въ кадетскомъ корпусѣ воспитанъ. Безъ вашего заказу давнобы онъ былъ маіоромъ и крестоносцемъ; ассесоромъ всегда успѣть быть можно, а честь воинскую не такъ легко получать. Да дай Богъ впредъ не такъ часто, ибо война право наскучила. Извините мою искренность и поставте ее на счетъ дружбы, которою я къ вамъ исполненъ. Пребываю съ истиннымъ почтеніемъ, государь мой, вашимъ вѣрнымъ и покорнымъ слугою Г. А. Безбородко.

Въ Царскомъ Селѣ.
Августа 3 дня, 1790 г.

---

Кромѣ мнѣнія Безбородка о причинахъ упадка стараго малорусскаго козачества, въ этомъ письмѣ находимъ интересное указаніе на двухъ старыхъ козаковъ, которыхъ Безбородко за ихъ геройство, приравниваетъ къ извѣстному Семену Палію. Ни козацкія лѣтописи, ни другіе мѣстные памятники, ни слова не говорятъ ни о Христѣ Сенчанскомъ, ни о Лаврѣ Остапскомъ; а между тѣмъ видно, что оба они и въ концѣ XVIII в. еще жили въ народной памяти на ряду съ Паліемъ. Догадываемся, что подъ Христою Сенчанскимъ (изъ м. Сенчи, лохвицк. уѣзда) слѣдуетъ разумѣть родоначальника теперешнихъ дворянъ роменскаго уѣзда, Криштофовичей, происходящихъ отъ сѣнчанскаго сотника Кирила Криштопенка

[1]) Рѣзрѣзные рукава малорусскихъ *жупановъ*.

[2]) Степанъ Семеновичъ Афендикъ, сынъ выходца изъ Молдавіи, сначала сотникъ бориспольскій, а потомъ—наказный полковникъ переяславскій. См. о немъ «Русск. Арх.», 1880 г., I, 205.

[3]) Т. е. въ полѣ не воинъ и дома—не хозяинъ.

(1723 г.), который должно быть былъ сыномъ того именно Христофора, котораго Безбородко называетъ Христою Сенчанскимъ. Подъ Лавромъ Остапскимъ (изъ м. Остапья, миргор. уѣзда) не слѣдуетъ-ли разумѣть Лаврентія Васильевича Базилевскаго? (См. „Русскій Архивъ", 1857 г., I, 96). Другихъ Лавровъ среди козацкой старшины XVII и нач. XVIII в., мы, сколько помнится, не встрѣчали.

**А. Л.**

---

## КІЕВСКАЯ ПЕРТУРБАЦІЯ 1786 г.

1786 годъ памятенъ всей Малороссіи и особливо духовному ея центру по введенію штатовъ въ малороссійскихъ епархіяхъ и самомъ Кіевѣ. Штаты раньше введены были въ Великороссіи, къ Малороссіи ихъ долго примѣривали, пока не примѣрили окончательно. Въ майской книжкѣ «Кіевской Старины» на 1822 г. былъ помѣщенъ самый указъ объ этой многозначительной реформѣ, съ указаніемъ, что изъ него выполнено и что осталось безъ исполненія.

Въ отношеніи къ Великороссіи, гдѣ узаконеніями Петра I-го духовенство раньше было замкнуто въ особую касту, введеніе штатовъ было простымъ переводомъ содержанія его съ натуральнаго довольствія на деньги, съ общества на государство, съ отобраніемъ въ казну монастырскихъ и вообще духовныхъ имѣній; относительно Малороссіи, гдѣ духовенство сохраняло еще отчасти свое прежнее положеніе, штаты означали окончательное подчиненіе его созданнымъ на сѣверѣ порядкамъ, уничтоженіе въ немъ выборнаго начала, измѣненіе внутреннихъ отношеній его членовъ, уничтоженіе связи его съ обществомъ и коренное измѣненіе его соціальнаго положенія.

Въ примѣненіи штатовъ къ духовенству и монастырямъ Малороссіи принималъ непосредственное участіе злой геній ея, великолѣпный князь Тавриды, Г. А. Потемкинъ, по запорожскому его титулу Григорій Нечоса. Въ доставшейся намъ части писемъ извѣстныхъ его сподручниковъ Попова и Гарновскаго есть на то не одно указаніе. Князь былъ тогда въ Крыму и проэкты штатовъ съ нимъ. Скакали фельдъегери, курьеры: императрица совѣтовалась съ своимъ любимцемъ объ этомъ, какъ и о томъ, кого изъ владыкъ нарядить въ бѣлые клобуки, заключая словами: «а впрочемъ, какъ ты, душечка, скажешь». Екатерина торопила его, и онъ самъ имѣлъ причины торопиться. Еще въ началѣ 1786 г. возвѣщено было затѣянное имъ грандіозное путешествіе повелительницы Сѣвера чрезъ Малороссію въ Новороссію. Потемкину хотѣлось, конечно, чтобы все на пути ея было уже реформировано и чтобы повсюду видны были слѣды его дѣяній. Покончивъ съ Запорожьемъ и гетманщиной, онъ и въ самомъ примѣненіи къ Малороссіи *штатовъ*

рѣшился, по-видимому, стереть все, что такъ или иначе напоминало о ея прежней жизни, и въ своей безшабашной ломкѣ посягнулъ на вѣковое созданіе народной вѣры и благочестія, святыя обители, получившія уже значеніе историческихъ памятниковъ, каковыми были въ Кіевѣ св. лавра печерская, кіево-софійскій каѳедральный соборъ, монастырь братскій и при немъ знаменитое общенародное созданіе—кіевская академія, монастыри кіево-кирилловскій и кіево-межигорскій. Ихъ судьба была рѣшена и подписана. Какую пертурбацію произвело это, въ великой тайнѣ подготовлявшееся рѣшеніе и какимъ громовымъ ударомъ разразилось оно надъ Кіевомъ, показываетъ помѣщаемое ниже письмо митрополита кіевскаго, Самуила Миславскаго, къ гр. П. А. Румянцеву. Подлинникъ этого письма хранится въ библіотекѣ кіево-печерской лавры, а копія въ библіотекѣ кіево-софійскаго собора, но въ послѣдней при письмѣ находится примѣчаніе, писанное, по всей вѣроятности, митрополитомъ кіевскимъ Евгеніемъ Болховитиновымъ. Трудно допустить, чтобы въ этомъ дѣлѣ руководила Потемкинымъ забота о государственной экономіи; примѣчаніе также не исчерпываетъ сокровенныхъ его мотивовъ. Помѣщаемъ прежде примѣчаніе, а потомъ самое письмо. Читая это послѣднее, больно становится за санъ митрополита, за его старость, уныніе и самую тяжкую скорбь. Что чувствовали кіевляне, можно судить по скорби достойнаго ихъ архипастыря.

---

## I.

*Примѣчаніе на письмо митр. Самуила къ гр. П. А. Румянцеву о неперемѣщеніи въ кіев. лавру академіи и митрополичьяго дома.*

Въ 1786 г. при введеніи духовныхъ штатовъ въ малороссійскія епархіи положено и высочайше утверждено было—митрополиту кіевскому имѣть пребываніе въ кіево-печерской лаврѣ и быть архимандритомъ оныя, митрополичій домъ при софійскомъ соборѣ отдать подъ главное народное училище и подъ одну часть кіевской академіи, а другую часть академіи помѣстить въ лаврѣ; братскій училищный монастырь обратить въ главный госпиталь, а межигорскій—въ больницу для помѣщенія отставныхъ инвалидовъ или дряхлыхъ офицеровъ. Все сіе распоряженіе, мимо синода и преосвященнаго митрополита Самуила, дѣлалъ князь Григорій Александровичъ Потемкинъ-Таврическій. Но по ходатайству генералъ-фельдмаршала, графа Петра Александровича Румянцева, въ томъ-же году перемѣнено сіе назначеніе: митрополиту дозволено имѣть пребываніе какъ въ лаврѣ, такъ и въ софійскомъ соборѣ, академіи оста-

ваться въ братскомъ монастырѣ и госпиталь устроить въ межигорскомъ, а послѣ въ кирилловскомъ.

Императрица и князь Потемкинъ тайно не благорасположены были къ преосвященному митрополиту Самуилу, вѣроятно за дружескую переписку его съ наслѣдникомъ, цесаревичемъ и великимъ княземъ Павломъ Петровичемъ. Потемкинъ имѣлъ намѣреніе даже вытѣснить преосвященнаго Самуила и на его мѣсто перевести любимца своего, екатеринославскаго архіепископа Амвросія.

## II.

*Письмо митрополита Самуила къ гр. П. А. Румянцеву объ оставленіи кіевской академіи и митрополитанскаго дома на прежнихъ мѣстахъ, не переводя въ кіево-печерскую лавру* [1]).

Милостивый государь и вѣчно почитаемый благодѣтель!

Всѣ выраженія, кои благоугодно было вашему сіятельству въ всепочтеннѣйшемъ вашемъ ко мнѣ письмѣ, отъ 9 іюня начертанномъ, совершенно увѣряютъ меня о непоколебимой вашей ко мнѣ милости и благоволеніи. Чувствую, искренно почитаемый и великодушный благотворитель! всю оныхъ цѣну и доколѣ будетъ во мнѣ дыханіе, благодарность мою свидѣтельствовать обязаннымъ себя нахожу.

Вѣрю, милостивый государь! что вамъ желательно было, чтобы наши обстоятельства оставлены были въ прежнемъ положеніи до всевожделѣннѣйшаго высочайшаго къ намъ пришествія, но Вышняго судьбамъ угодно было рѣшеніе оныхъ предъускорить. Да будетъ Его воля святая! Отъ меня никакова никогда мнѣнія не требовано, все сокрыто было. Духовная коммисія нимало въ семъ произшествіи, какъ я примѣчаю, не участвовала. Мнѣ только извѣстно было, что выдетъ непремѣнно новое положеніе о здѣшнихъ епархіяхъ, но обстоятельства онаго сокрыты были непроницаемою завѣсою.

Признаюсь чистосердечно, что при болѣзняхъ, непрерывно сопровождающихъ мою жизнь и нынѣ ежеминутно умножающихся, перемѣщеніе академіи и дома архіерейскаго до крайности меня

[1]) Митрополитъ *Самуилъ Миславскій* вступилъ на кіевскую митрополичью каѳедру въ 1783 г., скончался 5 января 1793 г. и погребенъ въ софійскомъ соборѣ.

озабочиваетъ и даже ввергаетъ меня въ неописанное унынiе, или, лучше сказать, приближаетъ меня ощутительнымъ образомъ къ последнему концу моея жизни. Возлагаю все упованiе мое на безпредѣльную благость Божiю и всемогущество, но чувствую, что хотя духъ бодръ, однако плоть немощна. Не знаю, что предпрiять. Рѣшился я послать всеподданнѣйшее прошенiе о прибавкѣ сроку для помѣщенiя академiи и адресовалъ оное къ его сiятельству, графу Александрѣ Андреевичу господину Безбородкѣ; но вѣдая, сколь его сiятельство обремененъ дѣлами, о успѣхѣ и отмѣнѣ сомнѣваюсь, а срокъ въ семъ короткой предписанъ. Въ лаврѣ академiю помѣстить почти не можно и дому архiерейскому тамъ быть совсѣмъ не удобно: нѣтъ покоевъ ни для классовъ, ни для учителей, ни для казеннымъ учениковъ; мѣсто тѣсное, безводное, бездровное; своекоштнымъ ученикамъ вовсе нѣгдѣ квартиры нанять. Умалчиваю о другихъ трудностяхъ и препятствiяхъ. Со всѣмъ тѣмъ долженъ я исполнить, что на меня возложено. Покои архимандричьи приказалъ внутри, сколько возможно, вычинить, а для академiи не могу сыскать средства. Нахожусь въ превеликомъ смущенiи духа и недоумѣнiи, что предпрiять; рѣшиться-ли по болѣзнямъ моимъ на избранiе уединенiя, или ожидать того-же жребiя, каковому подверженъ отецъ архимандритъ Зосима [1]). Его состоянiе достойно всякаго сожалѣнiя. Лишился зрѣнiя вовсе, удаленъ отъ города, отъ прiятелей, отъ врачей и нѣтъ кому подать ему руку помощи, и ближнiи его отдалече его сташа. Господи! не введи и меня во искушенiе. Но можетъ быть моя жизнь скоро прекратится. При другихъ болѣзняхъ причинилась мнѣ лихорадка: по пословицѣ „бѣда бѣды родитъ“; едва перомъ дѣйствовать могу. Но да будетъ воля Господня! Я не столько пекусь о моей жизни, сколько желаю, чтобы академiя осталась на прежнемъ мѣстѣ и при соборѣ софiйскомъ—архiерейскiй домъ. Но, вообразивъ стеченiе обстоятельствъ, отчаяваюсь. Граждане подольскiе со слезами просятъ, чтобъ братскiй монастырь остался; но я помочь имъ не въ силахъ. По моему мнѣнiю найвыгоднѣйшее мѣсто для госпиталя въ межигорскомъ монастырѣ,

[1]) Архимандритъ *Зосима Валькевичъ* (1762—1786 г.) послѣднiй настоятель кiево-печерской лавры, архимандричьяго чина и послѣднiй изъ избираемыхъ въ сiе званiе вольными голосами, въ 1786 г. уволенъ на пребыванiе въ голосѣевскую пустыню, гдѣ и скончался въ 1793 г.

гдѣ и лазарету быть удобно и садъ ботаническій завести можно, а для отставныхъ офицеровъ прилично занять кириловской монастырь, за штатомъ оставшійся. Такъ я мышлю.

Милостивый государь и благотворитель! подкрѣпите многомощнымъ вашимъ предстательствомъ ко престолу величества сіе мое желаніе и намѣреніе. Я-бы и тѣмъ счастливъ былъ, естьли-бы повелѣно высочайше, хотя впредь до особливаго указа, оставить академію и домъ архіерейской на прежнемъ мѣстѣ, или по крайней мѣрѣ отсрочить на два года. Все сіе открыть осмѣлился я для собственнаго вашего свѣдѣнія.

Всесильный Господь да укрѣпитъ дражайшее вашего сіятельства здравіе непоколебимо къ истинной радости и удовольствію того, кой съ нелицемѣрнымъ высокопочитаніемъ до конца жизни есмь.

Вашего сіятельства, милостиваго государя, всеусерднѣйшій богомолецъ и вѣрно покорнѣйшій слуга, Самуилъ митрополитъ кіевскій.

1786 г., іюня 24 дня.
Кіевъ.

---

## СЛОВЕЧКО ПО ПОВОДУ ЗАМѢЧАНІЯ О ФЕДЕРАТИВНОМЪ НАЧАЛѢ ВЪ ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Въ статьѣ: „Удѣльный періодъ и его изученіе", напечатанной во 2-мъ нумерѣ „Кіевской Старины" текущаго года, авторъ вспомнивши мимоходомъ о моей статьѣ: „Мысли о федеративномъ началѣ въ древней Руси", помѣщенной лѣтъ тому болѣе двадцати назадъ въ журналѣ „Основа", находитъ, что терминъ федеративный не совсѣмъ удаченъ для обозначенія тогдашняго политическаго строя Россіи. Подъ федераціею, говоритъ почтенный авторъ, обыкновенно разумѣютъ такой порядокъ вещей, при которомъ отдѣльныя единицы, составляющія федерацію, сознательно переуступаютъ часть своей власти въ пользу какого нибудь центральнаго правительственнаго учрежденія (конгресса или сейма). Ничего подобнаго не можемъ мы отыскать въ древней русской жизни. Тѣ условія федеративной связи (общность происхожденія, быта, языка, православной вѣры), на которыя ссылается Костомаровъ, относятся къ области этнографіи, между тѣмъ какъ федерація—принципъ преимущественно,

если не исключительно политическій. Если ужь опредѣлять какимъ нибудь терминомъ начала древне-русской жизни, то мы предпочли-бы термины областность, областной" и пр.

Когда-то въ залѣ санктпетербургскаго университета защищалъ диссертацію одинъ господинъ, бывшій впослѣдствіи въ теченіи нѣскольких лѣтъ на каѳедрѣ русской исторіи. Онъ въ своей диссертаціи коснулся также мыслей о федеративномъ началѣ въ древней Руси и, упомянувши при этомъ обо мнѣ, замѣтилъ, что слово федеративный совсѣмъ не пригодно къ русской древней исторіи; мы де знаемъ федерацію только въ Нидерландахъ, въ Швейцаріи да въ Соединенныхъ Штатахъ Америки. По окончаніи возраженій, дѣланныхъ офиціальными оппонентами, вступилъ въ диспутъ и я. Говорилъ я тогда этому господину тоже, что теперь выскажу снова по поводу статьи, напечатанной въ „Кіевской Старинѣ".

Въ древней Руси я не видѣлъ вполнѣ сложившейся федераціи и нигдѣ, сколько помнится, не назвалъ удѣльно-вѣчевую Русь федераціей въ смыслѣ политическаго тѣла, съ конгрессами или сеймами, въ родѣ Соединенныхъ Штатовъ; я говорилъ только о федеративномъ началѣ и если позволялъ себѣ видѣть въ древней Руси что-то въ родѣ федераціи, то развѣ федераціи въ зачаточномъ видѣ. У насъ въ древней Руси все было неопредѣленно: *земля бѣ невидима и неустроена, и тьма верху бездни,* въ которой зачинались, бродили и возростали сѣмена исторической жизни, и духъ творчества носился надъ этою бездною. Подъ федеративными началами я разумѣлъ тѣ признаки, изъ которыхъ непремѣнно должна была образоваться опредѣленная федерація, если-бы жизнь предоставлена была своему естественному саморазвитію, не подвергаясь случайнымъ переворотамъ, обратившимъ ее въ иную сторону. Произошло нѣчто такое, чего никто не могъ ожидать и еще менѣе предвидѣть—произошло монгольское завоеваніе; все перевернулось вверхъ дномъ, пошла русская жизнь совершенно по новому пути, сложился совсѣмъ иной строй и древнія федеративныя начала, вмѣсто того чтобы дозрѣть до сознательной федераціи, остались только въ воспоминаніяхъ объ отдаленной старинѣ. Впрочемъ какъ въ матеріальномъ мірѣ нѣтъ двухъ тождественныхъ особей, такъ и въ мірѣ отвлеченномъ нѣтъ двухъ представленій совершенно тождественныхъ. Я полагаю, что слово федерація нельзя понимать такъ узко,

чтобъ не смѣть его употребить относительно чего нибудь иного, кромѣ республиканскихъ союзовъ новѣйшей формаціи, которымъ мы привыкли давать это названіе. Оно въ наукѣ должно имѣть болѣе широкое приложеніе. Не всякая федерація непремѣнно должна быть во всемъ одинакова съ другою, какъ и общества человѣческія стоятъ между собою не въ одинаковой степени развитія. Едва-ли станутъ отрицать, что въ древней Греціи была федерація, хотя и недодѣланная. Но если мы сравнимъ ее съ нашею Русью удѣльно-вѣчеваго уклада, то, при чрезвычайно важныхъ и рѣзкихъ несходствахъ и различіяхъ, найдемъ черты очень подобныя въ той и другой. Въ Греціи связь частей была слаба и основывалась на такихъ признакахъ, которые присущи были нашей древней Руси: единство племени, хотя съ отличающимися другъ отъ друга колѣнами, единство языка, хотя съ тремя нарѣчіями, единство религіи, хотя съ мѣстными божествами и съ мѣстными въ честь этихъ божествъ обрядами. Что касается до институцій, которыя-бы сознательно учреждены были съ цѣлію сохранять и поддерживать связь частей, кромѣ олимпійскихъ и пиѳійскихъ игръ, да таинствъ—что относится собственно къ области религіи—мы знаемъ однихъ амфиктіоновъ, во всѣ времена безсильныхъ остановить внутреннія несогласія и войны, точь въ точь какъ были безсильны наши попытки съѣздовъ княжескихъ. Греція, при всей высотѣ своего интеллектуальнаго развитія, не доросла до прочной, крѣпкой федераціи: кто-же скажетъ, что въ ней не было федеративныхъ началъ? Съ другой стороны можно-ли ручаться за совершенную прочность и незыблемую крѣпость новѣйшихъ такихъ федерацій, на которыя указываютъ въ опроверженіе намъ, когда мы прилагаемъ этотъ терминъ къ русской исторіи удѣльно вѣчеваго уклада? Исторія Америки, не только южной, но и сѣверной, Соединенныхъ Штатовъ, достаточно даетъ отрицательный отвѣтъ. Что касается до замѣны словомъ *областной* слова *федеративный*, то термины *область, областность, областное* возможны въ самомъ централистичномъ государствѣ и совсѣмъ не идутъ туда, гдѣ мы хотимъ усматривать начала федераціи.

**Николай Костомаровъ.**

# ПИСЬМО КОШЕВОГО ОСИПА ГЛАДКОГО КЪ А. А. СКАЛЬКОВСКОМУ.

Милостивый государь,

Аполлонъ Александровичъ!

На почтеннѣйшее письмо ваше отъ 21 іюля имѣю честь съ удовольствіемъ отозваться: до поступленія моего Кошевымъ запорожскаго войска въ Турціи были *Кошевыми*, съ 1815 года, какъ мнѣ извѣстно: 1-й Иванъ Таранъ, 2-й Василій Смыкъ, 3-й Никифоръ Белюга, 4-й Семенъ Морозъ, 5-й Игнатъ Стебліивській, 6-й Михайло Губа, 7-й Андрей Стрѣльцовъ и 8-й Василій Чернега, и сей послѣдній и здалъ мнѣ правленіе Кошеваго.

„При переходѣ моемъ въ Россію 1828 года были при мнѣ: *эсауломъ* Василій Туминевичъ, *писаремъ* Степанъ Коханенко, а атаманы куренные: платнирівськаго Григорій Смирный (что нынѣ эсаулъ), пашківскаго Трофимъ Баланъ, чистяківськаго Василій Федоренко, каленівськаго Мойсей Католикъ (что нынѣ заурядъ эсаулъ), черелівськаго Антонъ Чернега, произведенный въ турецкую кампанію сотникомъ, дидьківськаго Василій Бурый, незамаивськаго Иванъ Чуприна, сергиівськаго Иванъ Дубина, крилівськаго Иванъ Таранъ, щербинівськаго Павло Орелъ, полтавськаго Иванъ Оберемокъ, миньскаго Илья Бардашенко, величківськаго Степанъ Чумакъ, иванівськаго Андрей Стрѣльцовъ, бывшіе Кошевыми: ведмедівськаго Петръ Зайка, пластунівьскаго Григорій Чернега, выше-стебливьскаго Антонъ Бартовскій, куринівськаго Иванъ Калокай, донскаго Иванъ Кожуховъ, бруховецькаго Григорій Таранъ, титорівськаго Якимъ Середа, шкуріньскаго Никифоръ Чалый и корсунськаго Петро Рудый, а остальныхъ куриней отамановъ не припомню, списка-же имъ не велось. Войсковыхъ старшинъ не было, а полковники наряжались при сходкѣ всѣхъ отамановъ Кошевымъ; при надобности, для посылки на слѣдствіе или другіе дѣла, давался ему отъ Кошеваго приказъ и вмѣстѣ поручался вице-пирначь, и этимъ утверждался на время полковникомъ, возвратившись-же съ командировки таковый наряженный полковникъ отдаетъ Кошевому обратно приказъ и вице-пирначь, поступаетъ на свое мѣсто куреннаго отамана, и такимъ образомъ при всякой надобности назначался

полковникъ изъ расторопныхъ отамановъ куреней, а постоянныхъ полковниковъ не было.

„У меня осталась печать запорожскаго войска, когда оно было подъ турецкимъ владѣніемъ, и я по желанію вашему снявъ съ ея на сургучѣ образецъ, при семъ вамъ посылаю [1]).

Съ истиннымъ почтеніемъ и совершенною преданностію имѣю честь быть вамъ, милостивый государь, покорнѣйшимъ слугой.

Подлинное подписалъ: „Осипъ Гладкій".

23 августа 1841 года.
Посадъ Петровскій.

Письмо это въ копіи обязательно сообщено намъ маститымъ историкомъ Запорожья А. А. Скальковскимъ, по поводу законченной теперь печатаніемъ статьи г. Кондратовича: *Задунайская Сѣчь* по мѣстнымъ воспоминаніямъ и разсказамъ, и служитъ дополненіемъ и подтвержденіемъ такъ заботливо собранныхъ г. Кондратовичемъ свѣдѣній. Особенный интересъ представляетъ замѣчаніе Гладкого о званіи полковника въ Задунайской Сѣчи, которая была точнымъ сколкомъ Сѣчи Днѣпровской. Не въ этомъ-ли временномъ характерѣ полковничьяго званія заключается разгадка того не разъясненнаго факта, что извѣстный предводитель украинскаго возстанія 1768 года Максимъ Желѣзнякъ явился изъ Запорожья въ Украйну съ титуломъ полковника? Если онъ выступилъ въ защиту народа по полномочію или наказу Коша, то этотъ титулъ на время военной операціи принадлежалъ ему, такъ сказать, по праву; если-же онъ бросился въ отчаянную экспедицію лишь съ вѣдома и согласія Коша, въ чемъ, кажется, не можетъ быть сомнѣнія, то и въ семъ случаѣ онъ не былъ ни лжецомъ, ни обманщикомъ, а носилъ почетный титулъ въ силу давняго запорожскаго обычая и строя.—*Ред.*

---

## ОТЖИВАЮЩАЯ ИЛИ НАЧАЛЬНАЯ ФОРМА „ВЕРТЕПНОЙ ДРАМЫ"?

Къ вопросу о вертепныхъ представленіяхъ, разработываемому въ „Кіевской Старинѣ", могу сообщить небольшую справку. Два

[1]) Образчикъ напечатанъ мною въ III-й части «Исторіи Новой Сѣчи».—А. С.

года назадъ мнѣ случилось видѣть своего рода вертепное театральное представленіе въ г. Луцкѣ, волынской губерніи. Это было на рождественскихъ праздникахъ. Въ домъ, гдѣ я находилась, пришелъ какой-то странствующій „мазуръ“ и предложилъ показать „представленіе“. Мазура впустили; онъ явился вмѣстѣ со своимъ помощникомъ, небольшимъ мальчикомъ; войдя въ комнату, они стали располагаться съ ящикомъ, чрезвычайно похожимъ на тотъ, который изображенъ въ приложеніи къ октябрьской книжкѣ „Кіевской Старины“ за 1882 г. (при текстѣ вертепной драмы, сообщенной г-номъ Галаганомъ). Къ ящику принадлежалъ цѣлый мѣшокъ со многими куклами, которыя и явились дѣйствующими лицами драмы, въ то время какъ „мазуръ“ исполнялъ за нихъ пѣніе, монологи и діалоги. Дѣйствіе раздѣлено было на двѣ части, неравныя по объёму: первая часть, очень короткая, представляла эпизодъ религіозный, гдѣ изображалась Дѣва Марія и Іосифъ, подлѣ младенца Іисуса—цари, приходящіе ему поклониться и т. д.; вторая часть, несравненно большая, не имѣла никакого отношенія къ первой и представляла собою рядъ бытовыхъ сценъ комическаго характера. Здѣсь фигурировали представители разныхъ народностей: цыганъ, жидъ, мазуръ и русинъ, всѣ въ сопровожденіи также своихъ женъ. Среди дѣйствія являлась нѣсколько разъ смерть и похищала нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ, несмотря на ихъ лестныя предложенія отступнаго (такъ цыганъ предлагалъ смерти лучшаго своего коня, еврей—тысячу злотыхъ, безъ уплаты процентовъ); но смерть оставалась неумолима, утаскивая свои жертвы и приводя въ нѣкоторый страхъ маленькихъ зрителей—дѣтей, съ необычайнымъ любопытствомъ слѣдившихъ за ходомъ дѣйствій кукольныхъ персонажей, одухотворяемыхъ ловкимъ мазуромъ. Искусство послѣдняго ярче всего обнаружилось при фигурированіи куклы, изображавшей тоже мазура: съ большой бравурностью былъ нѣсколько разъ повторяемъ танецъ мазура, съ припѣвомъ, начинавшимся такъ:

*„Krakowiaczek jestem*
*W Krakowie się rodził,*
*Cztery liata nie miał,*
*Do panienek chodził“.*

Все представленіе велось на польскомъ языкѣ. Мнѣ чрезвычайно показалось интереснымъ это незатѣйливое народное представленіе;

захотѣлось, не смотря на чуждый языкъ, записать хотя часть интереснаго текста, совершенно для меня незнакомаго (кромѣ двухъ извѣстныхъ польскихъ-же колядокъ, исполненныхъ въ первой части представленія). Однако-же на мое предложеніе записать нѣкоторые номера, *„режиссеръ“*—мазуръ сказалъ, что теперь ему некогда: надо-молъ воспользоваться послѣднимъ святочнымъ вечеромъ, чтобы показать вертепъ еще въ нѣсколькихъ домахъ города, „а вотъ завтра утромъ“, успокоилъ меня мазуръ, „приду опять къ вамъ и тогда можно будетъ писать“. Но увы, поспѣшно исчезнувши, мазуръ больше не показывался: перспектива записыванія отъ него „польскаго“ (!) текста, должно быть, устрашила его, чему я, соображая хорошо извѣстныя мнѣ обстоятельства жизни въ юго-западномъ краѣ, признаться сказать, не особенно удивляюсь. Жалѣю только, что, благодаря этому обстоятельству, у меня въ памяти осталось лишь содержаніе вертепнаго представленія, да общій характеръ текста, совершенно простонародный.

О. Пч.

---

## ПОДЛЯСКАЯ ЗЛОПОЛУЧНИЦА.

Въ январской книжкѣ „Кіевской Старины“ за нынѣшній годъ, въ отдѣлѣ *Извѣстій и Замѣтокъ*, напечатанъ варіантъ пѣсни о молодой дѣвицѣ, жестоко пострадавшей отъ своихъ соблазнителей. Напечатанный варіантъ служитъ дополненіемъ къ тѣмъ пѣснямъ о томъ-же событіи, которыя имѣются въ разныхъ печатныхъ сборникахъ и въ которыхъ постоянно мѣняются названія жестокихъ соблазнителей: чужеземецъ, запорожецъ, донскій козакъ, татаринъ. Любопытно, что эта-же пѣсня поется и на послѣдней окраинѣ русскаго населенія со стороны Польши, на Подлясьи, именно въ сѣдлецкой губерніи. Но у подляской злополучницы свой врагъ, совершенно отличный отъ бродячихъ или захожихъ враговъ другихъ южно-русскихъ злополучницъ, не чужеземецъ, не запорожецъ, не козакъ, не татаринъ, но „дворанинъ“, „дворакъ“. „Дворани“ или „двораки“ часто фигурируютъ въ подляскихъ пѣсняхъ и—всегда какъ враги народа, какъ люди праздные, пустые, гулящіе и жестокіе. Извѣстно, что подляское русское дворянство, охваченное съ

двухъ сторонъ литвинами и ляхами, раньше другихъ своихъ собратій было нравственно подавлено и деморализовано, раньше всѣхъ приняло чуждый языкъ и обычаи, прежде всѣхъ согласилось на люблинскую унію, найболѣе дѣятельно пропагандировало унію церковную. Народъ, нѣкогда твердо стоявшій за свою русскую народность и православную вѣру [1]), не могъ сохранить признательной памяти о такомъ дворянствѣ. Вотъ самая пѣсня, записанная въ числѣ многихъ другихъ, по просьбѣ нашей, въ 1867 году, въ бѣльскомъ уѣздѣ б. учителемъ греко-уніатскаго училища въ д. Полоскахъ, г. *Медвѣдемъ*.

Ой вже сонце низенько, вже вечôръ близенько.
Дівчино, серденько, присунься близенько!
На двôрі криниця, зимная водиця,—
Що дворанина, то все ледащиця!
Пье въ корчмі, гуляе, дівча намовляе.
Ходи, дівча, зъ нами, зъ нами двораками,
Буде тобі ліпше, якъ у твеі мамы.
У твосі мамы кошуля латана,
А въ насъ двораченькôвъ шовкомъ вышивана.
Ой у твеі мамы дубовіи лычка [2]),
А въ насъ двораченькôвъ жовті черевички.
Ой стала дівчина, стала й подумала,
Стала—подумала, сіла й поіхала.
Завезли дівчину подъ быструю воду:
Вернися, дівчино, до своёго роду!..
Въ воду не втоплюся, къ роду не вернуся,
Бо отъ свого роду стыду наберуся.
Ой везли дівчину лісами-борами,
Питали дівчину: що-жъ то буде зъ нами?
Ой стала дівчина, сосны полічила...
Вчепили дівчину до сосны плечима.
Выкресали огню зъ білого кременя,
Запалили сосну зъ верха до корéня.

---

[1]) См. въ «Холмскомъ греко-уніатскомъ Мѣсяцесловѣ» на 1871 годъ статьи «Нѣсколько данныхъ о переходномъ состояніи Подлясья послѣ брестскаго собор 1595 года».

[2]) Лапти изъ коры молодаго дубняка.

Сосна догорае, дівча промовляе:
„Хто въ бору ночуе, нехай тое чуе,
А хто дочку мае, нехай научае,
Нехай зъ двораками въ корчмі не гуляе“.

N.

Варшава.

---

## ТАЛАВИРЯ.

(ПАСТУШЕСКАЯ ПѢСНЯ).

Въ августовской книжкѣ „Кіевской Старины“ помѣщена „пастушеская пѣсня-былина Курта“. Мнѣ удалось записать варіантъ ея совсѣмъ подъ другимъ заголовкомъ и болѣе подходящій къ размѣру думъ. Записанъ онъ въ александровскомъ уѣздѣ, екатерин. г., кромѣ того я слышалъ его и въ харьк. губ., изюмск. у. Варіантъ фонъ-Носа, мнѣ кажется, тронутъ рукою грамотнаго человѣка и вотъ почему: въ стихѣ „и гадюку и казюку—усе бачишь“—два равнозначущіе слова, потомъ—къ чему полудикій чабанъ упоминаетъ Брюховецкаго и кошевого Сірка? (въ моемъ варіантѣ Сірко—собака). Обращеніе къ вѣтру кажется черезчуръ многорѣчивымъ, и слово „стружки“ не наше, его замѣняютъ „тріски“. Вообще александровскій варіантъ по своему юмору и чисто реальнымъ представленіямъ—отдаетъ болѣе народнымъ непосредственнымъ творчествомъ и заслуживаетъ полнаго вниманія.

Талавирі—вирі—вирі—вирі,
Та якъ пасъ я штирі [1])—бирі—
Сімсотъ ще й чотырі,
Та вона мені по глечику молока носила,
Та по коряку сыра.
Та якъ зійду на могилу,
Та прокину сірячину,
Та ляжу трохи спочину.
А чи спавъ, чи не спавъ,
Четвертого дня вранці ставъ!
А чи івъ, чи не івъ,
Трое хліба ззівъ!
Та нема-жъ моей штырі-бирі—

---

[1]) Штыра—яловая стриженая овца.

Сімсотъ ще й чотырі!
Якъ пішовъ я лугами та берегами—
Шукати своей штирі-бирі,—
Сімсотъ ще й чотырі.—
Ой я-жъ думавъ, що то біліють овечки,
Ажъ то мій хозяинъ та насіявъ гречки.
Ой я-жъ думавъ, що то баранці, баранці,
Ажъ то мого хазяина кабанці, кабанці.
Ой я-жъ думавъ, що то вітеръ шумить,
Ажъ то мій хазяинъ на сивімъ коню біжить.
Та запахли мені горячіи книши...
Яжъ думавъ, що то гарячіи книши,
Ажъ то мій хазяинъ та запаривъ на мене бичи.
Якъ узявъ мене тими книшами годувати,
Якъ узявъ мене тими бичами потягати,
Бивъ, бивъ,
Десятого не добивъ,
Тай той коло мене положивъ!
Ой орлику, братіку,
Ты высоко літаешь,
Ты далеко видаешь,
Чи не бачивъ ты моеі штирі-бирі,
Сімсотъ ще й чотырі?
Ажъ тамъ твоі штири-бирі,
Сімсотъ ще й чотырі:
Та погнавъ вовчикъ сіренькій...
Та въ теі нема ноги,
Въ теі головы,
А въ теі хвоста,
Та цапъ напирае,
А Сірко підганяе,
А сучка Муштучка припиняе...
Найшовъ вівці,
Найшовъ вівці,
Найшовъ вівці!..

**Ив. Манжура.**

# АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

**примѣчательныхъ личныхъ и географическихъ именъ, встрѣчающихся въ V томѣ „Кіевской Старины" *).**



*) Цифры означаютъ стр. тома.